

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

83

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

83

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

*Н. Я. МЕРПЕРТ*НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
В СВЯЗИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМОЙ

Вопросы этнической интерпретации археологических культур энеолита и эпохи бронзы крайне сложны. Не только разрешение, но и постановка их сталкиваются с отсутствием достаточно четкой методики, с неизученностью соотношения языковой и культурной общности для конкретных территорий и конкретных эпох.

Вместе с тем исследование в этом направлении, создание методики и постепенный переход к решению частных, а потом и общих проблем — одна из наиболее значительных задач всех наук, изучающих древнейшую историю человечества, и прежде всего — археологии и лингвистики. Перед археологией как исторической наукой разработка проблем этнической интерпретации древних культур откроет бескрайние перспективы создания древнейшей истории исторически известных народов, выяснения их этнических и культурных корней. И чем дальше, тем все более четко выявляется огромное значение археологических исследований для разработки основных этногенетических проблем, сколь бы ни были велики трудности на этом пути.

При современном состоянии знаний наибольшее значение для исследователей этой проблемы имеют территории, широко археологически изученные, служившие местом больших этнических и культурных событий. И поскольку единственно удовлетворительный метод, который может быть применим здесь, — это метод ретроспективный — от известного к неизвестному, — наибольшее внимание должны привлекать эпохи появления письменности (или непосредственно предшествовавшие им) на исследуемой территории в смежных с ней областях.

Естественно, что для исследователей индоевропейской проблемы Восточное Средиземноморье — в самом широком понимании этого слова — приобретает особое значение. Последние десятилетия наиболее активно изучаются два комплекса вопросов: первый связан с древнейшей историей Балканского полуострова, островов Восточного Средиземноморья и Анатолии, второй — с древнейшей историей Причерноморья и Прикаспия.

Интенсивные исследования древнейших памятников Балкан и Анатолии за последние десятилетия (начиная с работ Х. Цунтаса и до последних трудов В. Милойича, Дж. Каски, Дж. Меллаарта и др.)¹, а также крупнейшие

¹ Τσοῦντας Χρ. Αἱ προϊστορικά ἀρχαεολογία Διμηνίου καὶ Σέσκλου Ἀθῆναι (Афины), 1908; V. Milošičič. Die deutschen Ausgrabungen in Thessalien. (Ergebnisse und Probleme).

лингвистические открытия (академик В. Георгиев, М. Вентрис, Дж. Чэдвик и др.)² создали реальные условия для комплексного, археолого-лингвистического рассмотрения интересующей нас проблемы на Балканах и в Анатолии. Оказалось возможным отнести к более древним периодам корни крупнейших языковых и культурных явлений истории, таких, например, как происхождение греческого народа и его великой культуры. Они позволили поставить многие важные вопросы, касающиеся хеттской и лувийской проблем, соотношения индоевропейских и неиндоевропейских групп в Анатолии, культурных и этнических связей Анатолии и Балкан. Тем самым был обусловлен ряд весьма существенных обобщений, сделанных в исследованиях С. Бледжена, К. Биттеля, Матца, А. Гётце, Ф. Шахермейера, Дж. Меллаарта, С. Вейнберга, В. Милойичича и др.³ Интересны и результаты этих обобщений, и сама методика комплексного археолого-лингвистического исследования. Уже сейчас для исследователя весьма поучительно подвести итоги этим важным работам и рассмотреть их методику.

На территории Советского Союза проведено широкое, последовательное изучение огромной полосы степи и лесостепи — от юга Средней Азии до Западного Причерноморья. Эта территория, начиная с глубочайшей древности, была тесно связана с Передним Востоком и Средиземноморьем, и целый ряд крупных проблем истории Восточного Средиземноморья нельзя разрешить, не учитывая ее.

Евразийские степи на различных этапах истории были ареной передвижений больших человеческих групп. Ряд таких перемещений относится к «письменному» периоду истории и зафиксирован памятниками письменности. Эти передвижения различны по характеру и историческим последствиям, но все они — от скифов до монголов — оставили глубокий след в истории европейских и азиатских народов. Однако и в более древние эпохи, когда эта территория и вся Восточная Европа не были еще освещены письменными источниками, здесь происходили передвижения, не уступавшие поздним по масштабу и, возможно, превосходившие их по историческому значению, так как с ними связаны важнейшие моменты формирования населения Европы.

«Historia», Bd. IV, H. 4, Wiesbaden, 1955, стр. 466 и сл., а также статьи в «Arsh. Anzeiger» за 1954—1956 гг.; J. L. Caskey. Excavations at Lerna, 1952—1953. «Hesperia», v. XXIII, N 1, 1954; его же. Excavations at Lerna, 1954. «Hesperia», v. XXIV, N 1, 1955; его же. Excavations at Lerna, 1955. «Hesperia», v. XXV, N 2, 1956; его же. Excavations at Lerna, 1957. «Hesperia», v. XXVII, N 2, 1958; J. Mellaart. Anatolian chronology in the Early and Middle Bronze Age. *Anatolian Studies*, VII, 1957.

² Академик В. Георгиев. Проблемы минойского языка. София, 1953; его же. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954; его же. Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей. Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка, т. 14, № 3, 1955; его же. Словарь крито-микенских надписей. София, 1955; M. A. Ventris. A note on decipherment methods. «Antiquity», N 108, 1953; M. Ventris and J. Chadwick. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives. *JHS*, 73, 1953; M. Ventris and J. Chadwick. Studies in Mycenaean inscriptions and dialect. *Bibliographical Survey 1953—1955*. London, 1956. См. также С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957.

³ C. W. Blegen. Troy. I, Princeton, 1950; II, 1951; III, 1953; IV, 1958; K. Bittel. Zur Chronologie der anatolischen Frühkulturen. *Reinicke-Festschrift*, Mainz, 1950; Matz. Zur ägäischen Chronologie der frühen Bronzezeit. «Historia», Bd. I, H. 2, Baden-Baden, 1950; A. Goetze. The cultures of Early Anatolia, *Proceeding of the American Philosophical Society*, 1953; F. Schachermeier. Die älteste Kulturen Griechenlands. W. Kohlhammer Verlag, Stuttgart, 1955; J. Mellaart. Anatolian chronology in the Early and Middle Bronze Age. *Anatolian Studies*, VII, 1957; S. Weinberg. The relative chronology of the Aegae in the neolithic period and the Early Bronze Age. *Relative chronology in old world archaeology*. Chicago, 1954; V. Milojević. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin, 1949. См. также В. М. Массон и Н. Я. Мерперт. Вопросы хронологии Старого света. СА, 1958, № 1; Н. Я. Мерперт. К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы СА, 1957, № 1.

...Эта же территория играла большую роль в развитии культурного обмена между самыми отдаленными областями и в распространении крупнейших достижений человеческой культуры и экономики. Связи эти осуществлялись тремя путями. Первый путь шел через Балканы и Западное Причерноморье. Исследование неолита и энеолита здесь теснейшим образом связано с проблемой трипольской культуры и древнейшего земледельческого населения этой части Восточной Европы. Второй путь пролегал через Кавказ и Западный Прикаспий. Он соединял евразийскую степную полосу непосредственно с Восточной Анатolieй и сыграл немалую роль в судьбах и Анатolieи, и населения Закавказья, Кавказа и огромного участка Каспийско-Черноморских степей. Третий путь, шедший через Иранское нагорье, Среднюю Азию и Северный Прикаспий, соединял евразийские степи с великими земледельческими культурами Передней Азии, с которыми были тесно связаны и области Восточного Средиземноморья.

Поэтому совершенно закономерны прямые свидетельства культурного сходства Анатolieи с Закавказьем, Кавказом и югом Средней Азии и проникновение анатolieйских элементов в более северные районы. Но главный вопрос при изучении и сличении обеих указанных территорий не исчерпывается лишь фиксацией прямого культурного родства в отдельных областях. Он состоит в том, что на обеих территориях, начиная с глубокой древности, были расселены различные группы индоевропейских племен. Изучение обеих территорий, сколь бы ни были значительны культурные различия между ними, связано с единым комплексом вопросов — с древнейшими судьбами индоевропейцев. Тем больший интерес приобретают сличение и совместное рассмотрение некоторых результатов изучения обеих территорий и возникших на этом основании гипотез.

На территории Восточного Средиземноморья проведены весьма значительные работы, сопоставляющие итоги широких исследований на Балканах и в Анатolieи. Создание и обоснование хронологической шкалы, сопоставление и синхронизация большого числа памятников (К. Биттель, А. Гётце, Дж. Меллаарт, В. Милойич и др.)⁴, выяснение ареалов основных культурных областей, их изменений и взаимодействий позволили связать памятники с определенными этническими группами и наметить исторически важные перемещения этих групп, сыгравшие большую роль в формировании народов Средиземноморья.

При этом наибольшее внимание уделялось именно перемещениям и определению их последствий, позитивных (появление новых культурных элементов или целых культур) и негативных (массовые разрушения, смещение ареалов культур в определенном направлении). Археологические данные при таких построениях использовались комплексно, с выделением основных, определяющих явлений. Такого рода историко-топографические заключения сопоставлялись с результатами топонимического изучения и анализа прочих лингвистических данных. Эти исследования позволили сделать некоторые важные позитивные построения.

Так, перемещение археологических культур Анатolieи на рубеже III и II тысячелетий до н. э. убедительно связано с продвижением из более восточных районов большой группы хеттских племен, занявших между 1900 и 1850 гг. до н. э. области Центральной Анатolieи. Здесь археологические свидетельства интересно сочетаются с анализом так называемого «текста Аниты», что придает построению стройность и убедительность. С этим же перемещением связывается передвижение в прибрежные области Анатolieи, а затем и далее — на Балканы древнейших греческих племен (Дж. Меллаарт). Таким образом, развит и представлен на широком историческом фоне известный тезис (С. Бледжен, Ф. Шахермейер и др.) о приходе греков

⁴ См. примечание 3 на стр. 4.

из Азии в начале среднеэллиадского периода. Здесь также археологические данные, — прежде всего распространение серой минийской керамики, — сочетаются с лингвистическими данными (топонимика).

При дальнейшей разработке этих построений весьма важно изучение внутреннего социально-экономического и культурного развития наметившихся культурных областей и сопоставление их с обширными смежными районами. Это может обогатить исследование, углубить и прокорректировать ряд моментов. Так, например, отнюдь не отрицая передвижений хеттов, можно указать на то, что упадок анатолийских поселений на рубеже III и II тысячелетий до н. э. связывается с общим упадком земледельческих поселений конца первобытно-общинного строя на огромной территории, охватывавшей Поднепровье, Подунавье, Балканы, Анатолию — вплоть до юга Средней Азии. И корни данного явления следует, очевидно, искать не столько в перемещениях и разрушениях, сколько в изменениях экономического и социального порядка. Такого рода изменения охватили целый ряд культур, связанных общим уровнем социально-экономического развития. И именно этот упадок мог быть одним из важных моментов, обусловивших перемещение и вторжение больших племенных групп, подобных хеттам, привлеченных слабостью «перед их фронтом».

Необходимость анализа внутреннего развития и привлечения материалов смежных территорий выявляется особенно четко при рассмотрении указанных построений в связи с общими вопросами индоевропейской проблемы. Попытки создания общей схемы с использованием археологических и лингвистических данных предпринимались неоднократно (работы академика Б. Грозного⁵ и др.).

Последняя попытка, построенная на анатолийском и балканском материале, сделана Д. Меллаартом⁶. В его исследовании указанные выше гипотезы о передвижениях хеттов и греков представлены в соответствии с общей картиной расселения индоевропейцев. При этом миграции с востока на запад конкретных индоевропейских групп на рубеже III и II тысячелетий до н. э. предпослана серия других миграций, более ранних (середины и второй половины III тысячелетия до н. э.) и имевших обратное направление — с запада на восток. Исходной территорией наиболее ранней из них представлены Нижнее Подунавье и Южная Румыния, которые автор считает единственно возможной прародиной еще единой индоевропейской языковой группы (культура Гумельницы). С дальнейшим распространением этой группы связываются разрушение и смена культуры «жилых холмов» Болгарии, конец Трои I и многих других городов островов и Анатолии, культурные сдвиги в Северо-Западной Анатолии (особенно под влиянием смещенных сюда элементов неолитических культур Болгарии) и в Восточной Греции, где древнейший индоевропейский элемент сочетается с неиндоевропейскими беженцами из Анатолии. Появление первых индоевропейцев в Анатолии связывается с лувийцами, которые в свою очередь около 2300 г. до н. э. были оттеснены к востоку второй волной — греками. Дальнейшие перемещения этих групп и взаимодействие с неиндоевропейскими группами Анатолии приводят к положению, предшествующему миграции хеттов и греков уже в обратном направлении — с востока на запад — на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

Эта смелая и интересная попытка общего построения сталкивается, однако, со многими трудностями и противоречиями. Часть их относится к интерпретации самих памятников рассматриваемой территории (сомнительность разрушения и смены культуры поселений Болгарии и Греции, отсутствие анализа их внутреннего развития). Но основные противоречия, зало-

⁵ B. Grozny. *Älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens*. Praga, 1943.

⁶ S. Mellaart. *The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean*. *Americ. Jour. Arch.*, 1958, N 1.

женные, главным образом, в вопросах времени и места расселения древнейших индоевропейских племен, выявляются в свете исследований во второй указанной выше области — в Северном Причерноморье и Прикаспии. Здесь прямые лингвистические свидетельства пребывания племен индоевропейской языковой группы начинаются с первых веков I тысячелетия до н. э. Они достаточно определены и позволяют отнести к этим племенам большую группу археологических памятников, всесторонне изученных на большой территории, и рассмотреть характер связи этнически определенных памятников с археологическими культурами предшествующих эпох. Эта связь изучается комплексно, всесторонне, не только путем рассмотрения категорий сходных вещей, но прежде всего посредством анализа внутренней механики развития археологических культур и преемственности между ними (по всем основным категориям материалов), в основе которой лежат моменты экономического и общественного развития.

Путем таких исследований выяснена глубокая генетическая связь культуры ираноязычных скифов с культурами развитой и поздней бронзы на указанной территории. Эта связь настолько глубока и многостороння, что принадлежность племен основной археологической культуры эпохи бронзы в Северном Причерноморье — «срубной культуры» к индоевропейской языковой группе представляется несомненной вне зависимости от того, как будет решен вопрос о месте и характере происхождения самих скифов.

Процесс развития «срубной культуры» детально прослежен ныне на протяжении всего II тысячелетия до н. э. Это процесс развития единого крупного племенного массива, не нарушаемый историческими катаклизмами. Никаких свидетельств о смене населения или приходе больших групп, которые могли бы вызвать резкие языковые изменения в данный период, — нет. Это, конечно, не исключает возможности отдельных перемещений и самых широких связей. Одним из важнейших достижений последнего времени является установление восточной ориентации этих связей как основной, выяснение значительного культурного (а скорее всего, и этнического) единства «срубной культуры» с культурой племен развитой бронзы Средней Азии, живших на границе великих земледельческих цивилизаций Иранского нагорья и юга Средней Азии (исследование тазагабьянской культуры Хорезмского оазиса, могильников Заман-Баба II, Вуадиль и мн. др.).

Не менее существенно установление прямой генетической преемственности между «срубной культурой» и предшествовавшей ей энеолитической «древнеямной культурой». Показано, что «древнеямная культура», или, вернее, культурно-историческая область, включавшая ряд родственных культур, развивалась на протяжении всего III тысячелетия до н. э., расширяя свои границы из области Волжско-Каспийских степей на запад, вплоть до Румынии. Исследованиями последних лет выяснено, что и «древнеямная культура» в свою очередь была тесно связана с энеолитом юга Средней Азии (могильник Заман-Баба I, культурные слои пещеры Джебел, открытие ямных погребений на промежуточных территориях — в Оренбургских степях, в районе Магнитогорска и др.). Нет никаких оснований отрывать племена «древнеямной» культурно-исторической области от истории одной из групп индоевропейских племен.

Таким образом, по археологическим данным генетические связи населения индоевропейской языковой группы Причерноморья и Прикаспия I тысячелетия до н. э. уходят в глубочайшую древность. Вместе с тем археологический материал свидетельствует о постоянных и все усиливавшихся связях этих областей с востоком, с территориями древнейших земледельческих цивилизаций и распространения — в более позднюю эпоху — ираноязыческих племен.

Крайне интересны исследования украинских археологов (В. Н. Даниленко), показавшие распространение в Северное Причерноморье с востока

(из Поволжья, Прикаспия и более восточных районов) в конце неолита и энеолита новой большой племенной группы, легшей в основу формирования населения «древнеямной культуры». В этих построениях, в силу специфики рассматриваемой территории, археологическому материалу принадлежит основная роль. Однако и возможности лингвистического анализа и сопоставления с археологическими данными здесь расширились за счет изучения реминисценций индоевропейских языков в языках неиндоевропейских народов лесной полосы Восточной Европы. Такие исследования показывают, что эти реминисценции относятся к весьма древним ступеням развития индоевропейских языков (до расчленения на славянские, германские и балтийские), включают отдельные индо-иранские элементы и прослеживаются в областях, в которых северные племена вступали в контакт с южными в эпоху бронзы⁷.

Все это делает закономерной гипотезу о распространении племен индоевропейской языковой группы в Северном Причерноморье и Прикаспии, начиная с III тысячелетия до н. э., и дальнейшем развитии их на протяжении эпохи бронзы при постоянной связи с югом Средней Азии. Таким образом, в эту эпоху расселение индоевропейских племен, уже разделившихся на различные группы, прослеживается на большой территории, включающей обе рассмотренные области — как Балканы и Анатолию, так и каспийско-причерноморскую полосу. Гипотеза о первоначальной индоевропейской общности на территории культуры Гумельницы в середине III тысячелетия до н. э. оказывается в противоречии с этими фактами. Такая общность явно должна быть отнесена в гораздо большую древность. Проблема эта еще далека от окончательного разрешения, и археологическим материалам обеих рассмотренных выше территорий, несомненно, будет принадлежать в этом исследовании одна из главных ролей.

---

⁷ Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез. Тезисы докладов на VII пленарном заседании комиссии, посвященном проблемам сравнительно-исторической лексикологии. Москва, 1961.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ОЛЬВИЯ И РОДОС
ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ¹

При сравнительной малочисленности письменных свидетельств по истории античных государств Северного Причерноморья каждая новая находка заставляет порой пересматривать весь скудный материал, имеющийся в распоряжении науки,— и для объяснения новонайденного памятника, и для более глубокого понимания ранее известных источников. Исключения не представляет и ольвийский декрет о проксении родосского гражданина, обнаруженный во время раскопок в 1954 г.² Надпись, от которой сохранились начальные части первых 8 строк,— второй документ такого рода из Ольвии; первый — проксения Гелланика, также III в. до н. э., известен уже более ста лет³.

Насколько возможно судить по уцелевшему обломку, перед нами — более или менее стабильный текст постановления совета и народа, предоставляющего чествующему родосцу обычные права ольвийских проксенов. Если учесть роль Родоса в международной торговле эллинистического времени и прямое указание античных писателей о существовании проторенного торгового пути от северных берегов Черного моря к Родосу⁴, то значение нового документа, разрешающего еще увереннее говорить об ольвийско-родосских отношениях, следует признать весьма существенным.

О важном месте родосских купцов в торговле с Ольвией можно было, впрочем, заключить и до находки новой надписи, так как родосские клейма решительно преобладают в количественном отношении среди всех других керамических клейм на ольвийском городище. По раскопкам 1935—1936 гг. родосские керамические надписи составили, например, более половины всех находок этого рода — 234 экземпляра из 436⁵. При сравнении

¹ Доклад, прочитанный на заседании секции нумизматики сессии Отделения исторических наук и пленума ИИМК АН СССР, посвященных итогам археологических работ в 1956 г.

² Е. И. Леви. К истории Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 243—245, табл. II, 4; П. И. Карышковский. Ольвия та Родос. МАСН, вып. II, 1959, стр. 67—71.

³ IOSPE, I², № 30.

⁴ Agatharchides Chid. De mare Rubr., Bekk., 454, 2; Diod. Sic., III, 34, 7. Ср. А. С. Коцевалов. Нариси з історії економічного життя грецьких колоній. Збірник заходознавства АН УРСР, т. I, 1929, стр. 43.

⁵ А. С. Коцевалов. Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 267—269.

с другими центрами Северного Причерноморья устанавливается, что по количеству найденных родосских клейм Ольвия превосходит даже Пантикапей, не говоря о прочих городах Боспора и о Херсонесе⁶. Уже эти данные служат важным свидетельством интенсивности торговых связей между Ольвией и Родосом в III—II вв. до н. э.

Отношения между ольвиополитами и родосцами не ограничивались торговыми делами. Так, в III в. до н. э. родосец Гелланик не только стал ольвийским проксемом, но и принимал активное участие в жизни города, где он, как можно полагать, поселился и, согласно весьма вероятным дополнениям соответствующей надписи, был причастен к сбору средств для жертвоприношений, а также способствовал выплате каких-то денежных сумм местным царям (τῆς χῶρας βασιλεῖς)⁷. Примерно тогда же стал проксемом ольвиополитов и тот родосский гражданин, о котором сообщает обломок из раскопок 1954 г. Как усматривается из остатков заключительных строк, он оказывал услуги приезжавшим на его родину ольвийским купцам⁸. Несколько позже еще один уроженец Родоса, Посидей сын Посидея, сделался ольвийским гражданином, а затем вошел в близкие отношения со скифскими царями и даже переселился, быть может, в Неаполь, столицу государства скифов. Имя Посидея известно по нескольким надписям; одна из них гласит, что он успешно боролся против морских разбойников⁹. Вполне вероятно, что в честь его были приняты постановления в некоторых городах, расположенных по пути от Ольвии к Родосу¹⁰. Наконец, на самом Родосе найдено надгробие «борисфенитки» Гедейи, может быть, дочери и сестры известных по именам ольвийских граждан¹¹.

Следы тесных связей Ольвии с Родосом прослеживаются также и по источнику, который до настоящего времени не привлекал внимания исследователей, — речь идет о монетном деле. Однако для выяснения характера, сущности и значения этих связей следует начать несколько издалека.

Роль Родоса как важнейшего экономического центра эллинистического времени обнаруживается не только при изучении многочисленных остатков глиняной родосской тары из-под вина и масла, находимых в различных областях античного мира, но и в широком распространении особой монетной системы¹². Эта система, основанная на драхме весом около 3,95—3,85 г, часто обозначалась в прежних нумизматических сочинениях как «финикийская»; однако местом ее происхождения был Хиос¹³ (практически очень близкая система была издавна в Абдере и на южном побережье Фракии). Со времени крушения афинской гегемонии эта система быстро распространилась по всему эллинскому Востоку, особенно в Малой Азии.

⁶ Ю. С. Крушк о л. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом. ВДИ, 1957, № 4, стр. 112, 113. Автор называет 2927 клейм (из них 1389 с именами эпонимов), учтенных до 1950 г.; к этому следует добавить еще несколько сот клейм из раскопок на агоре в последние годы.

⁷ IOSPE, I², № 30; ср. В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887, стр. 94 и 219.

⁸ Начальные буквы трех последних строк декрета должны, несомненно, читаться по образцу IOSPE, I², № 27.

⁹ IOSPE, I², № 168 и 670—672; ср. В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 135, 136.

¹⁰ IOSPE, I², № 77, 78; ср. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 463; В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 19—22.

¹¹ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 289, № 67 (ср. IOSPE, I², № 201, стб. 1, стк. 11 и 36).

¹² P. Gardner. A history of ancient coinage. Oxford, 1918, стр. 296 и сл.; A. Burns. Money and monetary policy in early times. London, 1927, стр. 212 и сл. A. Segré. Metologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna, 1928, стр. 231 и сл.; ср. Зограф, АМ, стр. 44, 45.

¹³ J. Mavrogordato. A chronological arrangement of the coins of Chios. Numismatic Chronicle, ser. 4, v. XV, 1915, стр. 361—429; v. XVI, 1916, стр. 281.

а также на островах Эгейского моря; решающую роль в распространении ее сыграл Родос.

Немедленно по высвобождении из-под власти Афин, которые предлагали союзникам пользоваться либо своими «совами», либо серебром, чеканенным по аттической системе¹⁴, хиосскую систему принимают, помимо Хиоса, Эфес, Абидос, Фасос; вскоре к ним присоединяется Родос — с этого времени можно говорить просто о родосской системе, — а затем Книд, Галикарнасс, Смирна, Колофон, Кизик, Калхедон, Византий, острова Парос и Наксос, ряд сатрапов (Тиссаферн, Фарнабаз, Гекатомн). В середине IV в. до н. э. их примеру следуют Тенедос, Милет, Магнезия, Кос, карийский династ Мавсол; в третьей четверти IV в. до н. э. по родосской системе чеканят серебро более 40 городов, в том числе вновь присоединившиеся Фокея, Кимы, Сигей, Теос, Дардан, Микonos, Калимна¹⁵. В конце IV в. до н. э. одни центры под влиянием чекана Александра начинают переходить к аттической системе, другие — к персидской, но родосскую принимают Андрос, Тенос, Делос, Иос; ее по-прежнему придерживаются многие крупные города: не считая Родоса, Книд, Эфес, Фоке, Кизик и др., и в III в. до н. э. она может считаться одной из самых распространенных.

Быстрое распространение родосской монетной системы сопровождалось столь же быстрым падением ее исходных весовых норм. Первоначальный вес тетрадрахм (около 15,8—15,6 г) вскоре сменился весом около 14,7—14,5 г, а затем даже около 13,6—13,2 г, и драхма колебалась в широком диапазоне — от 3,95—3,9 г до 3,4—3,3 г. Но даже и на этом падение веса драхм, битых в различных городах по родосской системе, не остановилось¹⁶. Помимо других причин, понижение веса может быть объяснено тем, что города малоазийского побережья и архипелага, принимая нормы широко распространенной системы монетного веса в разное время и не из одного центра, руководствовались не отвлеченными представлениями о «законном» весе монет, но клали в основу необходимых расчетов вес реальных монет своих соседей и соответственно понижали этот вес, так как разность между весом принятой за норму иноземной монеты и своей составляла прямой доход полиса, так называемую «монетную пошлину»¹⁷.

Как бы то ни было, но к моменту возобновления чекана афинских тетрадрахм (около 229 г. до н. э.) и вызванного этим оживления выпуска серебра по аттической монетной системе драхма родосской системы, «ἀρχαία Ῥοδία λεπτὴ δραχμή» эпиграфических документов¹⁸, упала в весе до 2,9—2,8 г и стала приравниваться к аттическому тетроболу. Это простое счетное отношение закрепило вес упавшей драхмы родосской системы указанного уровня, и на его основе был начат (около 200 г. до н. э.) чекан кистофоров, обращавшихся наряду с аттическими тетрадрахмами как тридрахмы той же системы¹⁹.

В период наибольшего распространения родосская монетная система была известна и в Причерноморье. Не говоря о таких городах, как Сезам или Кромна, мы находим серебро этой системы в Амисе, в Месембрии и Аполлонии. В Тавриде ее избрал Херсонес, продолжавший чеканить серебря-

¹⁴ ATL, I, т. 69; ср. E. Babelon. La politique monétaire d'Athènes a V s., Revue Numismatique, 4 série, v. XVII, 1913, стр. 475—485; P. Gardner. Coinage of the Athenian Empire. JHS, v. XXXIII, 1913, стр. 147—188; E. G. S. Robinson. The Athenian currency decree and the coinage of the allies. Hesperia, Suppl. VIII, 1949, стр. 324—340.

¹⁵ Здесь и ниже сведения приводятся по известным трудам Хэда и Бабелона (ср. B. V. Head. Historia numorum. Oxford, 1911; E. Babelon. Traité des monnaies grecques et romaines, p. II, vv. II—III. Paris, 1910—1914).

¹⁶ A. Segré. Указ. соч., стр. 231—235.

¹⁷ Ср. Д. Б. Шелов. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э. МИА, № 19, 1951, стр. 134.

¹⁸ GIG, т. II, № 2693 e—2693f.

¹⁹ K. Regling. Kistophoren. RE, Bd. XI, 1921, стб. 524—525.

ных монет по хиосско-родосской системе с IV в. до н. э. и до времени Митридата Евпатора²⁰.

Обращаясь к монетам Ольвии, мы встречаем здесь в III—II вв. до н. э. ряд последовательных выпусков серебра, состоящих из двух или из трех номиналов²¹. В первой группе (первая половина III в. до н. э.) старший номинал представлен уникальной монетой (Аполлон — орел на дельфине) весом 7,9 г; монеты среднего сорта (Деметра — дельфин, реже орел на дельфине) весят в среднем 3,63 г²². Во второй группе (середина III в. до н. э.) монеты старшего и среднего номиналов (Деметра в покрывале — орел на дельфине; Посейдон — дельфин), также уникальные, весят 7,25 и 3,37 г, но сравнительно обычные монеты младшего сорта (горгонейон — дельфин) имеют в среднем по 1,63 г²³. Непосредственно примыкающие к описанным монеты третьей группы (старший номинал: Геракл — венок, средний: Геракл — оружие) весят соответственно 7,18 и 3,36 г²⁴. Наконец, к последним годам III в. до н. э. должна быть отнесена группа немногочисленных монет среднего и младшего сортов с изображениями Гермеса и Геракла, средний вес которых составляет 3,27 и 1,78 г²⁵. Весь этот ряд серебряных монет завершается в первой половине II в. наиболее обильно представленной в коллекциях пятой группой, снова из 3 номиналов; средний вес старшего (Геракл — палица) равен 6,91 г, среднего (Аполлон — лира) — 3,27 г, младшего (Артемиды — оружие) — 1,64 г²⁶. К какой же монетной системе относятся перечисленные группы ольвийского серебра, и какими номиналами они являются?

К сожалению, важнейший для истории денежного обращения Ольвии вопрос о ее монетной системе в эллинистическую эпоху не получил в научной литературе достаточного освещения. Б. В. Кёне, впервые его поставивший, располагал совершенно недостаточным весовым материалом (7 весов монет догетского периода), но пришел к заключению, что монетная система ольвиополитов представляла собой, выражаясь его словами, «монетный аттический фут, немного уменьшенный»²⁷. Для подкрепления этого предположения Б. В. Кёне систематически указывал, наряду с действительными весами известных ему серебряных монет, также их «первоначальные веса», определяя последние совершенно произвольно²⁸.

Слабость подобной аргументации была очевидна уже для П. О. Бурачкова, который, имея значительно больший материал (35 весов), предпочел воздержаться от каких бы то ни было определений для разных сортов

²⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, т. XXVI, 1906, стр. 226—239 (автор называет ее «финикийской»); ср. Зограф, АМ, стр. 146, 147 и 149.

²¹ Классификация и хронология этих монет рассмотрены нами в отдельной работе, выводы которой излагаются здесь без аргументации, поскольку уточнение выпуска последовательных серий в рамках двух-трех десятилетий не имеет принципиального значения для метрологических выводов (ср. Зограф, АМ, стр. 134).

²² См. нашу статью: Э истории монетной справы та грошового обігу в Ольвії. Археологія, т. XI, Київ, 1957 стр. 53, 54, 58.

²³ П. О. Картышковский. Указ. соч., табл. IV, 18—20; А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем Сарматии и Тавриды. НС, т. II, 1913, стр. 63, 64, № 7, 11 и 12.

²⁴ В. Ріск. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, Bd. I, т. I, Berlin, 1898, табл. X, 21, 22 и 24; ср. А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 64, 65, № 14, 15 (весовые данные исправлены в соответствии с количественным ростом материала).

²⁵ Catalogue Naville & Co, Genève, 1922, табл. XX, 501; А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 66, № 19; монеты младшего сорта не изданы.

²⁶ В. Ріск. Указ. соч., табл. X, 18, 19, 25 и 27; А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 64—66, № 13, 17 и 18.

²⁷ Б. В. Кёне. Музейн. кн. В. В. Кочубея, т. I, СПб., 1856, стр. 50.

²⁸ Б. В. Кёне. Указ. соч., стр. 42, № 15; стр. 47, № 50; стр. 50, 51, № 72; стр. 53, 54, № 81. Монеты весом 1,7 г и 1,9 г стали у Б. В. Кёне триболами, весом 2,2 г — тетроболом, а монеты весом 3,6 г, 3 г и 3,2 г были объявлены драхмами «аттической системы Солона».

ольвийского серебра²⁹. В работах А. В. Орешникова нам также не удалось отыскать ни одного указания на весовую систему монет Ольвии в III—II вв. до н. э. Однако А. Л. Бертье-Делагард, показавший в других случаях всю беспочвенность метрологических выкладок Б. В. Кёне³⁰ и выделивший из числа серебряных ольвийских монет серии, чеканенные по эгинской системе³¹, по отношению ко всем прочим удержал название аттической системы; то же обозначение находим в трудах Э. Миннза и А. Н. Зографа³². Поскольку, однако, ни один из этих ученых не приводил никакой аргументации в пользу столь ответственного вывода, приходится заключить, что и по сей день тезис о принадлежности ольвийского серебра III—II вв. до н. э. к аттической системе целиком покоится на авторитете Б. В. Кёне, который, как показано выше, попросту подгонял веса известных ему в крайне ограниченном числе монет к нормам аттической системы. Неудивительно, что Э. Робинзон, посвятивший монетам Ольвии весьма ценную работу, не отваживается именовать ольвийское серебро аттическим и обозначает описанные им экземпляры как $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{12}$ части исходного номинала, в котором он склонен видеть деградированный статер эгинской системы³³.

Возвращаясь к весовым данным серебряных монет Ольвии III—II вв. до н. э., сопоставляем их в следующей таблице.

Группа	Дата до нашей эры	Старший номинал			Средний номинал			Младший номинал		
		вес в граммах		количество монет	вес в граммах		количество монет	вес в граммах		количество монет
		средний	максимальный и минимальный		средний	максимальный и минимальный		средний	максимальный и минимальный	
I	280—240 гг.	7,9	—	1	3,63	4,5—2,96	26	—	—	—
II	Около 240 г.	7,25	—	1	3,37	—	1	1,63	2,37—1,41	11
III	240—230 гг.	7,18	8,46—6,6	14	3,36	4,75—1,87	52	—	—	—
IV	Около 210 г.	—	—	—	3,28	3,47—2,31	6	1,78	—	1
V	190—140 гг.	6,91	3,42—4,66	27	3,27	4,91—1,27	59	1,64	2,35—0,78	27

Учитывая все сказанное выше о торговых связях между Ольвией и Родосом, с одной стороны, и о распространении родосской монетной системы — с другой, вряд ли можно видеть в этих монетах что-либо иное, кроме дирахмы, драхмы и триобла родосской системы, которая пришла в Ольвию на смену эгинской во втором десятилетии III в. до н. э.³⁴ Примером для ольвиополитов послужил, можно думать, Херсонес, где эта система существовала еще с середины IV в. до н. э. При близких отношениях между

²⁹ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, ч. I. Одесса, 1884, стр. 79, 80.

³⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет. стр. 231—235; его же. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. НС, т. I, 1911, стр. 69, 70.

³¹ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 55, 56; его же. Материалы..., стр. 62, 63.

³² А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 67; его же. Материалы..., стр. 63, 99, 102; Е. Н. Миннза. Указ. соч., стр. 485, 486; Зограф, АМ, стр. 127, 129, 134.

³³ E. G. S. Robinson. Coins of Olbia. Numismatic Chronicle, ser. 5, v. XVII, 1937, стр. 91—101.

³⁴ В настоящее время, завершив изучение всех сортов ольвийского серебра, мы отказываемся от высказанного нами мнения о том, что монеты типа Зограф, АМ, табл. XXXII, 3, 7 принадлежат к родосской системе, и видим в них соответственно статеры и триоболы эгинской системы (см. П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э. КСИМК, вып. 66, 1956, стр. 74; его же. 3 истории монетной справи..., стр. 64, 65).

Ольвией и Херсонесом, которые вырисовываются в свете новых эпиграфических памятников³⁵, в таком заимствовании не приходится видеть ничего неожиданного.

Таким образом, выясняется, что тесные связи между ольвиополитами и Родосом в эллинистическое время проявились и в сфере монетного дела. Особенно важно подчеркнуть, что заимствуется не внешняя символика родосских монет (и это вполне понятно, так как ни о какой политической зависимости Ольвии от Родоса не может быть речи)³⁶, но весовая основа родосской монетной системы, выдвигавшейся в IV—III вв. до н. э. на первое место среди других. Это, несомненно, столь же важное доказательство огромного значения торговли с Родосом в жизни Ольвии, как и находки множества керамических клейм и сведения эпиграфических документов.

В заключение заметим, что пантикапейское серебро, выпущенное после монетного кризиса III в. до н. э., также принадлежит, скорее, к родосской, чем к аттической системе³⁷; исключения представляют, по-видимому, лишь тетрадрахмы и дидрахмы с изображением пасущегося коня, которые, однако, были отчеканены еще до кризиса³⁸, а также и серебряные монеты времени Митридата Евпатора. Средние веса пантикапейских драхм II в. до н. э. (3,62 г, 3,13 г, 3,3 г, 3,11 г)³⁹ этому, во всяком случае, не могут противоречить, а по интенсивности отношений с Родосом Боспорское государство вряд ли уступало Ольвии⁴⁰.

³⁵ Е. И. Левин. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 95—102.

³⁶ Эпизодическое клеймение части серебряных и медных монет профильным изображением головы Гелия в лучах (например, П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. IV, 40, 41; табл. V, 80 и др.) и одновременная перечеканка некоторых медных монет типами Гелия в фас и его коней (П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. VI, 102, 103) не должны, по нашему мнению, рассматриваться в качестве доказательств политического влияния Родоса на Ольвию.

³⁷ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора в VI—II вв. М., 1956, стр. 158—164.

³⁸ Этим монетам нами посвящена специальная заметка; ср. К. В. Голенко. К датировке пантикапейских тетрадрахм. КСИИМК, вып. 63, 1956.

³⁹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 88, № 142—145.

⁴⁰ Ю. С. Крушкoл. Указ. соч., стр. 110—115.

М. И. МАКСИМОВА

ПАНАФИНЕЙСКАЯ АМФОРА
ИЗ ЗЕЛЕНСКОГО КУРГАНА

Фрагментированная панафинейская амфора, найденная В. В. Шкорпилом в 1912 г. в Зеленском кургане на Тамани, неоднократно издавалась и обсуждалась в специальной, преимущественно зарубежной литературе¹. Ее неизменно причисляли к амфорам с именем архонта 320/319 г. до н. э. Неайхма и считали наиболее замечательным представителем этой небольшой группы ваз на том основании, что сохранилась вся ее верхняя часть, а от других амфор с именем того же архонта до нас дошли лишь мелкие фрагменты.

Но, как выясняется при внимательном изучении памятника и соответствующей литературы, начертание имени архонта Неайхма на амфоре из Зеленского кургана нельзя считать доказанным, а следовательно, и точную ее датировку 320/319 г. до н. э. приходится признать спорной.

Раскопки Зеленского кургана производились летом 1912 г., но отчет В. В. Шкорпила появился в свет значительно позднее — в 1916 г.² Не дожидаясь этого отчета, Б. В. Фармаковский опубликовал некоторые вещи, в том числе и амфору, в обзоре находок на юге России³. Здесь приводится фотография сохранившейся верхней части амфоры и черепка с частью ствола колонки; справа от нее — фрагментированная надпись⁴ NNEAIX, которая без труда восстанавливается как "Ἀρχων Νεαίχμος. В той же статье Б. В. Фармаковского публикуется еще один фрагмент панафинейской амфоры, где тоже видны часть ствола колонки и справа от нее — буквы, которые издатель читал как χμο и восстанавливал как Νεαίχμος. О последнем черепке сказано, что это случайная находка⁵.

¹ Литература о панафинейских амфорах, вышедшая в свет до 1924 г., собрана в статье А. И. Пиотровского — «Панафинейская амфора Елизаветинского кургана», ИГАИМК, т. III, 1924, стр. 83, прим. 1. Из последующей литературы укажем: A. Smetz. Groupes chronologiques des amphores panathénaiques inscrites. «Antiquité Classique», t. V, fasc. I, 1936, стр. 87—104; K. Scheffold. Untersuchungen zu den kertscher Vasen. Berlin, 1934; J. Beazley. Attic red-figure vase painting, Oxford, 1942; его же. Panathenaica. AJA, 1943, v. XLVI, N 4, стр. 441—465; его же. The development of Attic black-figure. London, 1951, стр. 88—100; его же. Attic black-figure vase painting. Oxford, 1956.

² ИАК, вып. 60, 1916, стр. 22—35.

³ Archäologischer Anzeiger, 1913.

⁴ Там же, стр. 183, рис. 4 и 5.

⁵ Там же, стр. 189, рис. 22.

Однако отчет В. В. Шкорпила не совпадает с данными Б. В. Фармаковского в том, что касается обоих черепков с надписями. В отчете черепок с тремя буквами, которые В. В. Шкорпил также читал как $\chi\mu\sigma$ и восстанавливал как *Néaxχμος*, издается как фрагмент амфоры из Зеленского кургана⁶, а черепок с более длинной надписью публикуется под заголовком «Случайная находка»⁷, причем в тексте сказано: «Найден в декабре 1912 года на восточном склоне Митридатовой горы, недалеко от здания бывшего музея». Таким образом, налицо явное расхождение между

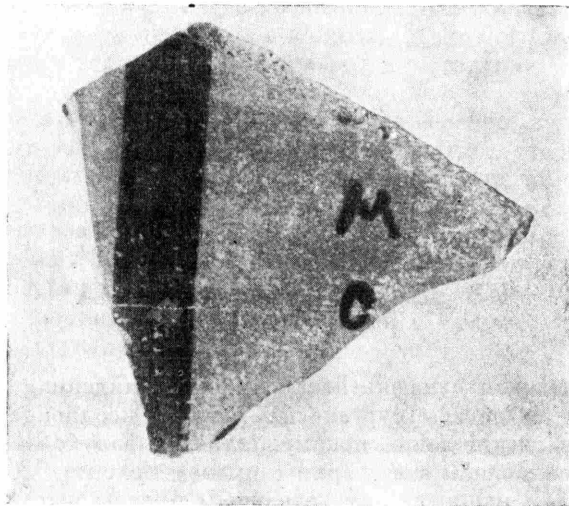

Рис. I. Обломок амфоры с надписью

показаниями Б. В. Фармаковского и В. В. Шкорпила, и вряд ли можно сомневаться в том, что не В. В. Шкорпил, а Б. В. Фармаковский в данном случае ответствен за ошибку. Раскопки в Зеленском кургане вел В. В. Шкорпил, и он же как директор музея купил черепок, найденный на горе Митридат⁸.

Правильность версии В. В. Шкорпила подтверждается еще двумя документами. В архиве ЛОИИМК сохранилась расписка «собирателя древностей» Федора Юрченко от 24 декабря 1912 г.⁹ В ней подтверждается получение от директора Керченского музея одного рубля «за обломок панафинейской амфоры с именем архонта Неэхма». Из рапорта В. В. Шкорпила от 30 января 1913 г.¹⁰ мы узнаем, что обломки амфоры из Зеленского кургана были отправлены в Археологическую комиссию в одном ящике с черепком, найденным на Митридате; это могло способствовать происшедшей в дальнейшем путанице. А укоренение этой досадной ошибки в литературе произошло потому, что авторы указанных выше работ¹¹ исходили из помещенной в немецком журнале статьи Б. В. Фармаковского. Текст отчета В. В. Шкорпила, видимо, не был ими использован, хотя они и ссылаются на приложенные к нему рисунки.

⁶ ИАК, вып. 60, 1916, стр. 33, рис. 26, 6.

⁷ Там же, стр. 35, рис. 27.

⁸ Как видно из отчета, В. В. Шкорпил знал об ошибке Б. В. Фармаковского, но почему-то не указал на нее прямо.

⁹ Дело № 4/1912, л. 634.

¹⁰ Дело № 4/1913, л. 3 и 4.

¹¹ См. сноску 1 в начале нашей статьи. Исключение составляет лишь работа А. Сметса.

И Б. В. Фармаковский и В. В. Шкорпил читали на черепке (меньшем) от амфоры из Зеленского кургана 3 буквы — $\chi\rho\mu$, расположенные $\chi\omicron\upsilon\eta\delta\omicron\nu$, т. е. одна под другой. Оба ученых считали эти буквы частью имени архонта Неайхма, ибо в списке афинских архонтов последней четверти IV в. до н. э. нет другого лица, где бы те же буквы встречались в такой же последовательности. Если бы это чтение не возбуждало никаких сомнений, то смешение обоих черепков не повлекло бы за собой никаких нежелательных последствий для изучения панафинейских амфор. Однако, как нам кажется, чтение верхней буквы, как χ , не может считаться безусловно правильным, а тем самым ставится под сомнение и восстановление имени Неайхма¹².

Ясно видны две буквы — μ и $\omicron$, от третьей же, верхней сохранились только едва заметные остатки, непосредственно под изломом (рис. 1). Это по-видимому, нижние концы двух хаст, скорее, вертикальных, чем косых: от левой хасты уцелел только довольно толстый кончик, но правая хаста спускается значительно ниже левой, линия ее тоньше и направление вертикальное. Поэтому, хотя нельзя полностью отрицать возможность восстановления буквы как χ , однако более вероятно, что это была буква с двумя вертикальными хастами, т. е. П или Н¹³.

Среди имен афинских архонтов последней четверти IV в. до н. э. известны два имени, в которых слогу $\mu\omicron$ предшествует буква Н. Это $\Delta\eta\mu\omicron\gamma\epsilon\upsilon\eta\eta\varsigma$ — архонт 317/361 г. до н. э. и $\Delta\eta\mu\omicron\kappa\lambda\epsilon\iota\delta\eta\varsigma$ — архонт следующего 361/315 г. до н. э. Нам кажется весьма вероятным, что одно из этих имен было начертано на амфоре из Зеленского кургана¹⁴, хотя при данных обстоятельствах едва ли можно полностью отрицать возможность помещения имени Неайхма. Во всяком случае, датировка амфоры Зеленского кургана 320/319 г. теперь не может считаться такой прочной, как казалось. Правильнее, впредь до дальнейших находок, датировать ее 320/319 г. или 317—315 гг.

Этот вывод не вносит ничего существенно нового в датировку Зеленского кургана. Но он имеет значение для исследования поздних панафинейских амфор, для восстановления последовательной смены их форм. Досадная ошибка, о которой мы говорили выше, может повести за собой дальнейшую путаницу, тем более что уже предпринимаются попытки сблизить некоторые амфоры, на которых не сохранилось имени архонта, с амфорой из Зеленского кургана, как якобы точно датированной.

Так, Дж. Бизли¹⁵ уделил недавно много внимания амфоре из Ак-Буруна, изданной Стефани в ОАК 1876 г.¹⁶ Дж. Бизли полемизирует с теми исследователями, которые относили эту вазу к 20-м годам IV в. до н. э. (К. Шефольд)¹⁷ или к III в. до н. э. (Эд. Шмидт и Зюссерот), и сближает

¹² Необходимо отметить, что, как показывает сравнение черепка с фотографиями, опубликованными в ИАК и в *Anzeiger*'e, в настоящее время он находится в такой же степени сохранности, как и в годы опубликования.

¹³ На фрагменте панафинейской амфоры, хранящейся в собрании Д. Робинсона в Балтиморе (CVA, USA, fasc. 4, Baltimore. Robinson Collection, I, табл. XXXIII, 2), перекрестная хаста буквы χ толще и короче первой хасты. На фрагменте с горы Митридат сохранилась только верхняя часть буквы χ .

¹⁴ Демоген был архонтом 4-го года 115-й олимпиады, а Демоклейд — 1-го года 116-й олимпиады: Как известно (см. статью: E. N. Gardiner — JHS, N 32, 1912, стр. 191 и сл.), среди имен архонтов на панафинейских амфорах IV в. до н. э. нет ни одного имени архонта 3-го года олимпиады, года празднования Великих Панафиней. Архонты были ответственны за приготовление призового масла для победителей на играх и имена архонтов на амфорах — вместилищах для масла — гарантировали его высокое качество. Масло сбора маслин 3-го года олимпиады не могло быть готово ко времени раздачи призов, чем и объясняется отсутствие имен архонтов этих годов на амфорах.

¹⁵ J. Beazley. *Panathenaica*, ст. 461.

¹⁶ ОАК за 1876 г., табл. I.

¹⁷ K. Schefold. Указ. соч., стр. 109, прим. 2. Впоследствии тот же ученый датировал ее 319/318 г.; *JdI*, 52, стр. 37.

ее с амфорой из Зеленского кургана. Он указывает на тождество орнамента на шейке вазы и на очень большое сходство шлема Афины, по своей форме и деталям украшения не совсем обычного на поздних панафинейских амфорах. Отмечая затем тождество скульптурной группы на левой колонке обеих vaz¹⁸, Дж. Бизли приходит к выводу, что амфора из Ак-Буруна не может быть значительно более поздней, чем амфора из Зеленского кургана, и, весьма возможно, обе они относятся к одному и тому же году, на что, по-видимому, указывает группа на колонке. Другими словами, Дж. Бизли склонен датировать обе вазы годом правления Неайхма, т. е. 320/319 г.

Сближение между амфорами из Зеленского кургана и из Ак-Буруна вполне убедительно. Более того, при сравнении оригиналов (воспроизведены амфоры из Ак-Буруна в атласе ОАК не вполне удовлетворительно) бросаются в глаза и другие, не отмеченные Дж. Бизли, черты сходства, как, например, передача перевязи-эгиды и способ наложения белых мазков на одежду. Тип лица богини в обоих случаях не вполне одинаков, но в то же время отдельные черты — передача глаза и брови, рта — совпадают полностью, словно они начертаны одной рукой. Нам кажется поэтому, что Дж. Бизли совершенно прав, допуская возможность отнесения обеих амфор к одному году, и, может быть, мы вправе даже говорить здесь о работах одного мастера-вазописца. Однако, в связи с изложенным, преждевременно датировать обе вазы годом правления Неайхма¹⁹.

Ваза, которая служит предметом настоящей заметки, была найдена в кургане, в захоронении представителей местного населения Боспора. Это, как известно, не единственный случай, когда панафинейская амфора оказывается собственностью боспорца негреческого происхождения. В связи с этим я позволю себе остановиться вкратце на одном общем вопросе — не новом и ныне, по-видимому, окончательно решенном: действительно ли панафинейские амфоры всегда служили призами на агонах в Афинах или они находили и другое применение?

Сторонники взгляда, что панафинейские амфоры изготовлялись не только для награждения победителей на играх, но частично поступали в продажу, подкрепляли свое мнение следующими наблюдениями. Обращали внимание на непомерно большое количество сохранившихся до нашего времени целых или фрагментированных vaz этой категории. Панафинейские амфоры вручались победителям на агонах Великих Панафиней, справлявшихся раз в 4 года. Зная это, а также примерное число агонов на каждом празднике (количество их, вероятно, менялось в разные периоды), можно подсчитать, сколько же приблизительно амфор было выдано за определенный промежуток времени. Такие вычисления произведены еще

¹⁸ Дж. Бизли называет эту статую Афродитой с Эротом. Он возражает против предположения, высказанного впервые Стефани, затем А. Сметсом и К. Шефольдом о повторении здесь знаменитого произведения Кефизодота — богини Ирены с младенцем Плутосом и указывает на отклонения рисунка от оригинала. Вряд ли можно в данном случае согласиться с Дж. Бизли. Отклонения от оригинала, которые мы замечаем у группы на амфорах из Зеленского кургана и Ак-Буруна, в большей или меньшей степени свойственны и другим воспроизведениям афинских статуй на панафинейских вазах, например статуе Афины-Девы Фидия на той же амфоре из Ак-Буруна (ОАК за 1876 г., табл. I) или группе тираноубийц на щите Афины на известной панафинейской амфоре в Британском музее. Ведь и рисунок на том фрагменте вазы, на который ссылается Дж. Бизли как на хорошую копию группы Кефизодота (JdI, 52, стр. 37, рис. 3), тоже не может считаться точным воспроизведением статуи, хотя он и ближе к оригиналу, чем группы на обеих рассматриваемых амфорах: голова Ирены увенчана там плющевым венком. Вазописцы, конечно, рисовали на память и передавали только общее впечатление от статуи. Возможно в данном случае, что они даже утратили ясное представление о содержании группы Кефизодота, поставленной в Афинах за 70—80 лет до изготовления ваз.

¹⁹ В своем последнем труде (*Attic black-figure vase painting*, Oxford, 1956, стр. 416) Дж. Бизли сопоставляет с амфорами из Зеленского кургана и из Ак-Буруна еще и амфору из Миконоса, изданную в *Ephemeris Arch.*, 1937, стр. 586.

в 1912 г. Э. Гардинером²⁰. Он сопоставил полученные им цифры розданных призов с количеством дошедших до нас целых или фрагментированных амфор (заметим, что за последние десятилетия это число значительно возросло) и получил поразительные результаты. Оказалось, что для некоторых периодов, как говорит автор, «мы являемся счастливыми обладателями почти половины розданных на Великих Панафинеях призов».

Если с этой точки зрения обратиться к амфорам из Зеленского кургана и из Ак-Буруна, то мы опять получим некоторый материал для размышлений. Обе вазы относятся, по-видимому, к одному году, а если считать их призами, то придется признать двойную победу боспорцев на состязаниях этого года. Если же на вазах все-таки было начертано имя Неайхма, то в таком случае к двум призам присоединяется еще третий, фрагмент которого найден на Митридате. Получаются три победы боспорцев из 9—14 возможных!

Против исключительно призового назначения панафинейских амфор свидетельствует и другое. Подобные сосуды часто находят в погребениях, причем зарегистрировано немало случаев на Северном Причерноморье, в Этрурии, в Бенгази и других местах, когда эти погребения принадлежали негрекам. Между тем хорошо известно, что правом участия на агонах, — по крайней мере, до эпохи эллинизма, — пользовались только эллины. Как примирить эти противоречия? Сделанные в этом направлении попытки вряд ли можно признать удачными. Так, В. В. Шкорпил, основываясь на находке панафинейской амфоры в Зеленском кургане, пришел к ошибочному выводу о захоронении в этом кургане грека²¹. А. И. Пиотровский, издавший панафинейскую амфору из Елизаветинского кургана и отметивший многочисленные случаи находки панафинейских амфор в скифских погребениях, высказал маловероятное предположение, будто представители местного населения покупали подобные амфоры у греческих колонистов²². Однако это «противоречие» и упомянутое неправдоподобное соотношение между количеством выданных наград и сохранившихся амфор получают простое объяснение, если предположить, что панафинейские амфоры изготовлялись в Афинах не только для награждения победителей на играх, но и для продажи.

Одна из недавних археологических находок дает нам полное право остановиться именно на таком разрешении вопроса. В 30-х годах текущего столетия в местечке Аль-Мина в Сирии, близ устья Оронта, был раскопан греческий эмпорий²³, где сохранились остатки больших строений, служивших складами для привозимых на продажу товаров. Как показали раскопки, это была, главным образом, керамика. В слое конца VI в. и V в. до н. э. среди ваз различных форм оказались и три панафинейские амфоры с надписью $\tau\omega\nu \text{ } \rho\alpha\theta\eta\nu\epsilon\theta\eta\nu \text{ } \alpha\theta\lambda\omega\nu$ ²⁴. Значение этой находки правильно оценил руководитель раскопок Вуллей в следующих словах: «Тот факт, — говорит он, — что три [панафинейских] амфоры предназначались для продажи, доказывает, если это вообще еще нуждается в доказательствах, что подобные вазы изготовлялись не только для награждения победителей на панафинейских играх; все желающие могли купить их в качестве сувениров, и они даже экспортировались на внешние рынки»²⁵.

Итак, находка в Аль-Мина дала нам решающее доказательство того, что панафинейские амфоры в качестве товара экспортировались в далекие от Афин страны. Это значит, что нельзя в каждой панафинейской амфоре.

²⁰ E. N. Gardner. Указ. соч.

²¹ ИАК, вып. 51, 1914, стр. 121.

²² А. И. Пиотровский. Указ. соч., стр. 105.

²³ C. L. Woolley. Al Mina Sueidia. JHS, 1938, стр. 1 и сл.

²⁴ Две из них изданы в статье Дж. Бизли (J. Beazley. Panathenaica, рис. 2, 5 и 6).

²⁵ C. L. Woolley. Указ. соч., стр. 22.

найденной в той или иной области, видеть приз, завоеванный на Великих Панафинейях, а в каждом собственнике такой вазы — выдающегося атлета, покрывшего славою свою родину. Амфоры продавались за деньги, может быть, как думает Вуллей, в качестве сувениров о блистательных Афинских торжествах. А скорее, тут играли роль и меркантильные соображения. В призовых амфорах заключалось масло высшего сорта, изготовленное из плодов священных маслин богини Афины. Его качество гарантировалось начертанным на амфоре именем архонта, ответственного за заготовку продукта. Может быть, поступавшие в продажу амфоры служили тарой для излишков этого масла, которое и экспортировалось, таким образом, как товар высшего сорта. И вряд ли мы ошибемся, если признаем во многих панафинейских амфорах, найденных на Северном Причерноморье, привезенные туда из Афин предметы торговли, а не доказательства высоких атлетических достижений обитателей этих мест, как это обычно делается и до настоящего времени.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. ОНАЙКО

АЛБАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1958 ГОДА¹

Земли дружественной нам Народной Республики Албании богаты памятниками древности. Албания занимает значительную часть территории Илирийского государства, захватывая на юге область Эпира. Там, где обитали илирийские племена², греками, как и на многих других землях Средиземноморья, были основаны города-колонии, сыгравшие большую роль в истории античной культуры.

До освобождения Албании от многовекового гнета оккупантов археологические раскопки там велись иностранцами, которые с помощью антинародных правительств стремились вывозить за границу все ценные памятники. Теперь в Албании создается отечественная археология. Большое внимание уделяется изучению античных памятников. В связи с этим в 1958 г. Тиранским государственным университетом была организована Аполлонийская экспедиция³, в которой приняли участие сотрудники сектора античной археологии и лаборанты ИИМК⁴.

Основные работы экспедиции⁵ проводились на территории города Аполлонии, основанного греческими переселенцами из Коринфа и с острова Коркиры в 588 г. до н. э.⁶ Аполлония расположена у берегов Адриатического моря, около деревни Пояни, в 8 км к востоку от г. Фиери. Первое сообщение о ней принадлежит Ф. Пуквилю, установившему местонахождение Илирийской Аполлонии еще в 1806 г. После этого ее посещали многие путешественники и исследователи⁷. Одним из активных исследователей города и некрополя в начале XX в. был К. Прашникер⁸, который

¹ Настоящая статья написана по материалам предварительных отчетов начальников раскопок.

² Herodot., I, 196; IV, 49; VIII, 137; IX, 43.

³ Начальник экспедиции — заведующий сектором археологии Тиранского государственного университета Селлим Ислами.

⁴ Руководитель советской группы археологов — профессор В. Д. Блаватский.

⁵ Об организации раскопочных, реставрационных и научных работ в экспедиции 1958 г. см. информацию Г. А. Цветаевой в КСИА АН СССР, вып. 85, 1961.

⁶ C. Praschniker. Musakhia und Malakstra. Archäologische Untersuchungen in Mittelalbanien. Jahreshefte des Osterreich. Archäol. Inst. in Wien, Bd. XXI—XXII, Teil. I, 1922, стр. 37.

⁷ Подробно об истории исследования Аполлонии см. Xasan Ceka. Mbi historikum e kerkimeve dhe germimeve arkeologjike ne Apolloni. Bulletin Universitetit shteteror te Tiranes, Seria shkencat shoqerore, 1958, N 4, стр. 213; его же. Apollonia, Tirane, 1958; см. также S. Adhami. Monumente te kultures ne Shqiperi. Tirane, 1958, стр. 45. Находки из раскопок Аполлонии до 1958 г. хранятся, главным образом, в Тиранском музее археологии и этнографии. В настоящее время для музея Аполлонии оборудуется здание средневекового монастыря, расположенное на территории самого городища.

⁸ C. Praschniker und A. Schöner. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilung, VII, Wien, 1919.

наметил схематический план оборонительных стен Аполлонии, а на восточном склоне ее холма вскрыл небольшой участок этой стены. В нижней части города, западнее монастыря, он обнаружил остатки римских частных домов, в комнатах которых были мозаичные полы и стены, облицованные мраморными плитами. В одной из расположенных вблизи от Аполлонии деревень — Круяджат К. Прашникером был раскопан монументальный склеп. Сохранившиеся фрагменты архитектуры позволили сделать реконструкцию этого памятника, построенного в коринфском стиле, с колоннами высотой до 4 м. Зондажные раскопки на территории некрополя дали возможность К. Прашникеру познакомиться с особенностями погребального обряда апполлонийцев. Тогда же найдены характерные для Аполлонии надгробные стелы в форме небольших столбиков с надписями.

С 1924 г. в Аполлонии работала французская археологическая экспедиция Л. Рейя⁹, открывшая значительную часть архитектурных сооружений города и погребений некрополя. Гробницы в некрополе — трех типов, относящихся к доримскому периоду: погребения в пифосах, в прямоугольных ящиках из черепицы и урны с пеплом. На городище Л. Рейем вскрыто большое количество памятников зодчества эллинистического и римского времени. К ним относятся остатки жилых домов и общественных сооружений — монументальная подпорная стена с воротами, галерея с 17 нишами, так называемое «здание Агонофетов», одеон, святилище, «библиотека» и др.

Осенью 1941 г. в Аполлонии вел раскопки итальянский археолог П. Сестиери¹⁰, который продолжил изучение оборонительной стены и открыл здание, названное им гимназией. Первый строительный период здания относится к VI в. до н. э., более поздние — к эллинистическому и римскому времени. П. Сестиери обнаружил еще один погребальный памятник в виде храма, аналогичный сооружению, открытому К. Прашникером.

Отмеченные исследования познакомили нас с ценными данными о топографии, градостроительстве, архитектуре города, скульптуре, а также о характере некрополя.

В 1948 г. раскопками Аполлонии занялся Албанский институт наук. Основные работы в то время были направлены на устранение повреждений, нанесенных немецкими военными постройками, а также на завершение раскопок некоторых объектов. Большое внимание уделялось изучению некрополей¹¹; это дало возможность уточнить типы погребальных сооружений и территориальное расположение некрополей для различных эпох. Среди погребальных памятников эллинистического времени обнаружен новый вид — гробница, построенная из кирпичей и перекрытая досками. Раскопки аполлонийского городища под руководством албанского археолога Хасана Цеки показали, что план оборонительных сооружений, составленный К. Прашникером, неточен.

Экспедиция 1958 г. ставила перед собой задачу выяснить стратиграфию культурных напластований, уточнить и дополнить сведения об оборонительных сооружениях, архитектуре, экономике и культуре населения Аполлонии. Для этой цели в разных районах городища были заложены раскопы. На некоторых из них продолжены работы предшествующих лет, другие — связаны с интересными случайными находками, обнаруженными

⁹ Некоторые результаты этих раскопок опубликованы в журнале «Albania» (Revue d'archéologie, d'histoire, d'art et des appliquées en Albanie et dans les Balkans), первый номер которого вышел в 1925 г. в Париже.

¹⁰ P. C. Sestieri. Scavi ad Apollonia d'Iliria. Revista d'Albania, v. I, Roma, 1942; E. Homan-Wedeking. Archäologische Grabungen und Funde in Italien, Albanien, und Libyen. Oktober, 1941. Archäologischer Anzeiger, 1942, IV, стр. 373.

¹¹ Skender Anamali. Te dhma mbi elementin illir ne gytetet antike Epidamn dhe Apolloni, Bulletin Universitetit..., 1956, N 1. Tirane, стр. 20.

на поверхности городища до начала раскопок. Так, например, на раскопе А были продолжены исследования Хасана Цеки, открывшего в 1956 г. фасад монументальной оборонительной стены. Нужно было раскрыть стену со всех сторон и исследовать городской участок внутри ее. Находки архитектурных и скульптурных деталей и на территории раскопов К и F привели к необходимости исследовать и эти участки. Еще в 1956 г. на западном склоне городища после вспашки поля были найдены куски цемьянки и кубики мозаики, что привлекло внимание археологов и послужило поводом для изучения и данной территории (раскоп D).

В результате работ 1958 г.¹² впервые в Аполлонии обнаружены ранние слои, свидетельствующие об интенсивной жизни города с VI в. до н. э.¹³ Каких-либо строительных остатков в этих слоях не оказалось; они содержали большое количество обломков художественной керамики (коринфской, аттической и из других центров), амфор, гру́зил конической формы и других находок. Обломки ранней керамики часто встречались также в более поздних слоях и на указанных и на других раскопах. Прекрасным образцом этой посуды можно считать коринфский сосуд¹⁴ — ойнохою, подобную той, которая найдена в некрополе Аполлонии Л. Рейем¹⁵. Очень интересна архаическая односторонняя свинцовая фигурка сидящей богини¹⁶. Такая же фигурка, задрапированная, с венком в руке, возможно, изображающая Артемиду¹⁷, есть и среди случайных находок 1958 г.

К ранним памятникам, связанным со строительной деятельностью аполлонийцев, относятся оборонительные стены. Наиболее древняя из них — каменная стена V—IV вв. до н. э. (ширина — до 2 м), открытая у подошвы акропольского холма, на восточном склоне городища¹⁸. От этой стены сохранилась лишь нижняя часть кладки; с внутренней стороны отмечены остатки стратегической дороги.

Другая мощная оборонительная стена расположена на южном склоне городища¹⁹. Раскопками 1958 г. и ранее проведенными здесь работами стена открыта в длину почти на 35 м. Сохранность ее, особенно нижних рядов, хорошая. Верхние ряды сильно повреждены выборкой кирпича для строительных нужд. Открытый здесь комплекс состоит из основного массива стены, башни, полукруглого помещения в западном ее конце и водосток (рис. 2—1).

Историю сооружения стены исследователи делят на 4 периода. Цоколь фасадной стороны, сложенный насухо из прекрасно обработанных больших блоков, может быть датирован временем не позднее IV в. до н. э. Это, очевидно, первоначальная стена городища с каменным фундаментом. С ней связана и постройка башни. В III в. до н. э. стена перестраивалась; на ее каменном цоколе была воздвигнута кладка из кирпичей (0,46×0,46×0,08 м) в ширину на 6,1 м; высота сохранившейся части — до 6,5 м. Кирпичи сложены на тонком известковом растворе вперевязь. Внутригородской панцирь не имеет ни фундаментов, ни каменного цоколя. Его кирпичное основание лежит на материковом песке. При сооружении кирпичной стены было предусмотрено глубокое полукруглое помещение, служившее, возможно, складом или караульной. Позднее, во II—I вв. до н. э., стена

¹² Expedita arkeologjike n'Apollonia dhe Orike. Bulletin Universitetit..., 1958, N 3. Tigarpe, стр. 239; В. Д. Блаватский и С. Ислами. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. СА, 1959, № 4, стр. 166.

¹³ Раскоп С (начальники — С. Анамали и Т. В. Блаватская) и раскоп F (начальники — С. Ислами и И. Т. Кругликова).

¹⁴ Раскоп D (начальники — Ф. Пренди и Н. А. Онайко).

¹⁵ «Albania», 1932, № 4, стр. 13, фиг. 9; X. С е к а. Apollonia, стр. 37.

¹⁶ Раскоп С.

¹⁷ В. Д. Блаватский и С. Ислами. Указ. соч., стр. 197.

¹⁸ Раскоп С.

¹⁹ Раскоп А (начальники — Х. Цека и Н. И. Сокольский).

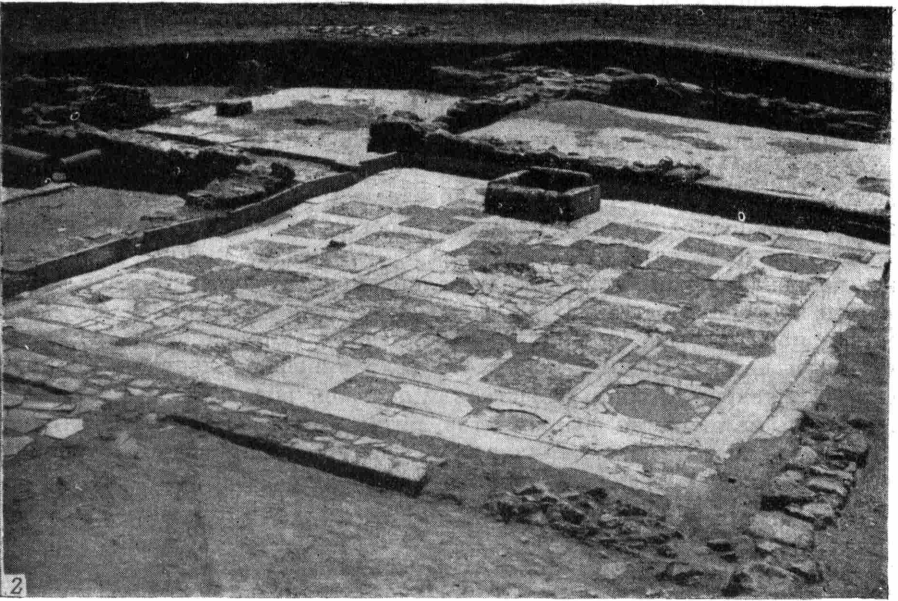
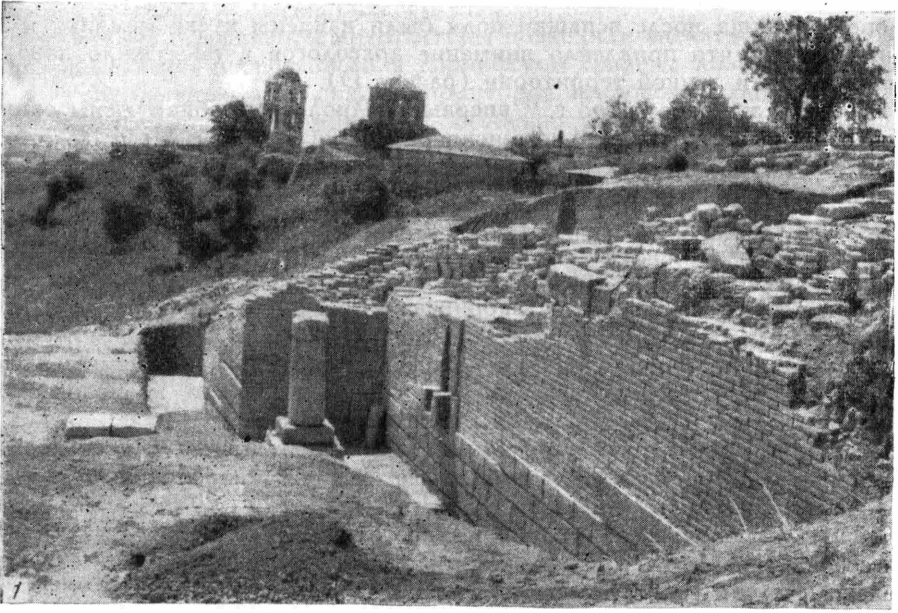

Рис. 2. Аполлония. Оборонительная стена IV—III вв. до н. э. (1) и зал с мраморным полом (2).

снова подверглась ремонту, связанному с большими перепланировочными работами на этом участке города. Тогда были переложены некоторые кирпичные части фасада башни и стены, через которую проведен монументальный каменный водосток; выход его оформлен в виде арки.

Как эта стена, так и более ранняя со II—I вв. до н. э., по-видимому, утратили оборонное значение и служили в качестве подпорных. У второй из них внутри города в это время сваливались отходы керамического производства. Здесь скопился слой золы (около 0,4 м) с огромным количеством бракованных расписных и простых миниатюрных сосудиков различной формы.

Слои, относящиеся к римскому времени, содержали большое количество архитектурных и строительных объектов, скульптуру и другие находки, представлявшие собой уникальные образцы античного изобразительного искусства.

На западном склоне городского холма²⁰, недалеко от эллинистических домов, раскопанных Л. Рейем в 1927—1930 гг., открыты жилые помещения, позволяющие судить об особенностях планировки городского квартала Аполлонии этого времени. Почти через весь раскоп на протяжении 17 м проходит узкая улица, вымощенная сначала камнем, а позднее — кирпичом и тогда же снабженная водостоком. В одном из помещений хорошо сохранились кирпичные стены и цемянковый пол. Обнаруженная в районе этого дома скульптура очевидно, принадлежала другому, более богатому зданию. Здесь были найдены женская задрапированная статуя, женская головка и мужская голова — прекрасный памятник римского портретного искусства II—III вв. н. э.²¹ (рис. 3).

На то, что в этом районе города были размещены богатые дома, указывают также обнаруженные здесь архитектурные детали, отдельные обломки мозаики и цветной штукатурки. В этих слоях встречено также много кирпича, черепицы, простой керамики, амфор, стеклянной посуды, терракот и криц.

Особо интересны для изучения богатых кварталов Аполлонии римской эпохи дома, выявленные на раскопах D и G. Раскоп D расположен северо-западнее раскопа F. Открытая здесь часть здания занимает площадь до 700 кв. м. Это был, по-видимому, дом богатого рабовладельца, построенный в характерной для этой эпохи планировке: перистильный дворик²²

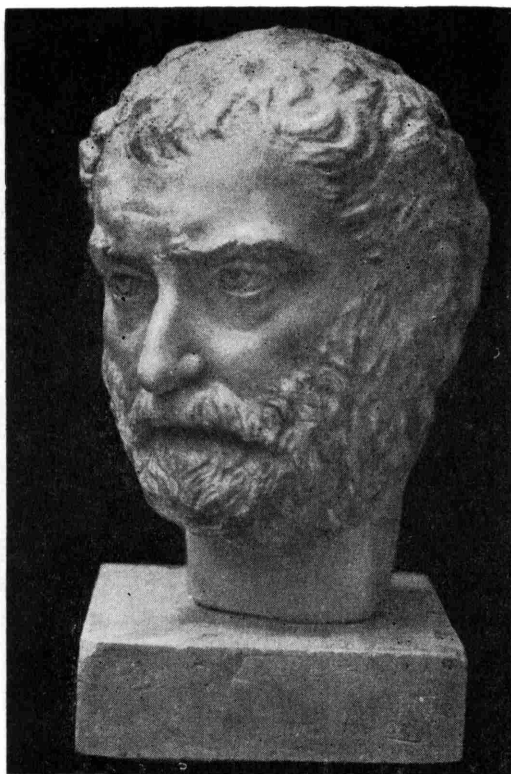

Рис. 3. Аполлония. Мужской портрет II—III вв. н. э.

²⁰ Раскоп F.

²¹ В. Д. Блаватский и С. Ислами. Указ. соч., стр. 180.

²² Ср. «Albania», 1925, № 1, стр. 12, рис. 4.

Рис. 4. Аполлония. Статуя магистрата.
I—II вв. н. э.

На территории двора, галереи, а также в помещениях найдены мраморные скульптуры: женская фигура, — вероятно, статуя Афины; мужская задрاپированная статуя магистрата (рис. 4); торс юноши и база статуи, от которой сохранились только ступни и треножник. Кроме этого, встречено много фрагментов скульптур.

Стены дома сложены из кирпича, камня и обломков черепицы, скрепленных обильным цемянковым раствором. Это типичные для римской эпохи так называемые «хищнические» кладки, для сооружения которых использовался строительный материал из более ранних зданий. Фасады, судя по огромному количеству расписной штукатурки, мраморных облицовочных плит, мраморных и гипсовых карнизов, отличались богатым декором.

Не менее искусно были оформлены и полы многих помещений дома. Среди них — небольшая комната с мраморным полом и обширный зал, пол которого выложен разноцветным мрамором, составляющим несложный узор из геометрических фигур (рис. 2—2). В 5 комнатах были мозаичные

с окружающими его многочисленными помещениями парадного и хозяйственного назначения. На каменных фундаментах квадратного в плане двора и внутри него обнаружено большое количество барбанов, колонн, баз и капителей.

По размерам архитектурные детали делятся на два вида, что позволяет предположить наличие второго этажа²³, хотя бы в перистильной галерее и смежных с ней помещениях дома. Выяснено, что на каждой стороне фундаментов двора стояло по 4 гладкоствольных колонны с профилированными базами. Над ними, возможно, возвышались такие же, но более легкие колонны с ионийскими капителями, для которых характерны, как стилистическая особенность, изображение цветка лилии²⁴. Полы двора и галереи были выложены мраморными плитами; уровень первого пола был на 0,3 м ниже второго. В одном из каменных блоков северного угла фундамента вырублено отверстие, через которое собиравшаяся в дворике дождевая вода стекала в водосток, выведший ее за пределы дома.

²³ В. Д. Блаватский и С. Ислами. Указ. соч., стр. 183.

²⁴ Хасан Сека. Mbi historikun e kerkimeve dhe germimeve arkeologjike ne Apolloni, стр. 22. Такие капители были найдены и раньше — ср. «Albania», № 3, стр. 21, фиг. 14.

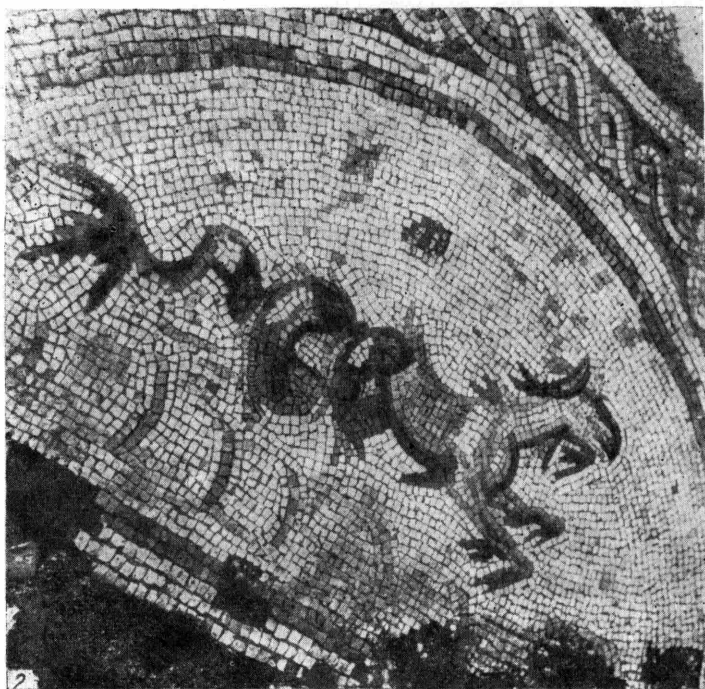
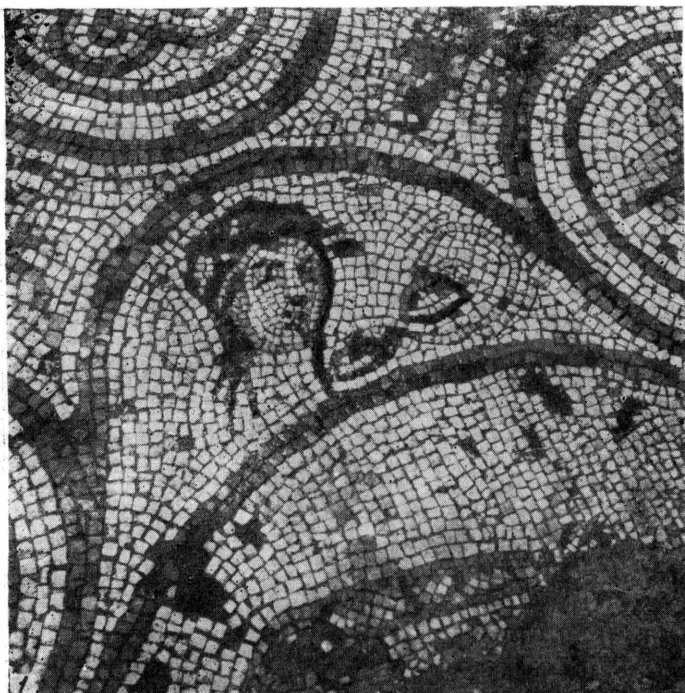

Рис. 5. Аполлония. Детали мозаичных полов
1 — помещение а; 2 — помещение f.

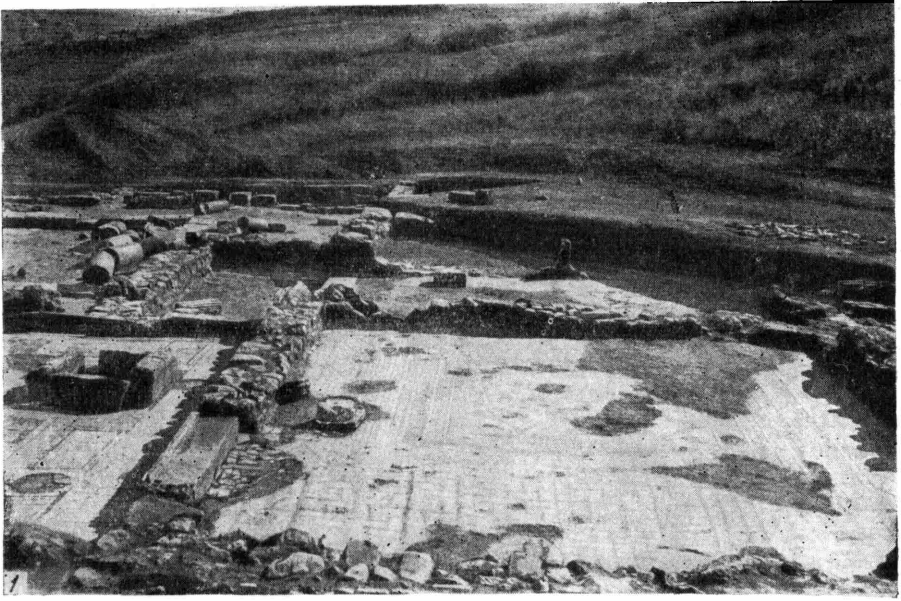

Рис. 6. Аполлония. Помещение *f* с мозаичным полом (1) и часть здания римского времени (2).

полы. Пол комнаты *a* передает довольно сложный рисунок различных тонов, состоящий из бордюра, центральной части и заполнительного орнамента. Особенно интересна центральная часть, на фоне которой были представлены фигурная композиция из театральной жизни и 4 женских лица, изображающих, возможно, Времена Года²⁵ (рис. 5—1).

Узор мозаичного пола комнаты *b* проще и строже: по краям — бордюр с побегом плюща, в центре — небольшое квадратное клеймо с геометрическим орнаментом, а между ними — рисунок из небольших пересекающихся кругов. Такой узор из пересекающихся кругов бывает более упрощенным (комнаты *e* и *g*). Под полом комнаты *d* обнаружен тщательно выложенный из кирпичей канал; отсюда он идет вдоль всей стены помещений юго-восточной галереи дворика, встречается с водостоком и далее оба поворачивают к северу. Это тоже водосточный канал²⁶, но более монументальный.

Самая богатая полихромия мозаик и большое разнообразие фигурных изображений сосредоточены на полу помещения *f* (рис. 6—1). В центре — большая квадратная эмблема; в нее вписан круг, а в круг — восьмиугольник, на фоне которого в нежных, розоватых тонах изображена сидящая на дельфине Нереида. Она, как и гиппокампы, размещенные в полукругах, примыкающих к внутренним сторонам квадрата (рис. 5—2), несетя по морским волнам, условно переданным дугообразными линиями. В пространствах между этими изображениями помещены рыбы и какие-то морские существа, но, к сожалению, рисунок здесь плохо сохранился. Вокруг эмблемы идут узкие и широкие ленты плетенок и различных геометрических орнаментов (рис. 7).

Описанные комнаты соединены между собой и с галереей дворика проходами. Замечательны пороги в проемах, ведущих в зал с мраморным полом. Они сделаны из крупных каменных блоков, на которых сохранились некоторые детали, характерные для двухстворчатых дверей шириной до 1,6 м.

В культурном слое, содержащем руины описанного дома, выявлено

²⁵ В. Д. Блаватский и С. Ислами. Указ. соч., стр. 192.

²⁶ Там же, стр. 185.

Рис. 7. Аполлония. Деталь мозаики пола помещения *f*.

огромное количество кирпича и черепицы, много монет I—IV вв. н. э., но значительно меньше других предметов, в том числе и керамики.

На сравнительно небольшой площади раскопа С²⁷, разбитого на южной половине городища, также обнаружены остатки здания римского времени. О назначении этого дома судить пока трудно, так как раскопана меньшая его часть. Однако уже сейчас можно сказать, что здание было монументальным (рис. 6—2), с двориком, вымощенным по краям каменными плитами. В центре его выделена довольно большая площадь в форме восьмиугольника. Она предназначалась, по-видимому, для бассейна или клумбы с фонтанами; разбрызгивающаяся вода фонтанов стекала по водостокам, размещенным между каменными плитами. В некоторых углах дворика сохранились каменные ванночки, также служившие для регулирования стока воды. Вокруг дворика, возвышаясь над ним, шла галерея с полихромными мозаичными полами. Но мозаика, по сравнению с описанной выше, несколько грубее и проще. В основном — это геометрический орнамент, состоящий из квадратов, ромбов и кругов, обрамленных широкими полосами плетенки. Иногда здесь встречаются и растительные мотивы — схематически исполненные побеги плюща.

Галерея была отделена от дворика каменной оградой. От нее сохранились части плиты со скульптурным изображением Атланта и куски в виде решетки. За пределами галереи частично открыты примыкавшие к ней помещения; в некоторых из них были колонны.

На описанном участке раскопа обнаружено много скульптур. Отметим римскую копию небольшой статуи, в основе которой лежит один из образов Афины, созданный великим Фидием. На постаменте статуи высечена надпись: ΕΥΝΜΕΡΟΣ ΑΘΗΝΑΙΟΣ ΕΠΟΕΙ. Важно отметить, что аполлонийцы, несмотря на влияние римской культуры, почти во всем сохранили верность древнегреческим традициям²⁸, что нашло особенно яркое выражение в эпитафических памятниках, написанных только на греческом языке. Из других скульптур, найденных здесь, упомянем мужскую портретную герму прекрасной работы.

Строительные остатки, датируемые временем не ранее II в. н. э., встречаются и на раскопе К²⁹, расположенном на восточной окраине Аполлонии, недалеко от эллинистического некрополя и открытых К. Прашникером и П. Сестьеро монументальных погребальных сооружений. На вскрытой здесь площади обнаружена часть здания — несколько небольших помещений. В кладках стен здания выявлены обломки скульптур, архитектурных деталей и эллинистического кирпича. Эти стены могут служить еще более ярким образцом «хищнических» кладок, сложенных из материалов ранних построек и памятников искусства. Приемы кладок некоторых стен в этом доме напоминают кладки «елочкой», характерные для позднеантичного и средневекового времени.

В 1958 г. Аполлонийской экспедицией велись раскопки и на курганном некрополе³⁰. Раскопан (не полностью) один курган, в котором обнаружено 87 погребений. Наиболее древние из них относятся к концу VI в. до н. э. Встречено два типа погребений этого времени: в каменных саркофагах и в больших сосудах (пифосах). Вскрыто 11 саркофагов; все они — однотипные по форме, с гладкими стенками и двускатной крышкой, без ornamentации. Один из саркофагов внутри был покрыт розовой краской. В 12 пифосах обнаружены детские погребения, которые сопровождалась, как и захо-

²⁷ Начальники раскопа — Х. Цека и С. Ислами.

²⁸ Xasan C e k a. Указ. соч., стр. 220.

²⁹ Начальник раскопа — Г. А. Цветаева, ассистент — И. Стафа.

³⁰ Начальник раскопа — И. Б. Зеест, ассистент — директор Музея Шкодры — В. Лазари.

ронения в саркофагах, находками расписной керамики конца VI в. — начала V в. до н. э.

Остальные погребения относятся к IV—II вв. до н. э. Преобладают простые захоронения в ямах и черепичные могилы, сложенные (из целой черепицы или больших обломков) в виде «карточного домика». Вся черепица — местного, аполлонийского производства. В этих погребениях найдены различные предметы: расписная керамика, бронзовые стригели, ювелирные изделия и пр.

Особый тип погребений IV—III вв. до н. э. представляют собой склепы в виде прямоугольной ямы, стенки которой обложены кирпичом и накрыты деревянным настилом. В четырех таких склепах (два разрушены) найдено много художественной посуды и других предметов быта. Одним из распространенных обрядов погребения в IV—III в. до н. э. была кремация в урнах — амфорах. При 3 захоронениях обнаружены следы тризны.

В начале наших исследований в Аполлонии на холме, отождествляемом с древним Ориком (берег Паша-Лимана, в 30 км от г. Влора), во время строительных работ были обнаружены остатки сооружений — алтаря и общественного здания. С целью их изучения из экспедиции был выделен отряд³¹. Собраны стратиграфические данные залегания культурных слоев (с V в. до н. э. по IV в. н. э. и позднее) и открыта основная часть сооружения, служившего театром или зданием для собраний. Оно состоит из полукруглой площадки, окруженной уступами, где располагались места для зрителей или слушателей. Отделка здания была исключительно богата и тонко исполнена. Среди случайных находок много мраморных деталей — прекрасных образцов античного архитектурного декора.

Итак, в 1958 г. вскрыта большая площадь древней Аполлонии. Стратиграфия культурных напластований позволила наметить главные этапы истории развития этого города, основанного во второй половине VI в. до н. э. и просуществовавшего вплоть до IV в. н. э. Раскопки дали много чужих сведений о фортификации и градостроительстве Аполлонии. Важные данные получены об экономике и культуре города. Аполлонийцы имели ремесленные мастерские (керамические, кузнечные, бронзолитейные и др.) и вели оживленную торговлю со своей метрополией — Коринфом и другими городами Греции. Исключительно богатые памятники архитектуры, скульптуры, расписной штукатурки, мозаики и некоторых изделий художественного ремесла открывают перед нами интересные и своеобразные страницы истории искусства иллирийской Аполлонии.

В результате раскопок в Орике также собрано много ценных материалов для изучения этого города, известного ранее только по письменным источникам.

Успех экспедиции в целом был обусловлен тесным сотрудничеством албанского и советского коллективов, получивших много полезного в этой большой совместной работе. Албанские коллеги ставят перед собой задачу овладеть методикой раскопок и обработкой материалов советских археологов. В свою очередь советские антиковеды близко знакомятся с греко-римскими памятниками Средиземноморья, что имеет огромное значение для исследователей, занимающихся изучением античной культуры.

³¹ Начальники отряда — М. М. Кобылина и Д. Будина.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ

Раскопки Пантикапея¹ в 1956, 1957 и 1958 гг. были сосредоточены в одном пункте (Ново-Эспланадный раскоп), на северном склоне горы Митридат, к югу от бывшего раскопа К. Думберга (конца XIX в.)². Участок, определенный для изучения, — довольно ровный, пологий склон между вершиной горы Митридат и раскопом К. Думберга, — должен был находиться в черте Пантикапея с раннего времени.

За 3 года вскрыта площадь в 2250 кв. м (из них в 1956 г. — 780 кв. м, в 1957 г. — 960 кв. м, в 1958 г. — 510 кв. м), а вместе с расчисткой прежних раскопов — около 2500 кв. м. Выявлено более 400 сооружений различного рода и их остатков (рис. 8). Раскопки велись отсеками 6×5 м.

Раскопками вскрывалась вся толща культурного слоя до материковой плотной глины (серо-желтого, темно-зеленоватого цвета), а в некоторых местах — до скалы из желтого ракушечника или до строительных остатков. Материк лежал на различной глубине — от 0,9 до 4,5 м. Наибольшая глубина раскопа достигала (на дне колодца) более 10 м.

¹ Экспедиция была организована Институтом истории материальной культуры совместно с Институтом истории искусств АН СССР, Государственным музеем изобразительных искусств, Московским государственным университетом и Керченским историко-археологическим музеем. Начальник экспедиции — В. Д. Блаватский (ИИМК), заместители — Н. И. Сокольский (ИИМК) и И. Д. Марченко (ГМИИ); начальники отрядов — М. М. Кобылина, И. Б. Зеест, Т. В. Блаватская, А. К. Коровина. В работах экспедиции участвовал также Ф. Фюлеп (Венгерская Народная Республика).

² Под названием «раскоп К. Думберга» имеется в виду огромный котлован раскопок К. Е. Думберга в 90-х годах прошлого столетия, а также продолжение этого раскопа Керченским музеем в 30-х и начале 40-х годов. Во время войны остатки древних сооружений здесь были разрушены, лишь на западном участке от раскопок 1939—1941 гг. сохранилась подошва подпорной стены эллинистического времени из огромных квадров; в 1958 г. эта стена была включена в границы Ново-Эспланадного раскопа, так же как и небольшой раскоп 1953 г.

Рис. 8. Пантикапей. План расположения основных объектов Ново-Эспланадного раскопа 1956—1958 гг.

1 — архаический дом (1953 г.); 2—6 — остатки домов архаического периода, открытые в 1956—1958 гг.; 7 — стена V в. до н. э.; 8 — водосток V в. до н. э.; 9 — колодец II в. до н. э.; 10 — подпорные стены; 11 — колодец и нимфей; 12 — каменные субструкции; 13 — остатки здания I в. н. э. с мощным двориком; 14 — каменный куб; 15 — полукруглая постройка; 16 — водостоки; 17 — выброс из мастерской металлурга III в. н. э.; 18 — водопровод из керамических труб; 19 — винодельни III в. н. э.; 20 — остатки улицы; 21 — ямы для хранения зерна; 22 — остатки дома и водостока на 5-й террасе; 23 — средневековые могилы.

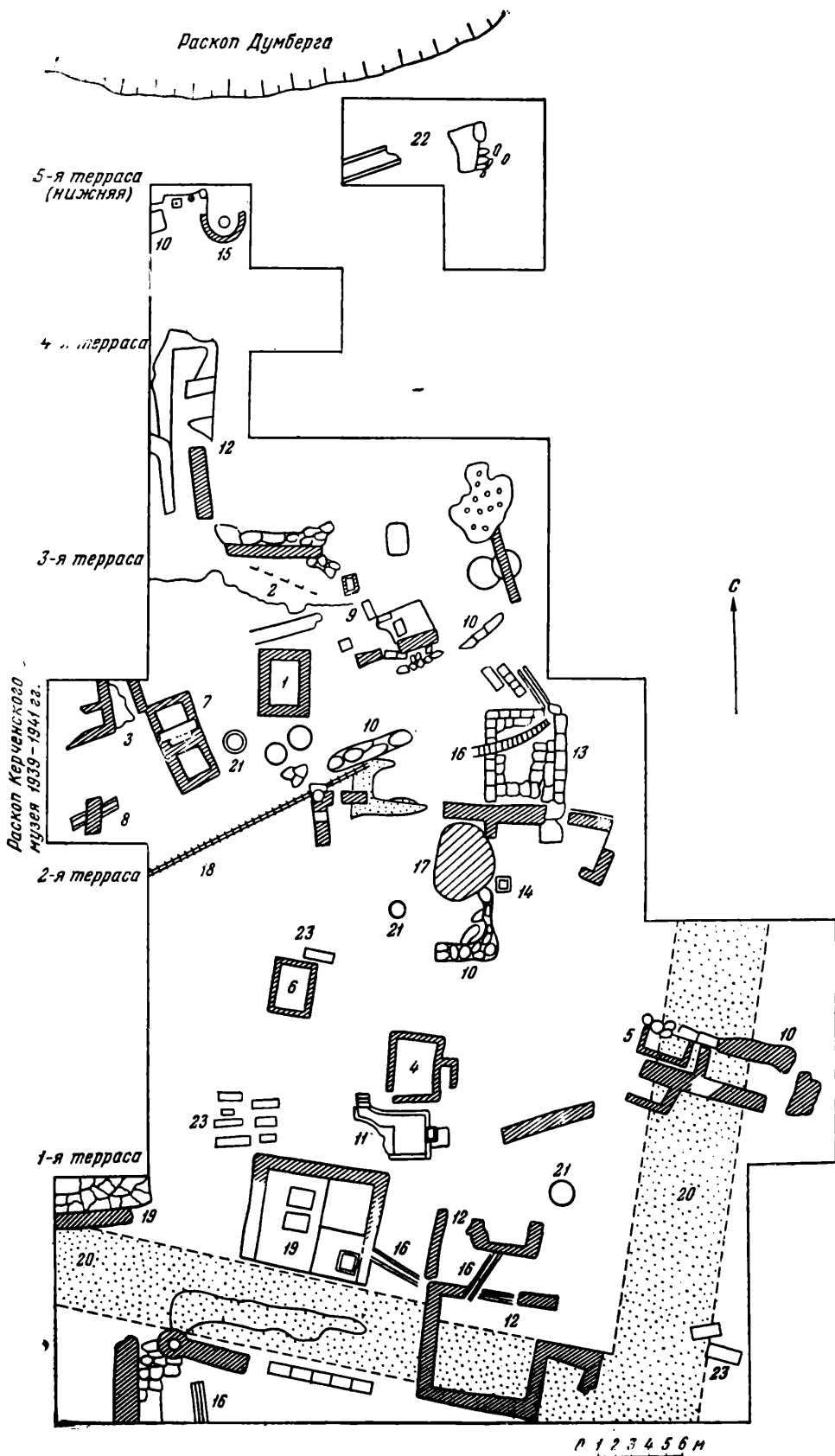

Рис. 8

Все значительные, лучше сохранившиеся остатки строений оставались на месте в открытом виде для обзора с целью популяризации исторического прошлого нашей страны и археологических знаний³.

В течение 3 сезонов на участке зафиксировано 17 культурных напластований, сохранившихся весьма неравномерно. Позднеантичные слои обнаружены по всей площади раскопа; другие уцелели в отдельных местах, иногда крупными массивами, а иногда небольшими обрывками. Слоев IV и III вв. до н. э. вообще не оказалось; они уничтожены при больших строительных работах, главным образом в конце I в. до н. э. и в I в. н. э., когда сооружались террасы, выравнивались площади с подрезкой грунта вплоть до материка. Почти все остатки ранних сооружений снесены, если они не были заглублены в материк. Отдельные слои, по мощности также неравномерные, часто сопровождаются более поздними перекопами. Грунт всех слоев состоит из коричневого суглинка, но иногда сильно отличается по цвету и консистенции благодаря включениям, из которых следует отметить зольные, известковую крошку, различные мусорные включения, осколки раковин, желтоглиняные пятна от расплывшихся сырцов. Во всех слоях, особенно позднеантичных, встречается много отдельных камней (известняка) и большое количество находок, главным образом фрагментов керамики, причем в слоях первых столетий нашей эры есть находки, относящиеся к классическому и эллинистическому времени, указывающие на непрерывность жизни города.

В результате раскопок ранее сделанный вывод о террасообразном расположении Пантикапея⁴ и по склонам горы Митридат нашел яркое подтверждение. На исследованном участке прослежены остатки 5 террас. Первая, южная терраса не исследована, ширина ее в открытой части — 15 м; вторая, ниже по склону (к северу) — шириной до 22—23 м, третья — шириной до 25 м, четвертая — до 20 м. Каждая терраса шла не по прямой линии, а следовала рельефу, и ширина ее поэтому не была везде одинаковой. В древности на участке раскопа проходила небольшая лощина. Разница в уровнях террас составляла в среднем 1,5—2 м. Пятая терраса, обнаруженная на небольшом пространстве, была расположена значительно ниже и относилась к другой группе террас. В раннее время больших искусственных террас не существовало, дома строились на более ровных местах, на отдельных площадках. В ходе перестроек происходило более четкое оформление террас, а при строительстве, начиная с позднеэллинистического времени и особенно в I в. н. э., они четко оформлялись с применением насыпей, забутовки и подпорных стен, причем остатки таких сооружений прослежены для каждой террасы. Внешний панцирь подпорных стен не сохранился, за исключением отдельных камней.

Слой, относящегося к доантичному времени, на раскопе не обнаружено, но о жизни людей на месте Пантикапея во II тысячелетии до н. э. свидетельствуют два фрагмента сверленных каменных молотов, найденных в слоях III и IV вв. н. э.

Один из самых важных результатов работ на Ново-Эспланадном раскопе — это открытие слоев и сооружений, в том числе остатков домов,

³ Экспедиция провела совместно с Керченским городским Советом и Керченским историко-археологическим музеем работу по определению границ археологического заповедника на горе Митридат. Ново-Эспланадный раскоп включен в экскурсионную программу Керченского историко-археологического музея. На раскопе произведены консервационные работы, по согласованию с руководством экспедиции, директором Керченского музея Ф. Т. Гусаровым. Для сохранности открытых памятников раскоп огорожен металлической сеткой, а рядом построено здание для сторожа, штатную единицу которого выделил Керченский музей. Члены экспедиции сделали много докладов о раскопках Пантикапея и его истории, вели беседы и экскурсии.

⁴ В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 93—95.

Рис. 9. Пантикапей. Остатки двух домов.

1 — двухкомнатный дом середины VI в. до н. в. (№ 1); 2 — подвал архаического дома (№ 5).

относящихся к первому столетию существования Пантикапея⁵. Впервые выявлена часть жилого квартала Пантикапея архаического периода. На раскопе зафиксировано 4 сменяющих друг друга слоя, которые датируются временем до начала V в. до н. э. Первый слой, относящийся к первой половине VI в. до н. э., обнаружен в северной части раскопа. Здесь оказались глиняная трамбовка, заключенная между каменными настилами, и значительное число фрагментов полосатых ионийских сосудов, расписных чаш, чернофигурных киликов. Второй слой датируется, на основании обломков расписной родосско-ионийской и чернофигурной посуды, серединой VI в. до н. э. К этому времени относятся сооружение двух домов и переулков между ними (западная часть раскопа).

Оба дома, прямоугольные в плане, включали по два помещения и ориентированы так, что их восточные и западные стены шли в направлении с юго-юго-востока на северо-северо-запад.

Восточный дом (№ 1) довольно хорошо сохранился; его северное помещение А занимало площадь 5 кв. м, южное Б—4,3 кв. м (рис. 9—1). При устройстве дома был выкопан котлован в материковой глине, глубиной 1 м, и стенки его аккуратно обкладывались одним рядом необработанных и частично подтесанных уплощенных камней (известняка) средних размеров, уложенных на глиняном растворе. Стены связаны впереплет. Подошва их лежит на ровно срезанном уступе материковой глины, а в помещении Б в некоторых местах — непосредственно на возвышениях ракушечного скального пласта. Перегородка, разделяющая помещения и не прикасающаяся со стенкой котлована, сложена в два панциря. Стены были покрыты светлой серой известковой обмазкой толщиной 1—2 см. По углам помещения Б положены большие камни, предохранявшие сооружение от деформации. Пол помещений, лежавший на глубине 3,3 м от поверхности раскопа и ниже подошвы стен на 0,2—0,3 м, представлял собою зачищенный желтый ракушечный пласт. Наибольшая высота каменной части стен (смежная стена № 267) — 1,25 м, ширина их по верху — 0,3—0,4 м.

Однако каменные стены были только в заглубленной части дома; наземные части сложены из желтоглиняных сырцовых кирпичей толщиной 0,07 м. На всех 4 стенах лучше сохранившегося помещения Б обнаружено *in situ* по куску сырцовой кладки, ширина которой составляла везде 0,3 м. Наибольшая высота стен помещения Б от пола до верхних точек сырцов — 1,5 м. Высота дома в целом была значительной, судя по тому, что упавшие сырцовые стены внутри помещения Б образовали сплошной массив толщиной до метра.

На высоте 0,4—0,45 м от первоначального пола находился другой, земляной пол, относящийся уже ко второму периоду жизни в доме. Дверных проемов ни в одной из цокольных стен нет. Однако в пользу того, что это был жилой дом, а не подвал, свидетельствуют остатки очагов в обоих помещениях и в каждом из двух горизонтов, а также наземная сырцовая кладка. Из многочисленных находок VI в. — начала V в. до н. э. в темном суглинке, заполнявшем помещения, отметим ножку остродонной амфоры, сделанную из пантикапейской глины, и фрагменты граненых и полукруглых калиптеров, зооморфный сосуд — аск с отбитым двойным носиком (рис. 10—1), чернолаковый аск начала V до н. э. и каменное яичко неизвестного назначения.

От северо-западного угла дома отходит в том же направлении стена (шириной 0,6 м, высотой 0,7 м), прослеженная на протяжении 2 м. Она сложена из дикарных камней и, возможно, служила сградой двора.

⁵ В предшествующее время при раскопках Пантикапея найдено всего 3 дома архаического периода; два из них — на Верхне-Митридатском раскопе, а третий — на раскопе 1953 г., рядом с вновь открытыми домами (В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 13—19).

Рис. 10. Пантикапей. Керамика из раскопок.

1 — аск в виде петуха (VI в. до н. э.); 2, 3 — кувшины из колодца II в. до н. э.

С западной стороны дома раскрыта часть переулка (шириной 1,2—1,4 м) на протяжении 3,1 м, вымощенного черепками, галькой и небольшими кусками известняка. С западной стороны переулка находится второй, двухкомнатный, сильно разрушенный дом⁶. Северное помещение его до конца не прослежено, южное — занимало около 4 кв. м. В отличие от предыдущего, площадка для этого дома была создана путем подсыпки и подрезки материка и лежала на уровне средней части цоколя восточного дома. Изнутри все стены были покрыты прочной сплошной известковой обмазкой. Полы земляные, причем в северном помещении они лежали ниже на 0,4 м. По размерам, планировке и ориентации дом близок предыдущему, но имел и конструктивные отличия. К югу от дома обнаружен кусок хорошей галечной вымостки двора.

⁶ Западная часть дома разрушена при сооружении подпорной стены эллинистического времени и раскопом 1940—1941 гг.

В конце VI в.— начале V в. до н. э., видимо, весь этот участок был застроен жилыми домами. Южнее и выше по склону, в середине будущей второй террасы, вскрыт третий дом. Он был однокомнатным; сохранились нижние части стен, впущенных в материк на глубину до 1 м. Поэтому дом, как и первый, представлял собой род полуземлянки, у которой нижние части стен (т. е. стенки котлована) были аккуратно выложены из уплощенных камней (известняка) средних размеров ($0,5 \times 0,4 \times 0,1$ м; $0,5 \times 0,35 \times 0,09$ м; $0,25 \times 0,22 \times 0,15$ м).

Наземная часть жилища была, по-видимому, из сырцовых кирпичей; северная, лучше сохранившаяся, стена (высота—1,11 м) имела для этой цели ровную плоскость на уровне выхода из материка. Дом—прямоугольный в плане ($2,65 \times 3,5$ м) и ориентирован по странам света; его площадь—9,3 кв. м. С юго-восточной стороны его сделана в той же технике небольшая хозяйственная пристройка (кухня) размером $0,75 \times 2,15$ м, на земляном полу которой найдены куски разбитых жаровен.

В доме зафиксировано три периода жизни. В двух нижних горизонтах обнаружены земляные полы. В третьем горизонте полы оказались разрушенными, но здесь найдены остатки жаровни и группа разбитых хиосских амфор начала V в. до н. э. Среди находок в доме отметим продолговатую зернотерку архаического типа, расписной аск и целый чернолаковый килик.

Четвертый дом обнаружен в 12 м к востоку от описанного выше. Он помещался на площадке, вырезанной у подножия крутого склона. От дома сохранились углубленная на 1 м в материк южная часть подвала, длиной 2,91 м, и фундамент южной стены, прослеженный на длину 6,9 м. Дом был сооружен немного позднее, чем предыдущий. Стены подвала сложены из тщательно отесанных и пригнанных друг к другу прямоугольных и трапециевидных блоков; система кладки, таким образом, представляет собой переход от полигональной к квадратной. Стены его—безукоризненно ровные—сохранили следы известковой обмазки.

Двухпанцирный фундамент стены дома, лежащий на уровне верхнего ряда блоков подвальных стенок, сложен из нерегулярного камня. Характерно, что и у этого дома с южной стороны была хозяйственная прямоугольная пристройка, от стенок которой уцелели нижние ряды камней.

Кроме большого количества фрагментов расписной керамики VI в.—первой половины V в. до н. э., найденных в районе подвала, отметим обломки костяной флейты.

Пятый дом располагался в 6 м к северо-западу от третьего. Сохранилось прямоугольное заглубленное в материк подвальное (?) помещение с хорошо сохранившимися (до высоты 1,5 м) тремя стенами, ориентированными по странам света (рис. 9—2). От южной стены уцелел только нижний ряд камней. Хорошая сохранность стен объясняется тем, что помещение было плотно прикрыто позднейшей вымосткой и трамбовкой. Внутреннее пространство помещения равно 5,32 кв. м ($2,62 \times 2,03$ м).

Стены, по углам связанные впереплет, представляют собой обклад котлована, однопанцирный, из уплощенных, частью подтесанных кусков известняка средних размеров, положенных на глинистом белом растворе, которым была обильно обмазана вся поверхность стен. Отпавшая белая штукатурка образовала пласт толщиной 0,14 м внутри помещения. Часть западной стены сложена из больших ($0,74 \times 0,38$ м и подобных), хорошо отесанных квадров, взятых из других, более ранней постройки. Пол помещения представлял собой подрезанный материк (глина), покрытый легким слоем земли. В юго-западном углу обнаружено небольшое углубление ($0,10—0,12$ м), заполненное чистым морским песком. Судя по большой заглубленности, размерам и отсутствию дверного проема, это помещение было подвалом большого дома, наземные части которого полностью уничтожены. Из многочисленных керамических находок (VI в.—первой поло-

вины V в. до н. э.) в заполнявшем грунте следует отметить клеймо в виде вдавленного кольца на ручке амфоры и фрагменты полукруглой черепицы.

От шестого дома архаического периода (этот дом некогда располагался немного севернее первого и второго домов) стен не сохранилось, но о его существовании свидетельствуют остатки очага, вымостки и оригинальная печь, сделанная из верхней части пухлогорлой амфоры, поставленной горлом вниз и обмазанной глиной. Высота печи — 0,33 м, диаметр — 0,57 м. Печь была перекрыта двумя слоями земляного пола, покрытого углем и сажой. На участке, занятом комплексом дома, найдены форма для изготовления ювелирных изделий и железный шлак, свидетельствующие о раннем развитии металлургии в Пантикапее. Неподалеку обнаружены две зерновые ямы.

Материалы раскопок, таким образом, указывают, что Пантикапей в VI в. до н. э. не отличался богатством построек. В то же время можно зафиксировать имущественные различия между владельцами больших домов с каменными подвалами и небольших домов из камня и сырца, заглубленных в грунт. Пантикапей уже в VI в. до н. э. был центром ремесла, во всяком случае керамического, металлургического и ювелирного.

Немногочисленные строительные остатки, относящиеся к V в. до н. э., указывают, что в то время в Пантикапее вели перестройки и перепланировки, которые, вероятно, следует связать с превращением Пантикапея в столицу Боспорского государства с централизованной властью Археанактидов (480—438 гг. до н. э.). Уже в начале V в. до н. э. прекратили существование описанные выше дома VI в. до н. э. Около середины V в. до н. э. был снесен и дом № 4, а поперек его (с запада на восток) была сооружена подпорная стена (длина — 7,95 м, ширина — 0,7—1,1 м), разрушившая северную часть подвала. Возможно, эта стена знаменует собой зарождение террасной планировки Пантикапея. Из развалин стен западного дома (№ 2), смешанных с землей, была создана, в целях планировки участка, обширная трамбовка, а над восточным домом (№ 1) сооружено большое здание, от которого сохранилась нижняя часть стены, идущей с востока на запад, поперек помещения А. Любопытно, что в этой стене V в. до н. э. заложено много кусков мрамора, вероятно, служивших балластом кораблей, направлявшихся за хлебом к северным берегам Понта.

О развитии организованного характера строительства в Пантикапее в V в. до н. э. свидетельствуют остатки уличного водостока (к югу от дома № 2), сложенного из малообработанных плит. Он сохранился на длину 2,82 м и шел с юго-запада на северо-восток с небольшим уклоном. В желобе его найдена половина пухлогорлой амфоры второй половины V в. до н. э.

Как указано выше, напластования IV и III вв. до н. э. не уцелели. В восточной части раскопа отмечен небольшой участок тонкого слоя, датированного II в. до н. э. К этому же времени относится единственное, но монументальное сооружение — колодезь в северной части раскопа (рис. 11—1). Его глубина достигает 7,5 м без учета несохранившейся наземной части. В плане колодезь прямоуголен (0,93 × 1,15 м); сложен он насухо из хорошо отесанных массивных известняковых плит, составляющих совершенно гладкие стенки, в основании которых лежат 4 косо выступающих блока. Видимо, у колодезя было специальное приспособление, дававшее возможность веревке проходить по центру, так как не заметно потертости стенок. Просуществовал колодезь недолго, так как уже в I в. до н. э. он был приспособлен под погреб глубиной 3 м, с полом из камней и известковой крошки. В засыпку колодезя, от дна его до пола погребя, собраны многочисленные и интересные находки, среди которых отметим боспорские расписные кувшины (рис. 10—2, 3) и светлоглиняную синопскую амфору с четкой черной надписью на плечиках: *Στατίου Παλλάδος*.

Слой I в. до н. э. сохранился несколько лучше, но далеко не на всем

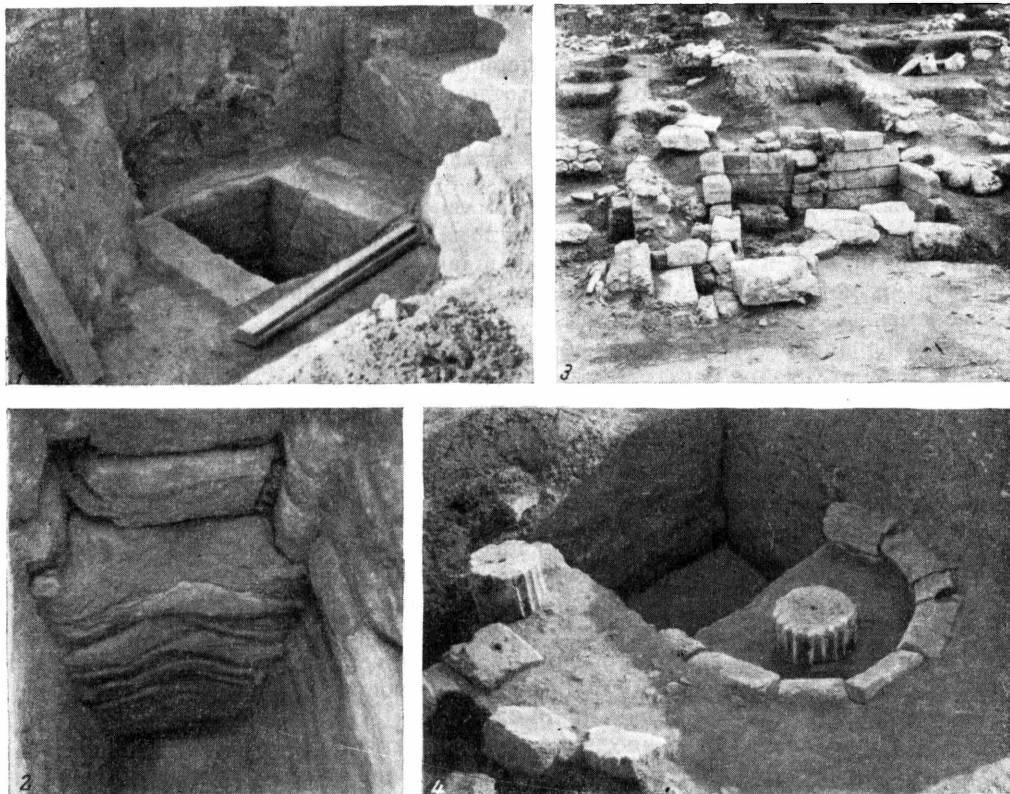

Рис. 11. Пантикапей. Различные сооружения города.

1 — колодезь II в. до н. в.; 2 — колодезь I в. н. э.; 3 — приколодезное помещение I в. до н. э. (прямо — заклад проема в стенке колодезя, слева — ступеньки входа); 4 — полукруглое помещение I в. н. э.

раскопе, а главным образом, в центре, на третьей и отчасти на второй террасах. Здесь вскрыты несколько кладок, вымосток, трамбовка. Несмотря на то, что кладки представляют собой в большинстве случаев фундаменты из необработанных известняков, отдельные обработанные камни и даже весьма крупные квадры служат свидетельством солидности и высокой строительной техники существовавших здесь зданий. Это же иллюстрирует и часть подпорной стены второй террасы. На лучше сохранившемся участке ее четко прослеживается конструкция стены: облицовочный панцирь шириной 0,6 м был сложен из монументальных блоков (сохранились 4 блока), к панцирю прилежала бутовая кладка шириной до 1,8 м, а за ней и над ней лежала земляная подсыпка.

Но самыми значительными объектами этого периода можно считать колодезь и пристроенное к нему с запада помещение («нимфей»), расположенные в середине второй террасы. Глубина колодезя — 6,43 м; дно его лежит на глубине 7,4 м от поверхности раскопа. Колодезь в плане прямоуголен; его размеры: по верху — $0,7 \times 0,75$ м, в средней части — $0,9 \times 0,95$ м. Стены сложены из известняковых отесанных блоков, хорошо связанных по углам; основанием служат 4 блока высотой 0,4 м, выступающих на 0,2 м. В западной стенке вверху, над уровнем пола приколодезного помещения, был проем, а ниже его ко дну колодезя идет ложбинка глубиной 10—12 см, образовавшаяся от трения веревки и сосудов, которыми вытаскивали воду (рис. 11—2). Верхний ярус колодезя, высотой 1,43 м, был перестроен в кон-

це II в. — начале III в. н. э., проем заложен, а «нимфей» засыпан. Вскоре и сам колодец был полностью засыпан (во II в. н. э. или в начале III в. н. э.). В северной и южной стенках колодца на определенных расстояниях сделаны вырубki для упора рук и ног при спуске на дно.

Многочисленные находки в заполнении колодца состоят в основном из мелких и крупных фрагментов амфор, кувшинов и других сосудов I—II вв. н. э. В самой верхней части, которая, возможно, служила погребом, находки относятся к III в. н. э.

«Нимфей» — квадратное сооружение, предназначенное для разбора воды, было заглублено в материк в среднем на 1 м; внутреннее пространство его — $2,54 \times 2,53$ м (рис. 11—3). Стены сложены из одного ряда по ширине хорошо отесанных известняковых квадров, положенных насухо. Менее других пострадавшая восточная стена достигает в высоту 1,25 м (5 рядов). Стенки помещаются в вырубках фундамента из одного ряда поперечно положенных нешироких квадров. Пол сооружения состоял из крепко утрамбованной крошки, лежавшей на черепичной субструкции из обломков эллинистических амфор и других сосудов. От северо-западного угла идет на запад немного изгибающийся проход длиной 1,5 м и шириной 0,8 м, заканчивающийся каменной лесенкой (сохранилось 3 ступени), обращенной на север. Во II в. н. э. помещение было сужено на 0,54 м укладкой огромных плит по западной стене. Вскоре был заложен проход, а в момент перестройки верхней части колодца «нимфей» окончательно засыпан. Нужно полагать, что этот колодец был общественным, и, возможно, его постройка была причиной быстрого прекращения функционирования колодца, расположенного ниже, на линии падения небогатого водоносного слоя.

Остатки сооружений, относящихся к I в. н. э., указывают на значительное благосостояние города в это время. Так, на первой террасе раскрыты монументальные субструкции здания: две клетки фундаментов, сложенных из частью подтесанных известняков-ракушечников крупных и средних размеров; ширина отдельных стенок — в среднем 0,8 м. С северной стороны клетчатой субструкции обнаружены остатки каменной лестницы. Ствол колонны диаметром 0,24 м, часть дорийской капители, блок с углублениями для установки перил, найденные поблизости, могли принадлежать этому зданию.

На второй террасе в этот период продолжал существовать колодезный комплекс; от других сооружений уцелели обрывки кладок и трамбовки. На третьей террасе обнаружены остатки монументального здания. Хорошо сохранился внутренний прямоугольный дворик ($5,6 \times 4,7$ м), вымощенный большими известняковыми плитами (например, $1,3 \times 0,88$ м; $1,0 \times 0,8$ м). Крайний ряд плит приподнят над плоскостью двора и образует широкий рант. Помещения располагались с восточной, южной и западной сторон, а с севера от дворика отходил водосток для дождевой воды. Канал его, сохранившийся в длину на 2,95 м, прорезан в каменных блоках. С южной стороны двора вскрыт мощный фундамент (длина — 5,8 м, ширина — 0,9—0,95 м) из крупных, грубо отесанных камней. Здесь было обширное помещение. У юго-восточного угла двора находилось помещение площадью около 6 кв. м, одна из стен которого сохранилась на высоту 1,11 м; к западу от него обнаружены остатки гладкого пола ($4,4 \times 2,55$ м), сделанного из известкового раствора, смешанного с песком. На расстоянии 3,2 м к югу от упомянутого выше фундамента обнаружен неясного назначения известняковый куб с ребром 0,65 м, а поблизости от него — мраморная голова бородатого божества. С северной стороны весь этот комплекс примыкал к подпорной стене третьей террасы, судя по остаткам, достигавшей толщины 2,4 м (с забутовкой).

На краю четвертой (нижней) террасы открыто небольшое полукружие, радиусом 0,7—0,8 м, выложенное из одного ряда трапециевидных блоков

Рис. 12. Мраморная голова Гигиен (I в. до н. э.).

проложен водосток, желоб которого высечен в каменных блоках, и сооружены новые, мощные субструкции — фундаменты из клетчатых кладок, внутреннее пространство которых засыпано черепками и камнями.

Культурные напластования III в. н. э. подразделяются на два периода — ранний и поздний. Многочисленные находки и остатки сооружений указывают на продолжение интенсивной жизни города в первой половине III в. н. э. Сохраняется террасная планировка; она начинает приходить в упадок только во второй половине III в. н. э. По-прежнему применяются клетчатые субструкции зданий (северный участок). В то же время на участке появляются крупные хозяйственно-ремесленные комплексы, отражающие глубокие изменения в экономике Боспора. Отметим открытие на третьей террасе огромного выброса (7×6 м, толщина — до 1,1 м) из металлургической мастерской (см. рис. 8—17). Выброс состоял из золы, сажи древесного угля и глиняной обмазки, многочисленных остатков медных и железных шлаков и включал фрагменты различных металлических предметов, слитки меди, обломки тиглей и льячек. На расстоянии 7—8 м к юго-востоку обнаружен черепяно-каменный пол помещения, связанного с мастерской. В районе сброса найдена небольшая, хорошей работы, мраморная голова Гигиен (рис. 12).

У подножии третьей террасы, севернее сброса, в III в. н. э. был проложен водопровод, составленный из отдельных керамических звеньев (труб диаметром 0,14—0,15 м и длиной 0,58—0,62 м), вставленных одно в другое и в стыках прочно скрепленных известковым раствором (рис. 13—1). Водопровод шел с юго-запада на северо-восток и прослежен на длину около 18 м.

(рис. 11—4). Внутри этого загадочного сооружения оказался ровно поставленный барабан дорической колонны, диаметром 0,64 м и высотой 0,31 м; подобный же барабан стоял за пределами полукружия, которое, возможно, служило основанием парапета или ниши перед постаментом для скульптуры.

Слой II в. н. э. сохранился хуже предыдущего; строительные остатки (угол здания, обрывки кладок, вымосток, подпорных стен и трамбовок) указывают на интенсивную жизнь города в этот период, однако все они плохо сохранились.

Сооружения того времени, несомненно, в значительной части были разрушены при новых широких планировочных работах в Пантикапее в конце II в. и начале III в. н. э., которые прослеживаются в нескольких местах на исследованном участке. Производился и ремонт подпорных стен. Так, на первой террасе отремонтирована подпорная стена, от которой сохранились субструкция и забутовка. Здесь же

Рис. 13. Пантикапей. Водопровод из керамических труб первой половины III в. н. э. и угол дома IV в. н. э., в кладке которого использована известняковая база колонны (1); остатки подпорной стены 2-й террасы и позднеантичная амфора (2).

Вероятно, он разветвлялся, так как куски керамических труб найдены и в других частях раскопа.

Немного позднее металлургической мастерской на грани первой и второй террас (в юго-западной части раскопа) были построены две винодельни, из которых восточная относительно хорошо сохранилась. Площадь ее — 36,5 кв. м; она включала 3 давяльные цемянковые площадки и 2 резервуара для сбора сока. Емкость обоих резервуаров превышала 6000 литров. На юго-восточной площадке в пол была вмонтирована прямоугольная плита (1,38 × 1,28 × 0,2 м) — тарапан. Над винодельней было сооружено здание; судя по сохранившимся северному и восточному фундаментам, оно строилось добротно.

К югу от винодельни проходила с востока на запад улица, многослойная вымостка которой говорит о длительном существовании.

В III в. н. э. чаще, чем ранее, применялись ямы для хранения зерна. На участке обнаружено несколько пашенных ям, одна из которых (в юго-восточной части раскопа) достигала 3,1 м глубины; ямы обычно грушевидной формы, в верхней части они укреплялись камнем и покрывались плоской плитой. В одной из них найдены зерна мягкой пшеницы.

В северо-восточной части раскопа, на пятой террасе, открыта часть дома с дверным проемом и каменным порогом. К востоку от дома сохранились остатки главного уличного водостока и впадавшего в него рукава, сложенных из каменных плит. Здесь же найдены остатки третьей винодельни.

Для позднеантичного периода на Ново-Эспланадном раскопе зафиксировано три сменяющих друг друга напластования, которые можно датировать следующим образом: 1) концом III в. — началом IV в. н. э.; 2) первой половиной IV в. н. э. и 3) серединой и второй половиной IV в. н. э.; верхний ярус слоя выделяется в особую прослойку. Эти напластования прослеживаются на всей площади раскопа и местами достигают значительной мощности (1—1,5 м). Ведущие находки здесь — фрагменты широкогорлых красноглиняных и узкогорлых светлоглиняных амфор III и IV вв. н. э.

Для изучения во многом для нас неясного периода истории Боспора, т. е. III и IV вв. н. э., Ново-Эспланадный раскоп дал многочисленные и ценные материалы.

В IV в. н. э. изменился облик Пантикапея. В пределах раскопа почти нет монументальных сооружений. В постройках мало применяется хорошо тесаный камень. Бросается в глаза массовое использование камня из ранних построек; часто хорошо отработанные архитектурные детали закладываются в стены и фундаменты. Например, в угол фундамента (IV в. н. э.) было заложено мраморное кресло⁷, по-видимому, из пантикапейского театра, местоположение которого еще не найдено. Уже не планировалось террасное расположение построек⁸; сооружения воздвигались по склону, над бывшими террасами, подпорные стены которых служили теперь карьерами выборки камней (рис. 13—2). Ориентация сооружений не совпадает с ориентацией ранних построек на одном и том же месте. Происходит упадок архитектуры и обеднение города. Все это говорит о серьезных потрясениях, пережитых пантикапейцами в пределах второй половины III в. н. э., сопровождавшихся сильными разрушениями, упадком общегородского хозяйства. Наиболее вероятным объяснением этих фактов следует считать готские нашествия в третьей четверти III в. н. э.⁹

Тем не менее Пантикапей в IV в. н. э. оставался многолюдным городом

⁷ В. Д. Блаватский. Мраморный трон из Пантикапея. СА, 1957, № 2, стр. 247—249.

⁸ Только в одном случае из многих обновление подпорной стены террасы относится к периоду конца III в. — начала IV в. н. э.

⁹ (Z o. s., I, 63, 64) = SC, стр. 790—796.

и центром ремесла¹⁰. Весь исследованный участок был густо заселен и застроен. При раскопках вскрыты многочисленные фундаменты строений и их развалы, выгребные ямы; особенно много вымосток — дворовых и уличных. По улицам прокладывались водостоки. Их бока обычно сложены из поставленных на ребро небольших каменных плит, грубо обработанных; сверху они покрыты, а дно земляное. Например, такой водосток над третьей террасой прослежен на расстоянии 7 м; его ширина — 0,38 м.

История городских культурных напластований Пантикапея обрывается во второй половине IV в. н. э. Античный город прекратил свое существование в районе северного склона горы Митридат не постепенно, а в короткий промежуток времени. Городского слоя средневекового времени на раскопе не обнаружено. Это место осталось пустырем вплоть до наших дней. Средневековый город располагался в основном ниже, в районе гавани, а исследуемый участок использовался под кладбище.

В 1956—1958 гг. здесь открыто 40 могил, как правило, залежавших неглубоко (0,2—1 м). Это закрытые ящики из отесанных известняковых плит, с земляным полом. Ящики различны по размерам; встречаются совсем небольшие, с погребением детей. Многие могилы разрушены случайными перекопами, а некоторые, возможно, грабителями.

Большинство могил заключало в себе по одному костяку, но в отдельных случаях отмечены повторные погребения; есть ящики с двумя, четырьмя костяками, а в могиле № 28 оказалось 6 скелетов, лежавших в 3 яруса. Большая часть захороненных была обращена головой на запад (с различными отклонениями) и находилась в вытянутом положении на спине. Однако есть погребения с другой, в частности, восточной ориентировкой. В могиле № 28 один костяк лежал в обратном направлении по отношению к другим.

При многих погребениях инвентаря не обнаружено, в остальных он был беден и ограничивался одним или несколькими предметами (бронзовые пуговицы, простые бронзовые и железные колечки и браслеты, железные и бронзовые пряжки, одна или несколько бусин). В качестве примера наиболее богатой могилы упомянем погребение № 38 (женщина с ребенком), в котором найдены остатки деревянной дощечки и ткани, 2 бронзовых браслета, 2 сцепленных серебряных височных кольца, фрагмент серебряного предмета, подвески в виде полумесяца из стеклянной пасты и различные бусы. Только в одной могиле (№ 25) обнаружены следы гроба и расписной одноручный сосуд с надписью на ручке ΕΦΩ. Это захоронение — наиболее раннее, в целом же некрополь, видимо, относится к V—X вв. н. э.

Помимо основных работ, на окраине г. Керчи в 1956 г. экспедицией был раскопан подкурганый склеп II в. до н. э., случайно обнаруженный директором Керченского музея Ф. Т. Гусаровым. Курган был ранее срыт, склеп ограблен, но он представлял собой интересный вариант погребальных сооружений с уступчатым покрытием, с двумя параллельно расположенными камерами, перед которыми — небольшие преддверия. При расчистке найдено несколько терракот, «мегарские» чаши пантикапейской работы, с клеймом ΔΕΜΝΤΡΙΟΥ, флаконы, 3 монеты, бусы, обломки бронзовых и железных предметов. На 1-й Предельно-Нагорной улице исследован случайно открытый трехлежаночный земляной склеп III в. н. э.¹¹

¹⁰ Напомним, что к западу от Ново-Эспланадного раскопа в 1929—1930 гг. была раскопана большая керамическая печь IV в. н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934; В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 12, рис. 5; стр. 22, 51—52.

¹¹ Н. И. Сокольский. Земляной склеп на горе Митридат. СА, 1959, № 3, стр. 220—223.

Н. П. СОРОКИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ГЕРМОНАССЫ

В 1956—1957 годах

Во время начавшихся в 1952 г. раскопок Таманского городища перед Таманской экспедицией ИИМК, в которой принимал участие ГИМ, встала задача одновременного исследования большого грунтового могильника. С 1954 г. здесь работал специальный отряд¹, сначала в составе экспедиции под руководством Б. А. Рыбакова (по 1955 г.), а затем экспедиции, изучавшей древнюю Гермонассу (1956—1957 гг.).

Некрополь занимает большую территорию в западной и центральной частях станицы Таманской и в настоящее время почти сплошь занят усадьбами жителей. Этот некрополь привлекал к себе внимание многих исследователей. Известно, что в 1912 г. здесь производил раскопки В. В. Шкорпил², в 1914 г.— В. В. Соколов³, в 1931 г.— А. А. Миллер⁴, в 1938 и 1940 гг. работал Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК⁵.

В результате этих раскопок, носивших несистематический характер, оказалась лучше исследованной западная часть некрополя конца VI—IV в до н. э. Наши работы в этом районе в 1954 г. позволили получить некоторые новые данные по топографии западного некрополя, который содержал гораздо больше средневековых могил, чем погребений античного времени, и был довольно сильно разрушен постройками и ямами тмутараканского и более позднего времени. Поэтому дальнейшие раскопки были перенесены на территорию южного некрополя. Работы в 1955—1957 гг. велись на пустырях к северо-западу и северо-востоку от Покровской церкви. Наиболее интересные результаты дали исследования 1956—1957 гг., когда была вскрыта территория около 600 кв. м (рис. 14) и обнаружено 31 погребение⁶.

¹ Начальник отряда — Н. П. Сорокина; в качестве ассистентов работали: в 1954 г. — С. Даркевич, в 1955 г. — Э. Д. Берзин, в 1956 г. — Т. Антонова, в 1957 г. — Н. А. Думнова.

² ИАК, вып. 60, 1916, стр. 33 и сл.

³ В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, Симферополь, 1919, № 56, стр. 49.

⁴ А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. Сообщения ГАИМК, 1932, № 7-8, стр. 67.

⁵ См. Предисловие к МИА, № 25, 1952, стр. 10; Архив ЛОИИМК, д. № 151 за 1938 г.; д. № 93 за 1940 г.

⁶ Черепа из этих погребений переданы в Музей антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Антропологическое изучение черепов произведено Г. С. Кондукторовой.

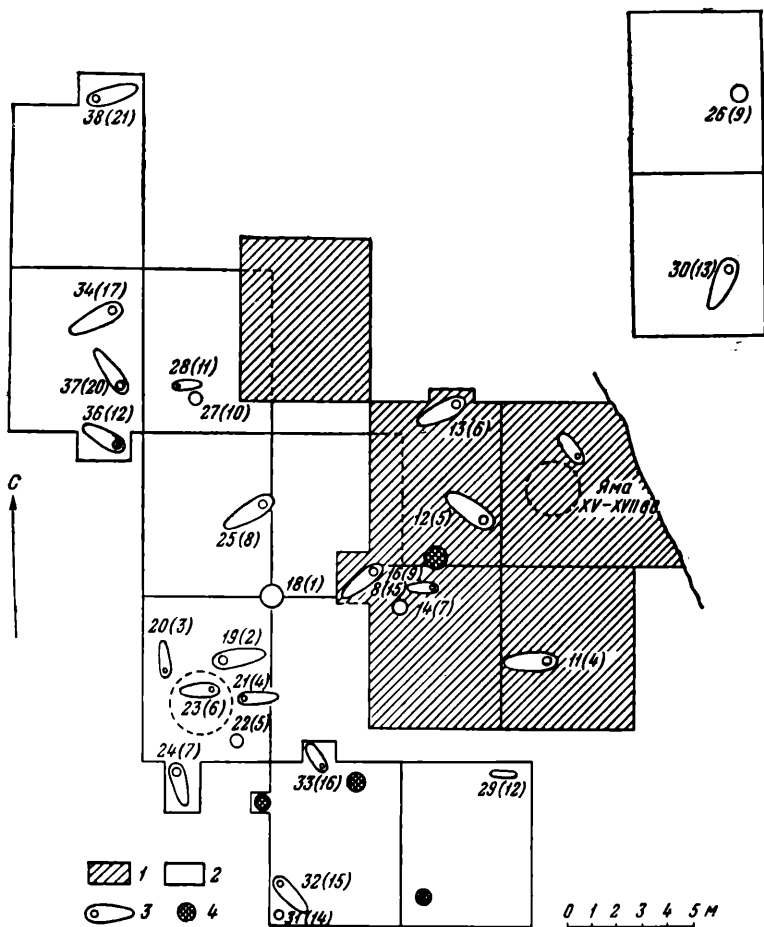

Рис. 14. План раскопок южного некрополя Гермоннасы в 1956—1957 гг.
 1 — площадь, вскрытая в 1956 г.; 2 — площадь, вскрытая в 1957 г.; 3 — погребения; 4 — место
 тризн.

На основании инвентаря погребения можно распределить по двум хронологическим группам. В первую входит 17 могил V—I вв. до н. э., во вторую — 14 погребений первых веков нашей эры.

Инвентарь погребений первой группы в основном состоял из керамики. В могилах V в. до н. э. встречены привозные чернолаковые сосуды — килики, лекифы (в том числе с изображением танцовщицы, нанесенным белой краской). Кроме того, обнаружены простые красноглиняные ойнохои и глубокие миски с линейным орнаментом.

В могилах IV—I вв. до н. э. находились простые красноглиняные сосуды — тарелки, миски, кувшины, флаконы, пелика. Эти сосуды сделаны в большинстве случаев из одинаковой ярко-оранжевой глины с блестками. Они, по-видимому, местной выработки. При погребениях IV—I вв. до н. э. были нередки находки монет (обнаружены во рту и около скелета), встречались бусы, кольца, браслеты, зеркало. При одном мужском погребении, хорошо датирующемся монетой второй половины IV в. до н. э., обнаружены железное долото, нож виноградаря и два точильных камня. В мужских погребениях, кроме обычных ножей, попадались иголки, в женских — пряслица. В состав инвентаря входила также заупокойная пища;

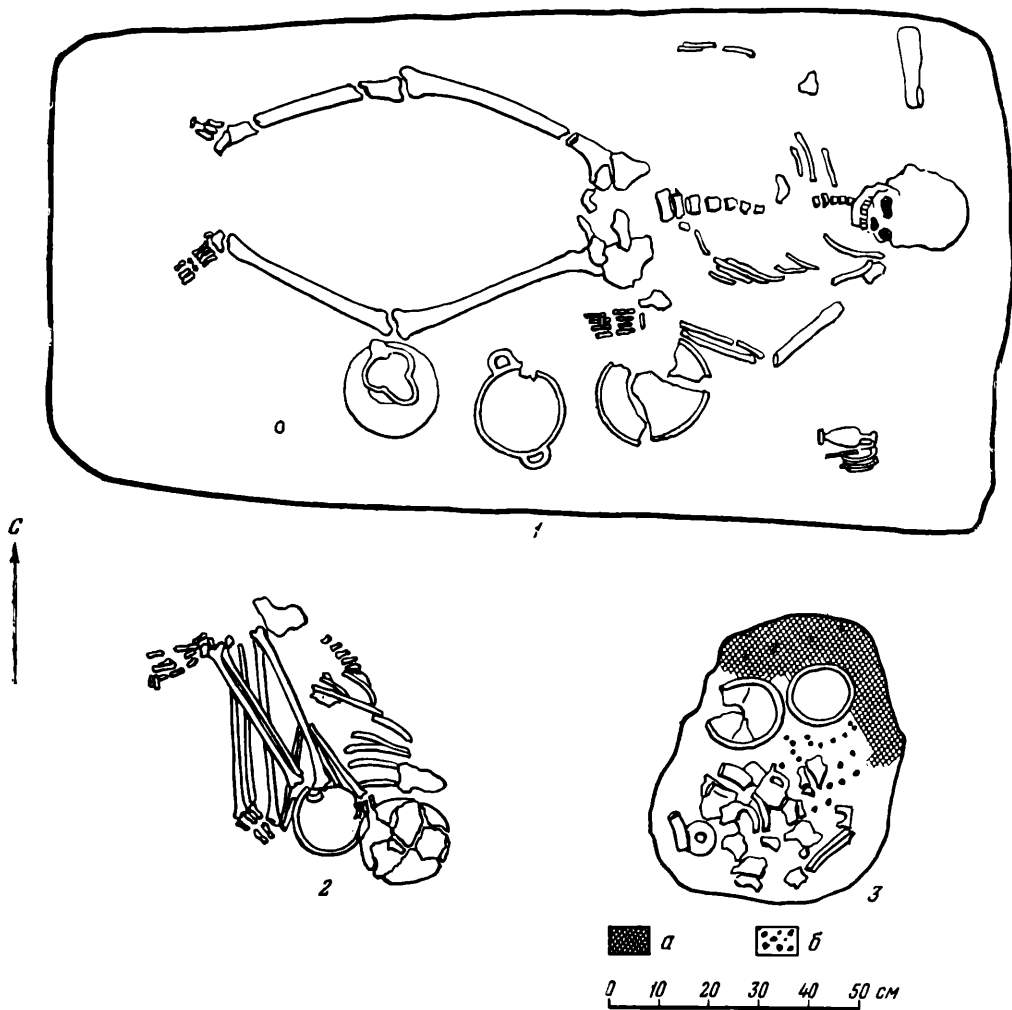

Рис. 15. Некрополь Гермонассы. Планы погребений и места тризны.

1 — погребение № 11/4; 2 — погребение № 33/16; 3 — место тризны III—II вв. до н. э. (а — обожженная земля; б — угольки).

например, в погребении № 12/5 найдена тарелка с остатками скорлупы куриного яйца. Для погребений первой группы характерны ориентировка костяка головой на восток (с отклонениями на север и юг) и вытянутое положение конечностей. Погребения обычно залегали на глубине от 1,3 до 2,35 м от поверхности.

Основным погребальным сооружением V—I вв. до н. э. были простые земляные ямы. Помимо них, в некрополе открыто несколько детских захоронений в амфорах (преимущественно синопских), что очень типично для греческих некрополей, начиная с раннего времени. Погребения в амфорах часты в некрополях Средиземноморья и греческих городов Северного Причерноморья — Ольвии, Пантикапея и Фанагории. В Фанагории этот обряд погребения прослеживается вплоть до III в. н. э.

Оставляя в стороне дальнейшую характеристику захоронений, в которых наблюдаются черты греческого погребального обряда и которые состав-

Рис. 16. Некрополь Гермонассы. Керамика.

1—4, 7 — из погребения № 11/4; 5, 6, 8—10 — с места тризны.

ляют большинство в некрополе, остановимся на отдельных могилах и обрядах, на наш взгляд, особо интересных. В могилах V—II вв. до н. э. встречено 5 скорченных погребений⁷. Наиболее раннее из них — погребение № 11/4 первой половины V в. до н. э. (рис. 15—1) — вскрыто в 1956 г. Кости ног мужского скелета были раскинуты в коленях⁸; К. Ф. Смирнов рассматривает этот тип как переходный от погребения в скорченном виде

⁷ Четыре — в 1956—1957 гг. и одно — в 1953 г.

⁸ С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 163.

к вытянутому положению костяка⁹. По-видимому, захоронение было совершено в сырцовой могиле, так как в восточной и западной ее частях прослеживались пятна зеленовато-желтоватого грунта, которые, вероятнее всего, можно считать остатками сырцовых кирпичей. Сырцовые могилы уже известны для Гермонасского некрополя по раскопкам В. В. Шкорпила в 1912 г.¹⁰ Могилы, вероятно, были перекрыты; косвенным свидетельством этого служит положение костей ног — первоначально колени были приподняты вверх.

При погребенном найдены глиняная ойнохоя и миска с линейным орнаментом (рис. 16—4), чернолаковый килик начала V в. до н. э. (рис. 16—7), железный нож с костяной ручкой, одноручная чашечка (рис. 16—1), чернолаковая деформированная солонка (рис. 16—2), в которой лежала бронзовая иглолка, чернолаковый лекиф начала V в. (рис. 16—3), обломок железного пинцета, бронзовое кольцо. Около черепа справа обнаружен железный топорик длиной 17 см с остатками дерева от рукоятки во втулке. Топорик, вероятно, был боевым оружием. Такие предметы вооружения совсем не известны в некрополях греческих городов Северного Причерноморья, но встречаются в курганах Тамани (например, бронзовый клевец конца VII в. до н. э. из Цукурского кургана)¹¹, Прикубанья (железный, обложенный золотом топорик из Келермесского кургана VI в. до н. э.)¹² и в таких скифских курганах VI и V вв. до н. э., как Старшая Могила¹³ и курганы около с. Аксютинцы¹⁴. Нам представляется, что могила № 11/4 не может считаться погребением грека. Боевой топорик, не встречающийся среди инвентаря греческих могил, но засвидетельствованный в погребениях аборигенов Северного Причерноморья; сырцовая могила, на наш взгляд, характерна для синдского погребального обряда¹⁵; антропологические данные (негреческие черты, установленные при изучении хорошо сохранившегося черепа) — все это заставляет склониться к мнению, что погребение относится к группе могил местного населения.

К этому же типу переходных скорченных погребений следует присоединить еще одно, открытое в 1953 г. в западной части некрополя. Женский скелет был ориентирован головой на восток, кости ног тоже раскинуты в коленях. Инвентарь, состоящий из ойнохои с линейным орнаментом, одноручной чашки и глубокой миски, позволяет датировать могилу тем же временем, что и погребение № 11/4, или несколько более ранним.

Третье скорченное погребение № 33/16, раскопанное в 1957 г., относится к более позднему времени. Погребенный (рис. 15—2) лежал на левом боку, головой на юго-восток, в сильно скорченном положении. Между черепом и коленями стояла простая красноглиняная миска, которую на основании многочисленных аналогий среди посуды Ольвии, Фанагории, Пантикапея можно отнести к IV—III вв. до н. э.

В 1957 г. было раскопано детское погребение № 28/11, которое тоже можно считать скорченным. Скелет ребенка лежал на спине, головой на юго-запад; ноги были согнуты в коленях и подведены на живот. Руки или обхватывали колени, или же лежали под ними. Захоронение совершено

⁹ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 5.

¹⁰ ИАК, вып. 60, 1916, стр. 33, могила № 65/2.

¹¹ Е. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 53 и сл.

¹² М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пгр., 1918, стр. 45, табл. V.

¹³ В. А. Ильинская. Курганы Старшая Могила — памятник архаической Скифии. (На украинском языке). «Археология», IV, Київ, 1951, табл. 1, 6, 7.

¹⁴ Коллекция ГИМ.

¹⁵ Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. Памятники культуры. Труды ГИМ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 12.

не позднее III в. до н. э., поскольку почти над ним находилось детское погребение в синопской амфоре. Наконец, надо упомянуть разрушенное ямой погребение № 17/10, открытое в 1956 г. По положению костей ног можно предполагать, что оно было скорченным. Вещей при нем не обнаружено, и поэтому определить дату невозможно. Скорченное погребение в некрополе Гермонассы открыто в 1938 г. Боспорской экспедицией, но и оно, к сожалению, было без инвентаря¹⁶.

Таким образом, в Гермонасском грунтовом некрополе известно уже 6 скорченных погребений, а этот обряд вряд ли можно связывать с греческими обычаями, что неоднократно высказывалось исследователями¹⁷. Вероятнее всего, его можно отнести к негреческому населению Гермонассы, которое проникало в город и оседало в нем, начиная с раннего времени и особенно в IV—III вв. до н. э. Приток аборигенов Таманского полуострова и Прикубанья в греческие города азиатского Боспора прослеживается хорошо и на таких археологических материалах, как керамика¹⁸. Интересны в этом отношении и надписи на надгробиях, найденные в Тамани. Одно из надгробий IV в. до н. э. содержит имя *Ζηθου*¹⁹, которое заманчиво связать с названием племени Фатеев.

Гермонасса — не единственный город на Таманском полуострове, где отмечен приток нового населения, принесшего свои обычаи. Так, в Фанагории наблюдается это же явление. В некрополе этого города засвидетельствован аналогичный обряд погребения со II в. до н. э.²⁰ По-видимому, скорченные захоронения Гермонасского и Фанагорийского некрополей следует связывать с меотским обрядом погребения Прикубанья. Н. В. Анфилов указывает, что в могильниках раннемеотского периода Прикубанья, т. е. с конца VII в. по начало IV в. до н. э., скорченные погребения составляют относительно большой процент²¹. Аналогичное явление констатирует и К. Ф. Смирнов²². Для этих захоронений Прикубанья характерны южная ориентировка костяка и сосуды перед лицом, т. е. то же, что наблюдается и в некоторых отмеченных выше могилах Гермонасского некрополя. Дальнейшее накопление материала позволит ответить более определенно на вопрос об их этнической принадлежности.

Нельзя не остановиться на обряде тризны над могилами умерших, который получил распространение у населения Гермонассы в эллинистическое время, т. е. в III—II вв. до н. э. Огромные тризны с кострищами и большим количеством битой чернолаковой керамики нам хорошо известны по раскопкам курганов Тамани и Керченского полуострова²³. Там тризны сопровождали богатые погребения. В грунтовых некрополях этот

¹⁶ Архив ЛОИИМК, д. № 151, погребение № 15. В. Ф. Гайдукевич относит его к VI—V вв. до н. э.

¹⁷ С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, стр. 161 и сл.; е е же. Погребения скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 205 и сл.; М. М. Кобылина. Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, № 19, 1951, стр. 49; В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940 г. № 3—4, стр. 240.

¹⁸ И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951, стр. 96.

¹⁹ ИАК, вып. 40, 1911, стр. 107, № 20.

²⁰ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 111; В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 290; А. А. Иесен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 70.

²¹ Н. В. Анфилов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954, стр. 4.

²² К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото сарматской культуры Среднего Прикубанья, стр. 5; е го же. Меотский могильник у станции Пашковской. МИА. № 64, 1958, стр. 294.

²³ Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах. СА, XIV, 1950, стр. 124 и сл.

обряд встречается реже. Он засвидетельствован, например, в Фанагории. При раскопках Гермонасского некрополя мы впервые столкнулись с обрядом тризны в 1956 г. и затем в 1957 г.

Наиболее интересна тризна (рис. 15—3) при погребениях № 12/5 и 14/7. Для ее совершения была выкопана ямка глубиной 0,2 м, диаметром 0,4 м; на дне был зажжен огонь. В ямку брошена принесенная в простых красноглиняных сосудах пища и, по-видимому, возливалось вино. После совершения обряда ямка засыпана песком. При раскопках из нее извлечено большое количество черепков, которые принадлежали 15—20 сосудам. Собрано 7 целых сосудов: миски (рис. 16—6,9), тарелочки (рис. 16—5), кастрюльки (рис. 16—10) и 2 чернолаковых канфара (рис. 16—8), которые хорошо определяют время тризны III—II вв. до н. э. Среди обломков были и фрагменты синопских амфор, но родосских не встречено. Поэтому отодвигать дату далеко во II в. не следует. Это единственная тризна, о которой можно сказать, что жертвоприношения совершались огнем. При погребении № 33/16 обнаружена груда битой посуды. Черепки, лежавшие группами, были зафиксированы в нескольких местах; но в одном случае при фрагментах керамики (площадь 21) найдены кальцинированные кости.

Фрагменты керамики, найденные на местах тризн, сильно измельчены, края их окатаны и все они покрыты плотным известковым налетом. Все это создает впечатление, что глиняная посуда билась преднамеренно и что по этим черепкам не раз проходили, благодаря чему они мелко раздавлены. Среди посуды тризн — амфоры (преимущественно из Синоп и Гераклеи), кувшины, канфары, кастрюли, миски и тарелки различных размеров.

В заключение остановимся на описании могил второй группы Гермонасского некрополя. Для этой группы характерна западная (с отклонениями) и южная ориентировка; инвентарь очень скромный (встречены преимущественно бусы). У некоторых костяков (с западной и южной ориентировкой) наблюдалось перекрещивание костей ног в щиколотках и положение рук на животе и груди или одной руки на лобковых костях. Погребения с перекрещенными ногами неоднократно отмечены и в других могильниках азиатского и европейского Боспора²⁴. В этих погребениях Гермонасского некрополя не было инвентаря, но мы их относим к последнему веку до нашей эры — первому веку нашей эры по аналогии с меотосарматскими захоронениями, открытыми в грунтовых и курганных могильниках Прикубанья²⁵. Здесь тоже преимущественно западная ориентировка, у костяков перекрещенные ноги и руки на лобковых костях.

Раскопками 1956—1957 гг. все больше выясняется его топография V—II вв. до н. э., устанавливаются некоторые черты погребального обряда III—II вв. до н. э. — погребения в амфорах и тризны. Антропологические исследования черепов из могил V—II вв. до н. э. дают основание для суждения об этническом составе населения Гермонассы этого времени, и в связи с этим может быть поставлен вопрос об особенностях погребального обряда негреческих обитателей города. Особенно интересны скорченные погребения, а также погребения III—II вв. до н. э., так как они были известны гораздо хуже, чем захоронения VI—IV в. до н. э. Инвентарь из могил V—II вв. до н. э. дает представление об экономических связях Гермонассы, а также местных ремеслах, поскольку пополнилось число сосудов, которые можно отнести к группе продукции, изготовленной, по-видимому, в керамических мастерских Гермонассы.

²⁴ И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 111, 118; И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1956, стр. 7.

²⁵ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 6, 9; К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Вопросы скифо-сарматской археологии по материалам конференции ИИМК АН СССР». М., 1952, стр. 206.

И. Б. ЗЕЕСТ

АРХАИЧЕСКИЕ СЛОИ ГЕРМОНАССЫ

В 1957 г. были продолжены раскопки одного из восточных участков городища¹, где исследованы слои VI и V вв. до н. э. (до материка). Как и на юго-восточном участке (раскопы III и IX 1952 г.)², общая мощность культурных напластований здесь достигала 9,5 м, а слои античной Гермонассы — 7,5 м.

Следы городской жизни наиболее раннего периода относятся к первой половине VI в. до н. э. На самом нижнем уровне культурного слоя обнаружены 2 хозяйственные ямы, впущенные в материк на глубину 0,9—0,95 м (ямы № 111 и 112а). Обе они круглые в плане, почти цилиндрической формы. Диаметр дна ямы № 112а — 1,7 м, наибольший диаметр ямы 111—1 м. Среди зольного заполнения в них найдено несколько обломков архаической керамики, в том числе расписных ваз второй четверти VI в. до н. э. — сосудов с белой облицовкой типа Камироса, с изображением эгагров, и родосских киликов, украшенных «гвоздеобразным» орнаментом, розетками из точек и пурпурными поясками.

Ямы первой половины VI в. до н. э. были перекрыты слоем (до 1 м толщиной), насыщенным мусорными остатками. Этот слой образовался в течение второй половины VI в. до н. э. К нему относятся остатки жилой постройки (№ 104) с печами, 3 хозяйственные ямы (№ 109, 110 и 112), похожие по форме и размерам на более ранние, и большая зерновая (№ 107).

Постройка с печами раскопана частично. К ней относится каменная кладка цокольной части сырцово-глиняной стены. Ширина кладки — 0,4 м, высота в среднем — около 0,3 м, длина обнаруженной части — 7 м. С западной стороны к стене примыкал участок черепяной вымостки. Уровень ее и основания каменной цоколя находится на глубине 7,75 м от современной поверхности городища. С восточной стороны стены, почти вплотную к ней, расположены 2 печи на расстоянии 0,15 м одна от другой. Они имеют форму реберчатых гончарных куполов (высота — 0,42 м, диаметр — 0,5 м) с отверстием наверху (ширина отверстия — 0,26 м) и другим небольшим отверстием сбоку, внизу (рис. 17). Нижний край гончарного купола и под печи углублены на 10—15 см ниже уровня земляного пола и обмазаны глиной, которая под действием огня приняла ярко-оранжевую окраску (рис. 18—1). Заглубленные основания обеих печей сохранились хорошо,

¹ И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 74, 1959.

² И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 58, 1955.

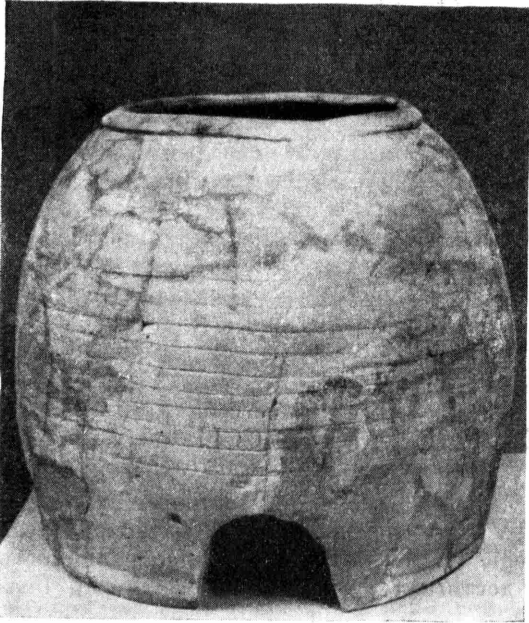

Рис. 17. Архаический слой Гермонассы. Печь VI в. до н. э.

тая на глубине 8,8 м к северо-востоку от постройки, по форме напоминала колодец с прямыми отвесными стенками и прямоугольным в плане дном (1 × 0,83 м). Круглая горловина ее была диаметром в 1 м (до глубины 0,5 м). Эта часть зернохранилища вырыта в плотном мусорном грунте, а нижняя часть с прямыми отвесными стенками на 2,5 м врезана в материк (рис. 18—2). Таким образом, вся глубина равна 3 м. Для спуска и подъема на двух противоположных стенках ямы сделаны углубления, служившие ступеньками. Яма была доверху заполнена зерном (преимущественно пшеницей и ячменем). Полная сохранность зерна в зернохранилище — исключительный случай среди аналогичных памятников античной эпохи, открытых в Северном Причерноморье, и может быть объяснена быстрым нарастанием культурного слоя, перекрывшего яму и создавшего естественные условия герметичности хранения.

При расчистке ямы найдены край чаши с зигзагообразным орнаментом поверх белой облицовки и край тонкостенного чернолакового килика; непосредственно над горловиной, в мусорном грунте встречены обломки клазоменских ваз конца VI в. до н. э.

Мусорный слой второй половины VI в. до н. э., на уровне которого были вырыты хозяйственные ямы (причем верхний горизонт его перекрыл горловины), состоял из многочисленных прослоек утрамбованной поверхности двора или площадки.

Раскопки этого участка дали большое количество находок, среди которых выделяются обломки амфор второй половины VI в. до н. э. с несколько расширенным сверху и слегка раздутым горлом, с небольшим округленным венчиком, окрашенным тусклой красной краской. Такой же краской нанесены полосы, украшающие ручки и корпус сосудов. На горле, под венцом обычно заметен знак — ⊙. Целая амфора такого типа найдена в Ольвии,

но остатки купола, дающие представление о его полной форме, найдены только в одной печи³.

Печи были устроены на месте двух таких же, более ранних, от которых сохранились обмазанные глиной поды одинакового диаметра (0,5 м) и прослойки зольных выкидов. Очевидно, гончарные купола печей нижнего горизонта были вторично использованы после перестройки.

На земляном полу помещения найдены обломки хиосских пухлогорлых амфор и чернолаковых киликов на высокой ножке, относящихся к концу VI в.— началу V в. до н. э. При расчистке печей обнаружены край открытого светильника и пирамидальное, со сквозным отверстием, ткацкое грузило из слабо обожженной глины.

Зерновая яма № 107, вскры-

³ В реставрированном виде этот гончарный купол находится в экспозиции ГИМ.

Рис. 18. Гермонасса. Расчистка печи VI в. до н. э. (1) и зерновая яма № 107, VI в. до н. э. (2).

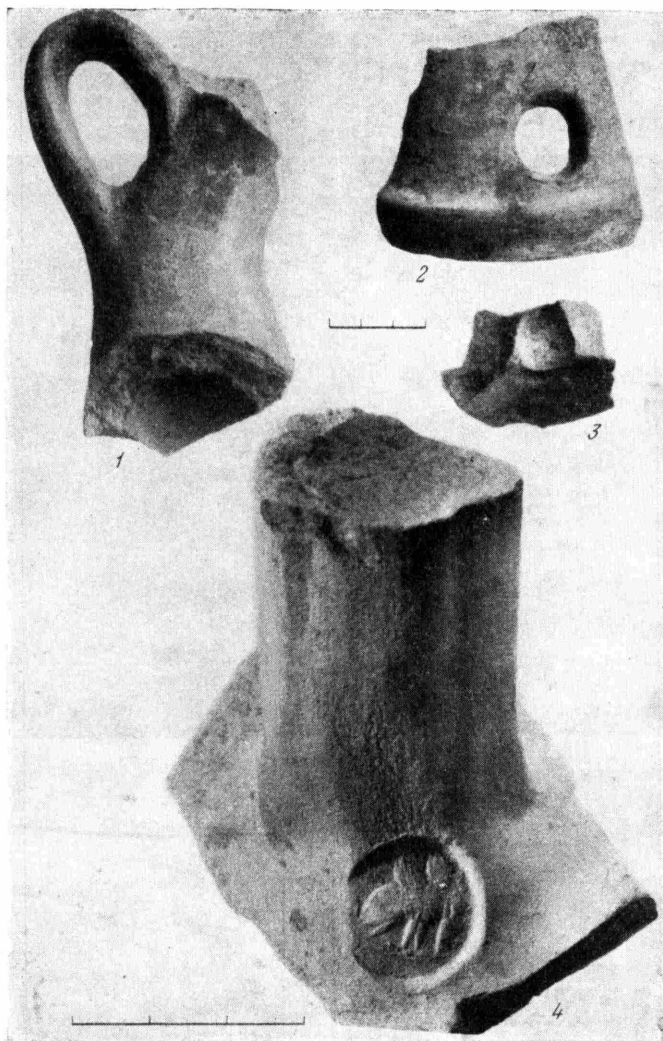

Рис. 19. Гермонасса. Находки в слое VI—V вв. до н. э.
 1—3 — обломки «конусовидных предметов»; 4 — клеймо на ручке хиосской амфоры V в. до н. э.

в погребении последней трети VI в. до н. э.⁴ Обнаружено большое количество обломков чашек и мисок различных типов. Многие из них покрыты белой обмазкой и украшены темными или красными поясками. Часть этой посуды изготовлялась на месте или была привезена из ближайших боспорских городов. Таковы большие чашки с отогнутыми краями, покрытые снаружи белой краской и украшенные внутри тонкими темными полосками; маленькие одноручные чашки или такие же маленькие чашки без ручек, украшенные поясками. Многочисленны остатки чернолаковой аттической посуды, преимущественно киликов на высокой ножке, а также мелкофигурных киликов. Обилие обломков киликов и чашек особенно бросается в глаза, в то время как остатков столовой посуды других типов (солонок, кув-

⁴ Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 95, 96, рис. 5 ба и бб.

шинчиков и пр.) сравнительно немного. Светильники — все открытые. Найдено также значительное количество фрагментов лутериев, в том числе из очень светлой, почти белой глины. Остатков лепной, лощеной и сероглиняной посуды встречено мало; черепицы в этом слое нет. Среди многочисленных кухонных отбросов — большое количество костей животных и раковин мидий.

Особо следует отметить находки 15 обломков «конусовидных предметов» (рис. 19—1—3). Форма их может быть полностью реконструирована на основании собранных фрагментов и известных целых предметов этого типа, найденных в Нимфее⁵. Высота «конусовидного предмета» — 20—25 см. Он представляет собой вытянутый цилиндр диаметром 4—5 см, расширяющийся книзу. Нижняя часть открыта и оформлена в виде подставки диаметром 12—15 см. Верхняя часть цилиндра оканчивается небольшим венцом в форме полувалика с отверстием посередине. У некоторых экземпляров верхнее и нижнее отверстия сообщаются узким каналом; у других — верхнее и нижнее отверстия не сообщаются и средняя часть цилиндра сплошная. На нижней расширенной части иногда есть боковое круглое отверстие. Верхняя половина цилиндра всегда наклонена в сторону, а с выгнутой стороны укреплена петлеобразная ручка, поставленная вертикально по отношению к нижней плоскости подставки (рис. 20). «Конусовидные предметы» сделаны из красной местной глины.

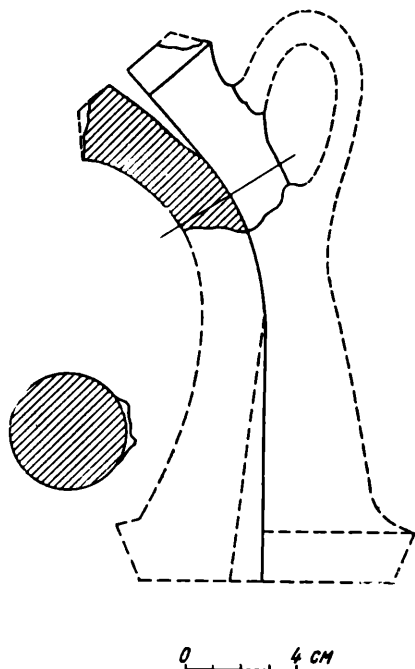

Рис. 20. «Конусовидный предмет» (реконструкция).

Вероятно, они изготовлялись повсеместно, судя по находкам обломков аналогичных предметов в Пантикапее, Истрии и Нимфее, причем они сделаны тоже из местных глин и, по-видимому, имели какое-то хозяйственное или производственное назначение.

Строительные остатки V в. до н. э. на исследованном участке города сохранились очень плохо; здание, от которого уцелела лишь часть стены (длиной 2,8 м, шириной 1 м, высотой 0,6 м), было разрушено при возведении постройки III в. до н. э. Но само расположение кладки на месте открытого двора или площадки, где ранее размещались хозяйственные ямы, свидетельствует об изменении планировки этого участка города.

Находок в слое V в. до н. э. оказалось много, так как на большей части раскопанной площади грунт был насыщен мусорными остатками. Преобладали обломки амфор, среди которых встречены хиосские, фасосские (неклеяемые), амфоры с пустотелыми коническими доньями, сероглиняные лесбосские и некоторые более ранние типы. Особого упоминания заслуживает находка клейменной ручки хиосской амфоры; на клейме — изображение сфинкса, сидящего перед пухлогорлой амфорой (рис. 19—4). Такие клейма известны по публикациям материалов раскопок на афинской агоре⁶,

⁵ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 256, рис. 17.

⁶ V. Grase. Stamped Amphora Handles found in 1931—1932. «Hesperia», III, 1934, рис. 1.

а в Северном Причерноморье встречались лишь более поздние хиосские клейма, на которых изображен сфинкс, сидящий перед амфорой с прямым, высоким горлом⁷; тип их засвидетельствован монетными изображениями IV в. до н. э. Обломков аттической чернолаковой и расписной посуды встречено больше, чем в слое VI в. до н. э. Обращает на себя внимание высокое качество изделий, привозившихся в Гермонассу, — больших краснофигурных кратеров, гидрий, чернолаковых киликов, солонок и другой столовой посуды разнообразных форм. Как и в более раннем слое, здесь найдено большое количество костей животных. Черепица почти отсутствует, за исключением нескольких небольших обломков плоской черепицы, по качеству глины напоминающей гераклеюскую.

В IV в. до н. э. в этом квартале города была произведена новая планировка. На месте здания V в. прошла улица шириной около 5 м; вдоль западной и восточной сторон ее расположились жилые постройки. Эта улица, направленная в сторону берега моря, продолжала существовать на протяжении всего античного и раннесредневекового периодов жизни города. Постройки, как и в архаический период, сооружали из самана на каменном цоколе. Недолговечность их и замусоренность улиц способствовали быстрому отложению культурных напластований. Слои IV—II вв. до н. э. содержали три последовательных горизонта остатков жилых построек и многочисленных мусорных утрамбованных прослоек, образовавшихся на поверхности улицы. Во II в. до н. э. при одном из домов была вырыта колодеобразная (или шахтообразная) яма, круглая в плане, с отвесными стенками, имеющая в диаметре около 1 м. Она прослежена в глубину до 5 м, но верхняя ее часть была разрушена современным погребом. Среди мусорных остатков в засыпке ямы найдены обломки «мегарских» чаш, большого лагиноса, боспорских кастрюль, синопского лутерия и тонкостенной посуды. Наибольшее количество находок в слоях эллинистического времени обнаружено в районе улицы. В слое IV в. до н. э. было много чернолаковой посуды и остатков амфор; черепица почти отсутствовала. В слоях III и II вв. до н. э. появилось много черепицы и обломков пифосов амфор. Сравнительно с большими городами Боспора в III—II вв. до н. э. здесь мало терракот и тонкостенной художественной керамики. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие родосских амфор.

Монеты из раскопок на этом участке города были найдены преимущественно в районе улицы. Из 192 монет⁸ подавляющее большинство принадлежит пантикапейскому городскому чекану IV—I вв. до н. э. и значительно меньшее количество — боспорскому царскому чекану. Остальные типы монет представлены единичными экземплярами. Среди них — 3 монеты Фанагории, две — Тиры и римский денарий с головой Юлии Мамен.

Раскопки данного участка Таманского городища, доведенные в 1957 г. до материка, дали новые сведения о стратиграфии античных слоев. Установлено, что город был основан уже в первой половине VI в. до н. э., а в VI—V вв. до н. э. он достиг значительного расцвета, и его население широко пользовалось не только рядовой импортной продукцией, но и дорогими изделиями первоклассного качества.

Получены новые данные о торговле и местном гончарном производстве Гермонассы. Особо интересно открытие зернохранилища VI в. до н. э. и печей — очагов, впервые встреченных в Северном Причерноморье.

⁷ Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 215, табл. III, б.

⁸ Монеты определены Л. Н. Казамановой. Они происходят из слоев эллинистического времени и первых веков нашей эры.

В. М. СКУДНОВА

РАСКОПКИ НИМФЕЯ В 1958 ГОДУ

После года перерыва в 1958 г. Государственный Эрмитаж продолжал раскопки на городище Нимфея под руководством М. М. Худяка¹. В задачу работ этого года входило соединение основных раскопов В и С для полного исследования большого здания V в. до н. э., одно из помещений которого, площадью в 35 кв. м., было открыто в 1956 г. Раскопы В и С, заложенные в 1939 г. — в первый год раскопок Нимфея, постепенно расширялись и охватили большую площадь акрополя города. С ними связаны многие ценные открытия. На раскопе С в предшествующие годы исследована оборонительная стена Нимфея IV в. до н. э. протяженностью около 100 м. Фундамент ее непосредственно перекрывал остатки домов, здание с апсидой — святилище кабиров и святилище Афродиты, которые относятся к V в. и началу IV в. до н. э.² На раскопе В в 1954 г. открыты винодельня III в. н. э. и остатки домов классического времени. Стены помещения, раскопанного в 1956 г., уходили в южный и западный борты раскопа В, поэтому для их исследования раскоп был расширен³. Вскрыта площадь 200 кв. м на глубину 2—2,3 м (рис. 21).

Как и в предыдущие годы, в этой части городища выявлены культурные слои: классического времени — V—IV вв. до н. э., мощностью 1—1,3 м. и слой, относящийся к первым векам нашей эры, доходивший до 1 м. Культурный слой V в. до н. э. залегал в желтоглинистом грунте. Значительную часть среди керамики составляли обломки хиосских амфор с припухлым горлом. Как и обычно в классических слоях Нимфея, найдены обломки колхидских пифосов с гребенчатым орнаментом и рельефными ребрами на некоторых из них.

Основную массу привозной керамики составляла чернолаковая посуда распространенных форм: толстостенные килики на кольцеобразной подставке, чашечки и солонки первой половины V в. до н. э., а также килики с резным и штампованным орнаментом из пальметок и ов, относящиеся ко второй половине V в. до н. э.

Из немногочисленных краснофигурных сосудов следует упомянуть скифосы с изображением совы между листьями оливы, датируемые первой

¹ В экспедиции принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа А. А. Передольская, В. М. Скуднова и К. И. Зайцева.

² М. М. Худяк. Раскопки в Нимфее. СГЭ, VI, 1954, стр. 34; СГЭ, VIII, 1955, стр. 44.

³ Взятые были квадраты 51, 52, 66, 69, 71—74.

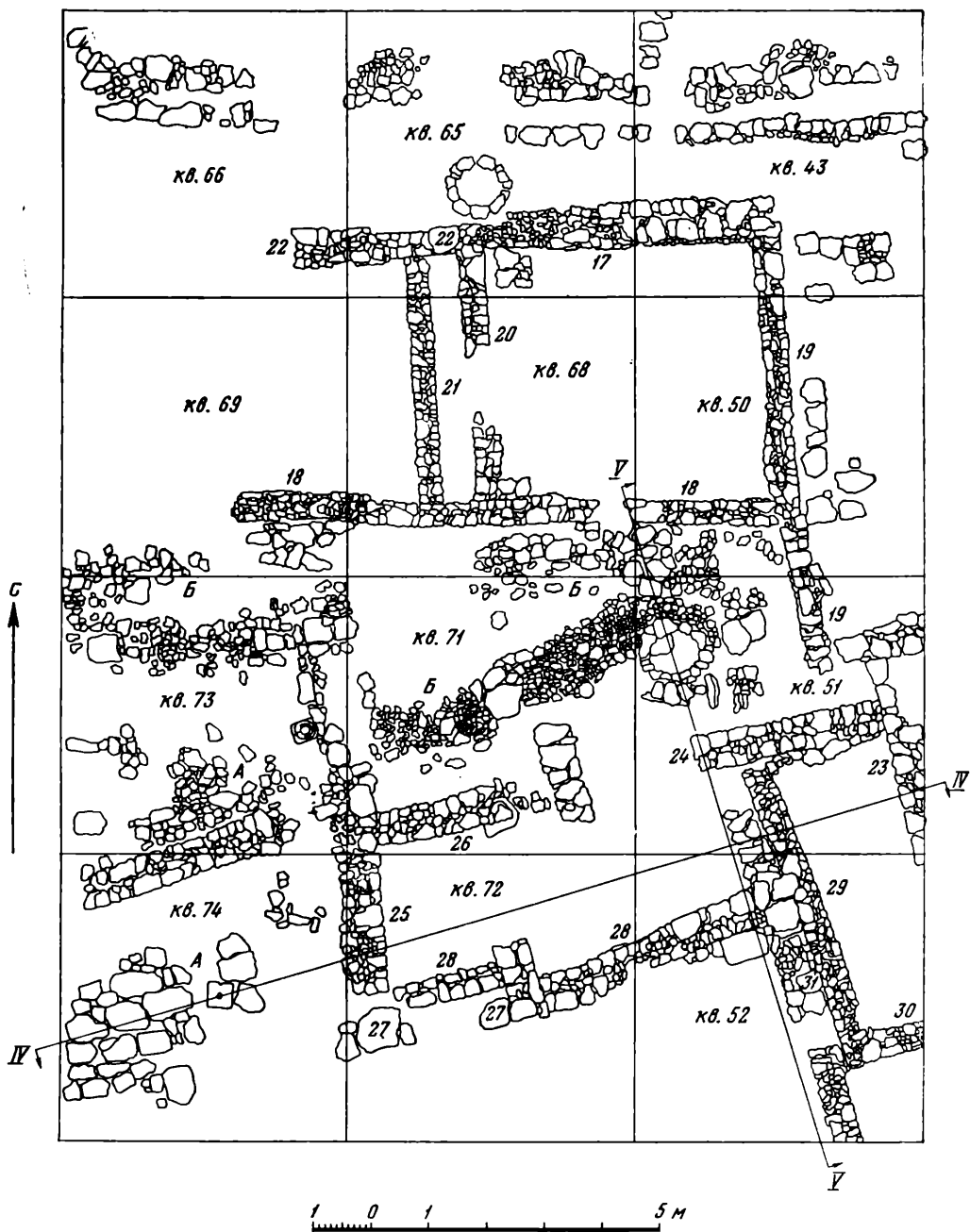

Рис. 21. Нимфей. План раскопа В.

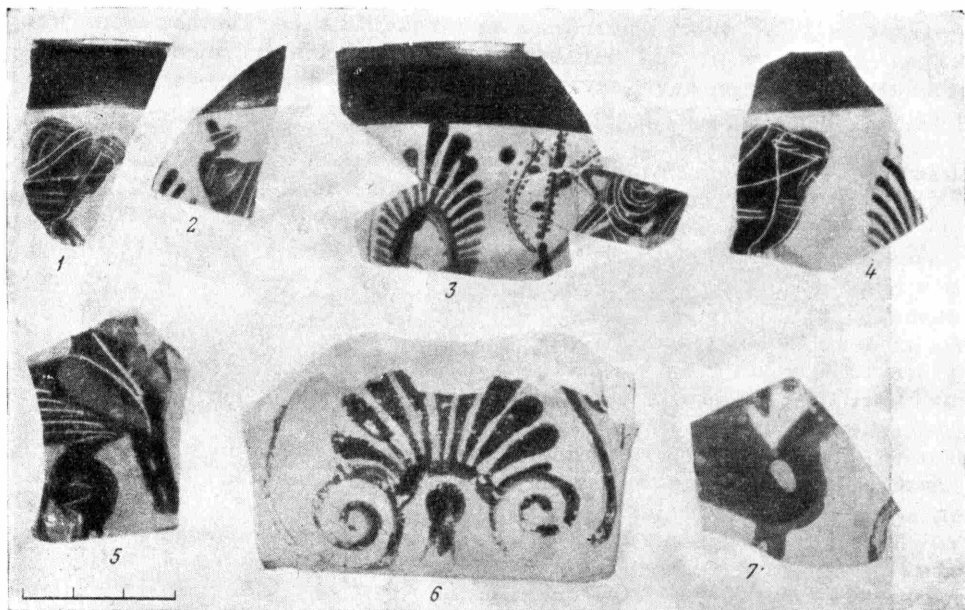

Рис. 22. Нимфей. Обломки чернофигурных сосудов (1—7).

половиной V в. до н. э. Среди чернофигурных обломков киликов беглого стиля интересны фрагменты с изображением квадриги и стоящей женской фигуры (рис. 22—2). Этим же приемом расписаны килики из Олинфа⁴, которые Дж. Бизли приписывает группе сосудов мастера Хаймона⁵.

В культурном слое классического времени открыто продолжение стен № 18, 19 и 22 (квадраты 51, 66 и 69), но на очень небольшую длину. Концы стен № 18 и 22 оказались разрушенными большой ямой первых веков нашей эры, занимавшей большую часть квадрата 69 и часть квадрата 66. Это лишает возможности выяснить размеры второго помещения здания V в. до н. э. Стена № 19 длиной 1,8 м, шириной 0,45 м, немного отклонялась от общего направления на восток. Кладка ее состоит из камней разной величины и не связана впереплет со стеной № 18.

В открытом здании было два помещения, причем западное (со стенами № 18, 20 и 22, связанными впереплет) выстроено раньше восточного и относится к началу V в. до н. э. Стены сложены из очень четких рядов мелких плоских плит известняка. Восточное помещение (со стенами № 17 и 19), возведенное уже в середине V в. до н. э., несколько раз переделывалось; тогда же была сооружена и стена № 21. Перестройка хорошо видна в углу, который образует стены № 18 и 19; только два нижних ряда этих стен связаны впереплет, верхние подходят впритык.

Вдоль стены № 18 с юга расчищена вымостка Б. Она была перекрыта слоем мелкой щебенки и сохранилась только отдельными частями. Вымостка состоит из больших плоских плит, чередующихся с мелкими камнями и щебенкой. Местами для выравнивания горизонта, на котором были уложены плиты, между камнями закладывались обломки лутериев, а также фрагменты мраморного и глиняного блюд с широким плоским краем. У порога в стене № 18 открыт второй уровень вымостки из плоских мелких плит, а на 10 см ниже расположена самая ранняя вымостка, состоящая из больших

⁴ D. Robinson. Excavations at Olynthus, V. London, 1933, табл. 51, 37; XIII, London, 1950, табл. 19, 16a.

⁵ J. Beazley. Attic Black-figure Vase Painters. Oxford, 1956, т. стр. 570, N 681.

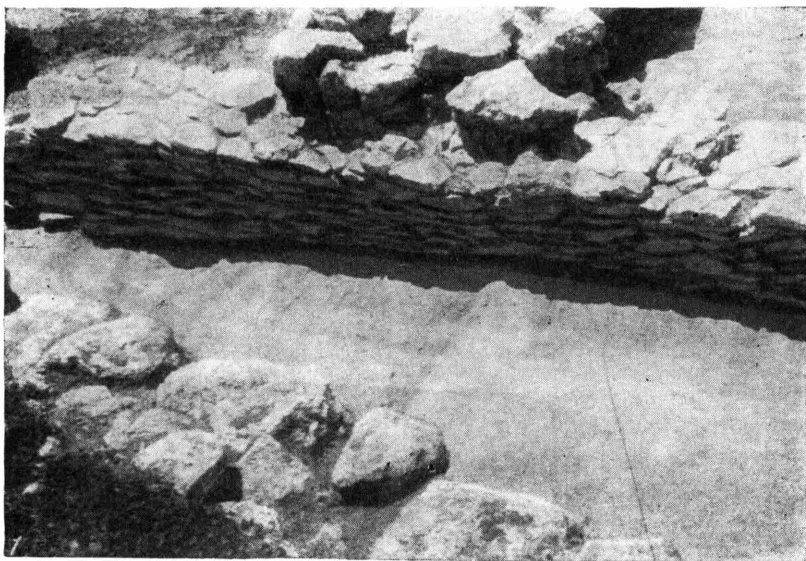

Рис. 23. Нимфей. Стена № 29, вид с востока (1), и стены № 29 и 30 (2);
на заднем плане — стена № 24.

плит известняка. Следовательно, вымостка существовала длительное время и трижды настилалась. Она уходит на востоке под стену № 19, на западе — в борт раскопа. Длина вымостки составляет 12,5 м; ее ширину можно считать только условно — около 4 м. Вымостка, судя по ее протяженности, вряд ли могла принадлежать мощеному двору дома; вероятнее, это часть улицы, проходившей с востока на запад.

На квадратах 51 и 52 открыта часть еще одного здания с двумя стенами, связанными впереплет. Длина стены № 29—5,45 м, стены № 30—1,35 м; ширина их одинаковая—0,5 м. Видимо, это цоколи сырцовых стен (рис. 23). У северного конца стены № 29, на глубине 0,45 м от верхнего ряда камней, сохранилась часть глинобитного пола, тоже уходящего в восточный борт. Кладка стен № 29 и 30 состоит из прекрасно выложенных рядами мелких плоских плит желтого известняка. По технике кладки они близки архаическим стенам Нимфея⁶ и зданию VI в. до н. э. в Тиритаке⁷.

С юга к стене № 30 подходит кладка — продолжение стены № 31, открытой в 1949 г. на раскопе С. Она тянется в том же направлении, что и стена № 29, и подходит к ней с запада, почти касаясь ее. Здание со стенами № 29 и 30 сооружено в конце VI в. до н. э. и продолжало существовать в первой половине V в. до н. э. При его расширении и перестройке для нового помещения в V в. до н. э. была возведена стена № 31.

При выявлении подошвы стены № 29 найдены обломки хиосских амфор с припухлым горлом и амфор, украшенных широкими поясами коричневого цвета, фрагменты клазоменских сосудов с чешуйками, хиосских кубков и кувшинчиков, коринфских скифосов, родосских тарелочек с узором простейшего меандра. Должна быть особо отмечена головка терракотовой статуэтки юноши в остроконечной шапке, очевидно, от фигуры обнаженного юноши, сидящего с поджатыми ногами. Подобные терракоты, найденные на Березани и в некрополе Родоса⁸, являются, вероятно, изображением кабира. Встреченная нами головка может быть связана с нимфейским святилищем кабиров, которое расположено на юг от стены № 29.

Интересна серебряная пантикапейская монета конца VI в. до н. э., обнаруженная в углу между стенами № 18 и 21. На лицевой стороне монеты изображена львиная голова в фас (рис. 24), на оборотной — вдавленный квадрат с точками в каждом малом квадрате⁹. Вес монеты — 2,54 г. Серебряные пантикапейские монеты редко встречаются в архаических и классических слоях городищ Боспора; в Нимфее же это третья находка ранних серебряных монет, причем надо отметить ее прекрасную сохранность.

В верхнем горизонте классического слоя встречен материал IV в. до н. э. На обломках амфор попадались клейма Фасоса, Гераклеи, Синопы и другие из неизвестных центров. Из привозной керамики, кроме чернолаковых киликов, чашек, «рыбных блюд», найдены также обломки краснофигурных киликов и кратеров.

Все бронзовые монеты из этого слоя — пантикапейского чекана: 1) А — голова молодого сатира; Б — голова барана, под ней — надпись ПΑΝΤΙ¹⁰; 2) А — голова сатира; Б — протома грифона, под ним — осетр¹¹; 3) А — голова молодого сатира; Б — протома Пегаса¹².

⁶ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 236, рис. 2.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 76, рис. 89 и 90.

⁸ Clara Rhodos, VIII, Rhodi, 1936, стр. 188, рис. 179 и стр. 193, рис. 185.

⁹ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884, табл. XIX, 5; Зограф, АМ, табл. XXXIX, 12.

¹⁰ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 27; Зограф, АМ, табл. XL, 4, f.

¹¹ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 39; Зограф, АМ, табл. XL, 18.

¹² Зограф, АМ, табл. XL, 19.

Рис. 24. Нимфей. Серебряная пантикапейская монета конца VI в. до н. э.

В культурном слое IV в. до н. э. открыты части стен № 28 и 31, которые относятся к какому-то большому зданию. На месте мощеной улицы в IV в. до н. э. находился двор с небольшой цистерной (квадрат 51) круглой формы, диаметром 73×83 см, глубиной 1,12 м. Она сложена из 10 рядов камней разной величины, пригнанных неплотно; дно — утрамбованный грунт. Вокруг цистерны земля имела зеленоватый оттенок, так как вода постоянно просачивалась через ее стенки. С юга к устью цистерны примыкают плоские плиты — остатки вымостки. Это уровень строительства и действия цистерны, который соответствует остаткам строения IV в. до н. э., сохранившимся в виде больших камней на стенах № 17 и 19.

Подобная по устройству цистерна обнаружена в 1956 г. на квадрате 65 (см. рис. 21). Она служила для сбора воды из водостока, который шел с востока на запад и был перекрыт черепяной вымосткой. В настоящее время он вскрыт на протяжении около 17 м, причем западный участок (квадрат 66) его залегал на глубине 1,2 м.

Культурный слой классического времени был непосредственно перекрыт слоем первых веков нашей эры. В нем обнаружены остатки зданий двух строительных периодов. Помещение со стенами № 25, 26 и 27 и мощный двор А принадлежат первому строительному периоду и датируются I—II вв. н. э. Стена № 25 сохранилась на 6,25 м в длину, на 0,75 м в ширину; в южном конце ее высота достигает 1,35 м, северный конец разрушен. К ней впритык подходят стены № 26 и 27. Двор, расположенный на запад от стены № 25, сохранился не полностью. В юго-западной части он вымощен большими плитами, среди которых были заложены вышедшая из употребления четырехугольная зернотерка и ее нижняя доска. В северной части вымостка иная; здесь она состояла из мелких камней и местами плохо сохранилась. При ее расчистке выявилась гряда камней, похожая на кладку, при расчистке которой найдены обломки чернолаковой керамики IV в. до н. э. Видимо, вымостка А перекрыла разрушенный фундамент здания классического времени. У северного конца стены № 25 находится четырехугольная плита с круглым углублением (диаметр — 22 см), вероятно, служившая основанием столба от навеса над вымосткой. Западнее стены № 25 (квадрат 74) сохранились остатки очага ($1,5 \times 1,25$ м), в окружении которого встречены 6 пирамидальных грузил и одно полукруглое (с процарапанным знаком А), каменное ядро и монета Котиса I.

Материал, найденный при открытии данного комплекса, относится к I—II вв. н. э.: это обломки малоазийских краснолаковых тарелочек и чашек, блюдечко с широким краем, двуручный тонкостенный горшочек, незначительные обломки стеклянных сосудов. Интересен фрагмент верхней части статуэтки местной работы, который дает представление о культах позднего Боспора.

Открытые на квадрате 51 стены № 23 и 24 относятся к последнему строительному периоду жизни Нимфея и, вероятно, принадлежали постройкам, связанным с комплексом винодельни III в. н. э. (раскопки 1954 г.). Близ стены № 24 найдена бронзовая боспорская монета Иненфимея, по которой можно определить дату конца существования здания.

Кладки стен, относящихся к позднему периоду жизни Нимфея, характеризуются нечеткостью линий. Ширина стен не одинакова и колеблется от 0,6 до 0,7 см. Ряды выложены из камней разной величины, без строгого чередования больших и мелких.

Часть помещения с мощеным двором А принадлежала большой усадьбе, какие уже были открыты в Нимфее при исследовании поздних слоев жизни города.

Таким образом, раскопками 1958 г. достигнуто намеченное М. М. Худяком соединение двух основных раскопов — В и С на акрополе Нимфея. Раскопки показали, что в этой части города находились большие дома V—IV вв. до н. э. Вдоль одного из зданий в V в. до н. э. проходила мощеная улица. Другое здание, с четкими линиями цоколя, было ориентировано иначе, чем предыдущее; следовательно, в Нимфее в классическое время не было строгой планировки при постройке домов. В IV в. до н. э. стены первого здания были использованы как фундамент и на них возведены новые стены. К этому зданию подходит мощеный двор с цистерной, а с севера — черепяная улица, перекрывавшая водосток и повторявшая направление мощеной улицы V в. до н. э. К последнему периоду жизни Нимфея относятся остатки зданий, принадлежавших большим хозяйственным усадьбам.

Изучение стратиграфии культурных слоев на акрополе Нимфея еще раз подтвердило неоднократно высказанное М. М. Худяком положение о разрушении Нимфея в IV в. до н. э. при насильственном подчинении города правителям Боспора. Дальнейшие работы должны быть направлены на полное раскрытие этого квартала, относящегося ко времени расцвета независимого Нимфея.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

РАБОТЫ В КЕПАХ В 1958 ГОДУ

Археологическое исследование боспорского города Кепы, начатое в 1957 г.¹, было продолжено в 1958 г. Раскопки велись в 3 пунктах: на Западном, Центральном и Приколодезном раскопах.

Площадь Западного раскопа², вскрытая в 1957 и 1958 гг., равна 100 кв. м. Материковый песок лежал здесь на глубине от 2,24 до 4,55 м. Зафиксировано 8 культурных напластований. Верхние 7 слоев по своему характеру соответствуют слоям, отмеченным на этом раскопе в 1957 г. Нижний слой, новый для раскопа, в характеристике слоев обозначается первым.

С л о й 1 относится к IV—III вв. до н. э. Он обнаружен на небольшом пространстве (2 кв. м) в северо-западном углу квадрата VII; толщина его доходит до 0,5 м. Среди находок нет таких, которые можно было бы отнести ко времени позднее III в. до н. э. Преобладают фрагменты остродонных амфор IV в. и отчасти III в. до н. э. (с колпачковой и рюмкообразной ножками, синопские, гераклеийские); есть фрагменты боспорской красноглиняной черепицы и амфор VI—V вв. до н. э. (пухлогорлые хиосские и с бурыми полосами). Интересен фрагмент кувшина с черносмоленной внутренней поверхностью.

С л о й 2 датируется фрагментами амфор и чернолаковых сосудов эллинистического времени (III—II вв. до н. э.). Особо следует отметить найденную в этом слое свинцовую гирьку-разновес (16×16×1,2 мм) весом 8,7 г (рис. 25—5).

С л о й 3 датируется I в. до н. э.—I в. н. э. Здесь обнаружены развал печи (№ 25) и вымостка (№ 32). Верхние части печи полностью разрушены; северная половина срезана более поздним перекопом (рис. 26). Сохранились южная половина пода и нижняя часть южной стенки высотой до 0,5 м (в деформированном виде). Судя по остаткам, печь в плане приближалась к кругу: длина ее внутреннего пространства с востока на запад — 1,9 м, ширина сохранившейся части — 0,7 м. Стенки изнутри были выложены сырцовыми кирпичами в один-два ряда по толщине, лежавшими то плашмя, то на ребре.

Большой завал кирпичей равномерно раскинулся к западу по вымостке (№ 32). Во время действия печи сырцовые кирпичи (0,3×0,3×0,07—

¹ О работе первого года см. Н. И. Соколовский. Раскопки в Кехах. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 53—63.

² Раскоп начат в 1957 г.; во время работ 1958 г. к нему прирезаны 2 квадрата — VI и VII, размером 5×5 м каждый.

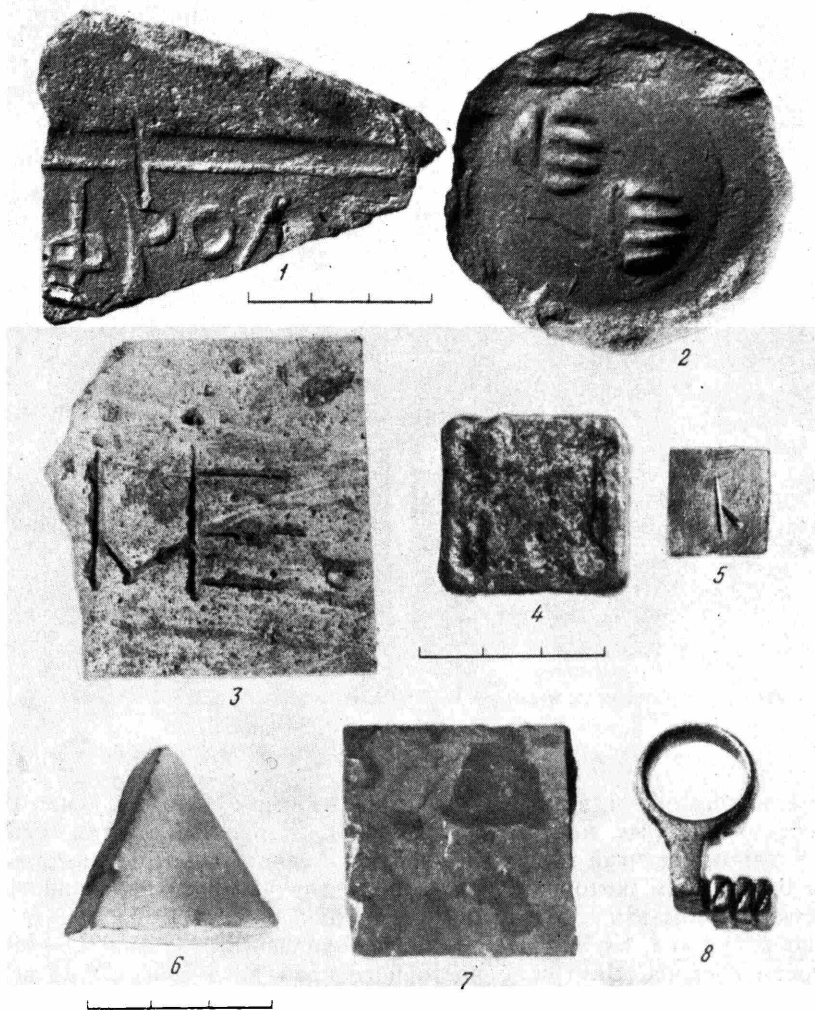

Рис. 25. Кепы. Находки из Западного и Центрального раскопов.

1 — фрагмент черепицы с клеймом; 2 — донце простого сосуда с клеймом; 3 — монограмма на фрагменте пифоса; 4 — свинцовая гирька; 5 — свинцовая гирька-разновес; 6 — беломраморная треугольная облицовочная плитка; 7 — квадратная облицовочная плитка пестрого мрамора; 8 — бронзовый ключик.

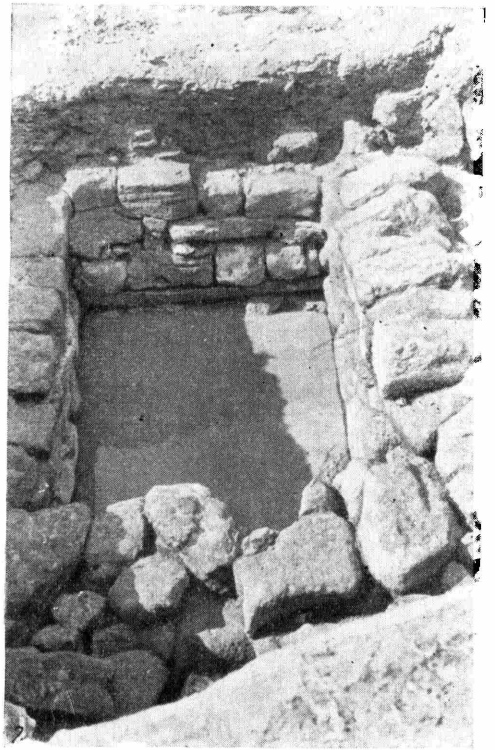

Рис. 26. Кепы. Остатки печи и вымостка I в. н. э. на Западном раскопе (1) и колодезь позднеантичного времени (2).

0,08 м) обжигались и, в зависимости от близости к огню, получили различную окраску (бурые, красные, оранжевые). Наружный массив стены был глинобитным, достигая толщины 0,5 м. Для печи был вырыт котлован глубиной 0,3—0,35 м, который с боков и по дну выложен черепяно-галечной вымосткой и обмазан слоем глины (толщиной 3—5 см).

Дно котлована, служившее подом, находилось на глубине 2,94 м от поверхности раскопа. Внутри, у восточного края печи совершенно асимметрично расположено основание глиняного прямоугольного (0,4×0,32 м) столба, сохранившегося до высоты 0,12 м. Под печи прогнулся и был покрыт слоем золы (8—10 см) и углей от сгоревшей соломы и нетолстых стволков. Топочное отверстие, видимо, было с западной стороны, так как здесь лежало много золы и сажи и оказался завал мелких булыжников, причем с юга топка ограничена прямой стенкой. Любопытно, что с восточной стороны в стенке печи напротив столба также было отверстие шириной 0,5 м, низ которого и площадка перед ним покрыты глиняной обмазкой, лежавшей на галечно-черепянном основании, но здесь нет ни золы, ни углей. Отверстие закрывалось, вероятно, плоским камнем, находившимся рядом. Галечно-черепяное основание печной конструкции, не прерываясь переходило на западе в обширную вымостку (№ 32). Нужно полагать, что печь служила для обжига керамических изделий, а вымостка — рабочей площадкой гончара.

В вымостке и при расчистке печи обнаружены фрагменты керамики эллинистического времени, обломки светлоглиняных амфор с двустольными ручками, лепной горшочек (рис. 27—2), краснолаковые сосуды эллинистического типа, обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя и одно зерно

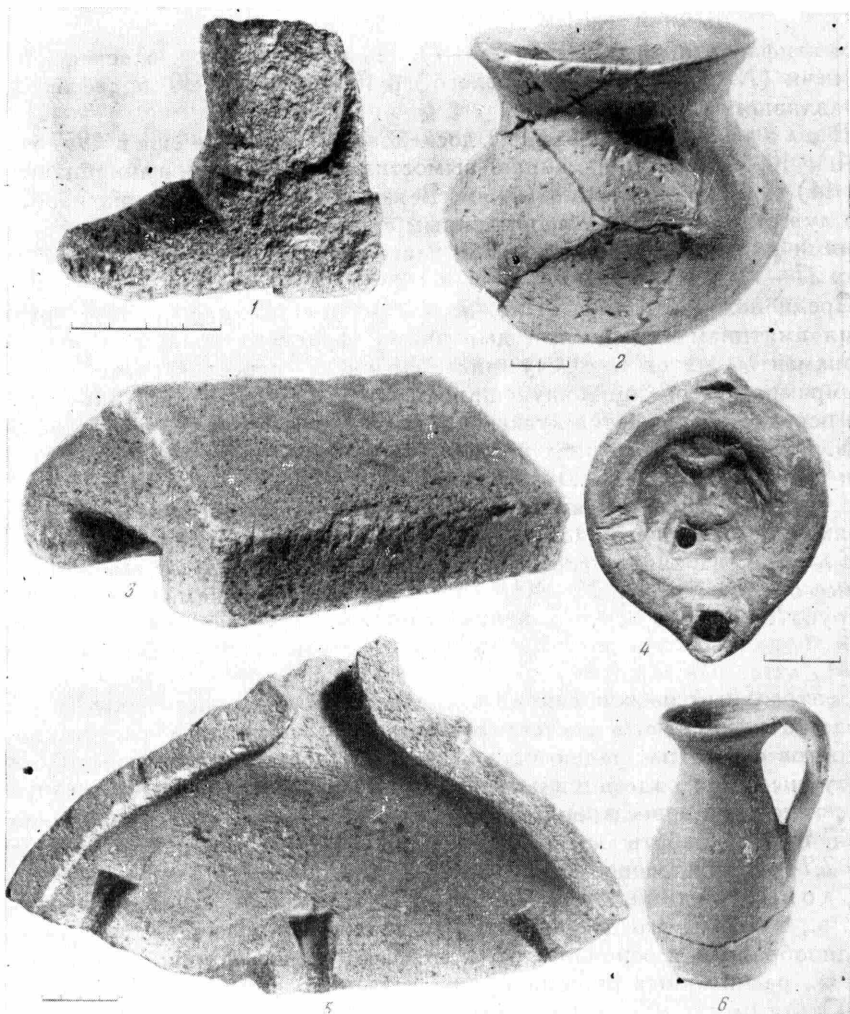

Рис. 27. Кепы. Находки из Западного, Центрального и Приколодезного раскопов.
 1 — нога от статуи (известняк); 2 — лепной горшок (из расчистки печи № 25); 3 — часть известнякового каалптера; 4 — краснолаковый светильник; 5 — половина известнякового лутерия; 6 — красноглиняный миниатюрный кувшинчик.

сорняковой ржи³. Встречена также медная монета с надписью *Καισαρῶν* (14—8 гг. до н. э.)⁴. Печь и вымостка датируются I в. н. э.

К слою 4 (I—II вв. н. э.) относится плохо сохранившаяся северная стена (№ 23) здания, которому принадлежала и стена № 13, открытая в 1957 г. (квадрат V). У западного конца стены № 23 лежали две большие плиты, видимо, от дворовой вымостки. В северной части квадрата VI обнаружена яма б диаметром 1 м, глубиной 0,62 м, заполненная чистой золой.

Многочисленные находки из слоя 4 включают фрагменты керамики разного времени; позднейшие из них — обломки светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками (I—II вв. н. э.). Среди находок есть фрагменты стеклянных сосудов, чернолаковой керамики, обломки мрамора и мраморных облицовочных плиток, краснолаковый светильник с изображе-

³ Зерна определены А. В. Кирьяновым.

⁴ Зограф, АМ, табл. XLV, 12.

нием канфара на щитке (рис. 27—4). На подошве слоя, в перекопе севернее печи (№ 25), в пятне горелого грунта собрано 30 подвесок и бус, составлявших единую низку.

В слоях 5 и 6 (III в. н. э.) доследованы открытые еще в 1957 г. стены № 4 и 10, раскрыты каменная вымостка (№ 20—24), глинобитный пол (№ 14) и несколько зерновых ям. В яме д найдена половина известнякового лутерия с рельефно оформленным сливом и тремя прорезями — углублениями для скрепок, соединявших часть сосуда с отколовшейся половиной (рис. 27—5).

Среди находок в слое III в. н. э. отметим лепешкообразное грузило с двумя вмятинами и многими дырочками, фрагмент края большого блюда с орнаментом из ов и жемчужника, фрагмент известнякового калиптера, беломраморную облицовочную плитку (рис. 25—6). В слоях III и IV вв. н. э. нередко встречаются куски кирпичей с ребристой верхней плоскостью. Полный кирпич такого рода найден случайно на городище местными жителями⁵; его размеры — 0,25 × 0,115 × 0,034 м.

В слое 7 (III—IV вв. н. э.) открыта большая зерновая яма в, подобная ямам предыдущего слоя; в ней оказалась монета Тейрана 276 г.⁶

Слой 8₁ верхний, относится к X—XII вв.; датируют его немногочисленные обломки амфор X—XII вв. с высокими ручками и венцом в виде раструба⁷.

* * *

Центральный раскоп разбит в средней части верхнего плато городища на расстоянии 111 м к востоку от Западного раскопа и состоит из трех квадратов общей площадью 62,5 кв. м. При исследовании выяснилось, что культурные слои здесь сильно нарушены перекопами в позднеантичное, средневековое и новое время. На раскопе выявлено 6 культурных напластований, причем работы доведены до материкового песка, лежащего на глубине 2,7—4,1 м от современной поверхности почвы.

Слой 1, нижний, относится ко второй половине VI в. — началу V в. до н. э.; толщина его достигает 1,1 м. Находки⁸ довольно многочисленны, но однообразны; в основном это фрагменты амфор второй половины VI в. до н. э., расписанных бурыми и красными полосами, и чернолаковых сосудов. Отметим две ножки хиосских амфор раннего типа.

Слоев V и IV вв. до н. э. не обнаружено.

Слой 2, относящийся к III—I вв. до н. э., выражен слабо. Толщина его — 0,2—0,45 м. Находок немного; среди них — фрагменты сосудов архаического и классического времени, хиосских, синопских, родосских амфор, несколько лепных, миниатюрный кувшинчик (рис. 27—6).

Слой 3 датируется I—II вв. н. э.; мощность его — 0,3—0,75 м. На квадрате II грунт был насыщен известняковой крошкой и мелкими камнями; здесь, по-видимому, существовало здание, из кладок которого выбран лучший камень, а на месте остались лишь крошка, осколки и завал известняковой щебенки. О богатстве существовавшего здесь сооружения свидетельствуют находки — половина известнякового калиптера (рис. 27—3) и известняковый барабан колонны диаметром 31,5 см, обнаруженный среди камней. Из находок отметим также обломки розовой штукатурки и цемьянки.

⁵ Хранится в школьном музее поселка Сенная.

⁶ Зограф, АМ, табл. L, 18.

⁷ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 338—340 рис. 10, 33, 34. Подобные амфоры хорошо представлены в материалах раскопок Б. А. Рыбакова в Тмутаракани.

⁸ Находки слоя полностью аналогичны находкам в архаических домах Пантикапея на Ново-Эспланадном раскопе 1956—1958 гг. (см. статью Н. И. Сокольского Раскопки Пантикапея в наст. сборнике).

Слой 4 (III в. н. э.) на Центральном раскопе выражен слабее, чем на Западном; хотя его толщина и достигает 0,2—0,5 м, но в нем не обнаружены строительные остатки. Наиболее интересна находка нижней половины плоскодонного пифоса, аналогичного открытым в 1957 г. на Западном раскопе. На дне пифоса оказались керамическое пряслице и бусина-скарабей. Огромная свинцовая заклепка связывала треснувшую стенку пифоса. В слое встречены куски розовой штукатурки, цемянки, бронзовый ключик от шкатулки (рис. 25—8), сильно потертый астрагал с прорезной чертой и трубчатая кость, отесанная с боков и покрытая со среза мелкой насечкой⁹, фрагмент черепицы с клеймом (рис. 25—1) и дно чашки, также с клеймом (рис. 25—2).

Слой 5 относится к позднеантичному времени (III—IV вв. н. э.); его толщина колеблется от 0,3 до 0,6 м. Он сильно пострадал от более поздних перекопов, отчего строительные остатки представлены только развалом одной кладки (№ 22). Из отдельных находок упомянем горло амфоры и фрагменты полукруглого калиптера, обмазанные цемянкой, видимо, служившие сливом в винодельне.

Слой 6 (верхний), как и на других раскопах, датируется периодом X—XII вв.; он достигает наибольшей мощности — от 0,6 до 1,4 м. На квадратах I и III обнаружена часть фундамента-платформы (№ 19), сложенной из частично отесанных известняковых камней. На ней лежали 4 грубо отесанных куска известняка, принадлежавшие, видимо, несохранившимся стенам. Непосредственно под платформой оказалась хорошая вымостка (№ 21) из кусков мелкого известняка и крупных обломков черепицы и амфор. Вымостка датируется заложенными в нее фрагментами амфор X—XI вв.

Из разновременных, главным образом античных находок отметим каменное ядро диаметром 6,5 см, фрагмент стенки пифоса с прорезанной многогранной (рис. 25—3), плоский железный наконечник стрелы, свинцовую квадратную гирию весом 86,5 г (рис. 25—4), фрагмент известняковой скульптуры (складки одежды), пирамидальное грузило с вдавленным рисунком — елочкой и ручку амфоры X—XI вв. с процарапанной елочкой.

* * *

На нижнем плато (ниже Западного раскопа) на береговом обрыве в 8 м к северу от современного колодца был разбит Приколодезный раскоп площадью 50 кв. м. Здесь осенью 1957 г. местные жители выбирали камень для строительства. Место раскопа сильно испорчено ямами и старой дорожкой. Наибольшая глубина залегания материка — 2,9 м.

Наиболее интересным памятником на раскопе был колодец, т. е. прямоугольный водоем размером 2,9 × 1,45 м, стены которого сложены из обработанных каменных известняковых блоков различных размеров, но хорошо пригнанных друг к другу (рис. 26—2). Сверху стены сильно разрушены, камень частично выбран, тем не менее высота лучшей сохранившейся северной стены превышает 1,5 м; общая глубина колодца — 2,5 м. В основе его лежит венец из дубовых¹⁰ бревен. В строительстве колодца различаются два периода; о длительности существования колодца свидетельствует сильная потертость его углов. В заполняющем грунте обнаружено много камней и керамики. Последняя относится почти целиком к III—IV в. н. э.

⁹ Подобные кости найдены уже дважды в Кехах в позднеантичных слоях. В. Ф. Гайдукевич высказывал предположение о связи обработанных костей с керамическим производством (В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 88, рис. 46). С. А. Семенов убедительно доказывает, что такого рода кости являлись инструментом типа рашпиля для обработки камня и других твердых материалов (С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 220—222).

¹⁰ Породу дерева всех 4 бревен венца определила Г. Н. Лисицына.

и указывает дату гибели сооружения. Наиболее интересной находкой были обломки деревянного колеса повозки.

В результате работ 1958 г. не только подтверждены данные, полученные в первой год раскопок городища Кепы, но и найдены новые важные материалы. Следует прежде всего отметить открытие культурного слоя второй половины VI в.—начала V в. до н. э. на Центральном раскопе, V в. до н. э.—на Приколлодезном, IV—III вв. до н. э.—на Западном раскопе. За 2 года работ зафиксировано 10 культурно-исторических напластований, из которых девять нижних дают представление о непрерывной и интенсивной жизни города от середины VI в. до н. э. до IV в. н. э. Верхний слой свидетельствует о возрождении города в период существования на Таманском полуострове русского Тмутараканского княжества.

В итоге работ на Приколлодезном раскопе подтвердилось предположение о том, что с раннего времени (V в. до н. э.) город занимал территорию на нижнем (прибрежном), теперь в основном разрушенном плато, и разрешился вопрос о водоснабжении города. Собраны существенные данные о сельскохозяйственном производстве. Так, находка слежавшихся виноградных листьев и многочисленные куски розовой цемьянки из виноделен говорят о культивировании виноградной лозы и виноделии в Кепях в позднеантичное время. О земледелии можно судить по находкам зерен пшеницы и ячменя, глубоким зерновым ямам и пифосам, обломки которых часто встречаются на городище.

Остеологические материалы, по своему количеству не позволяют еще составить представление о полном составе стада и его изменении, но фиксируют (во всех основных слоях) наличие крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки и свиньи¹¹. Собственное керамическое производство в Кепях подтверждается открытием разрушенной гончарной печи.

Для суждения о хозяйстве, торговле и культуре жителей Кеп важные сведения дают многочисленные находки, среди которых большую группу составляют обломки черепицы, в большинстве привозившейся, судя по глине и клеймам, из Пантикапея и отчасти из Фанагории. Разнообразны амфоры, указывающие на дальние торговые связи Кеп.

Достаточно многочисленны типы простой красноглиняной посуды, изготовленной на гончарном круге; в небольшом количестве, но во всех слоях встречаются фрагменты лепных сосудов, а для III—IV вв. н. э. характерны находки фрагментов сероглиняных лощеных сосудов. Необходимо указать на большое число боспорских монет, попадавших во всех слоях, начиная с эллинистического времени (в 1958 г. найдено 105 монет). Отметим постоянные находки пирамидальных, а в слоях III—IV вв. н. э. и лепешкообразных грузил, кружков из стенок сосудов¹², фрагментов чернолаковой и краснолаковой посуды, архитектурных деталей.

Один из наиболее интересных фактов — значительное количество мелких фрагментов мраморных архитектурных деталей, плит, черепиц и облицовочных плиток, встречающихся во всех слоях, начиная с эллинистической эпохи, но наиболее часто попадавших в позднеантичных слоях.

¹¹ Определение костей произведено В. И. Цалкиным.

¹² О таких кружках приводит некоторые данные В. Ф. Гайдукевич (В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Указ. соч., стр. 87, 88, рис. 45), считая, что они служили для различных целей, в том числе в качестве прокладок между сосудами при обжиге (находки в Чандарли), для игр (мнение Н. Л. Эрнста). Нужно думать, что наиболее вероятное и более частое применение они находили как амфорные крышки-затычки.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ПОСЕЛЕНИЕ У ДЕРЕВНИ СЕМЕНОВКИ

Поселение расположено в 3 км к северу от дер. Семеновки (Ленинского района, Крымской области) на берегу Азовского моря, около удобной бухты, на высокоом, выступающем в море мысу. Раскопки его начались еще в 1953 г., когда во время разведок Восточнокрымского отряда¹ Причерноморской экспедиции ИИМК были обнаружены в блиндажах времени Великой Отечественной войны следы культурного слоя и каменные кладки стен. Небольшой раскоп, заложенный тогда же, позволил расчистить 2 помещения, улицу, вымощенную каменными плитами, и часть мощеного дворика. Раскопки 1954 г.² показали, что на холме было расположено довольно большое поселение с жилыми кварталами между улицами, тянувшимися с востока на запад. На полностью расчищенном дворике открыта каменная лестница, которая, вероятно, вела на второй этаж.

Раскопки поселения возобновились в 1957 г. и продолжались в следующем году. Всего за эти годы была вскрыта площадь более 0,5 га, что позволило выяснить планировку значительной части поселения (рис. 28). На участке длиной около 40 м расчищены 2 улицы, жилой квартал между ними и, частично, постройки, примыкавшие к этим улицам с юга и севера.

Интересна планировка жилого квартала в центральной части раскопа. С севера он ограничен улицей II, с юга — улицей I, а с востока — переулком, соединяющим их. Расчищено 7 изолированных помещений, как бы пристроенных с юга к длинной стене, тянущейся вдоль улицы II. У соседних помещений западные и восточные стены — смежные, вход только с юга через расположенный перед ним мощный дворик. Южные стены стоят на одной прямой, которая почти параллельна северной стене. За исключением крайнего западного помещения К, во всех других сооружены глинобитные печи прямоугольной формы, со сторонами от 0,8 до 1,2 м, со стенками из поставленных на ребро каменных плит и с горизонтальной глинобитной плитой. Печи пристроены к южной стене справа или слева от дверного проема.

Наличие глинобитных печей, находки в каждом помещении каменной ступы (одной или двух), а в большинстве случаев и зернотерок, каменных закровов и множества глиняной посуды, часто с остатками обуглившегося зерна — все это заставляет считать помещения жилыми. Вместе с тем везде, кроме помещения Д, полы в южной половине земляные или глинобитные,

¹ В 1953 г. в состав Восточнокрымского отряда входили И. Т. Кругликова — начальник отряда, Т. Г. Оболдуева и Т. М. Арсеньева — научные сотрудники.

² И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 236—260.

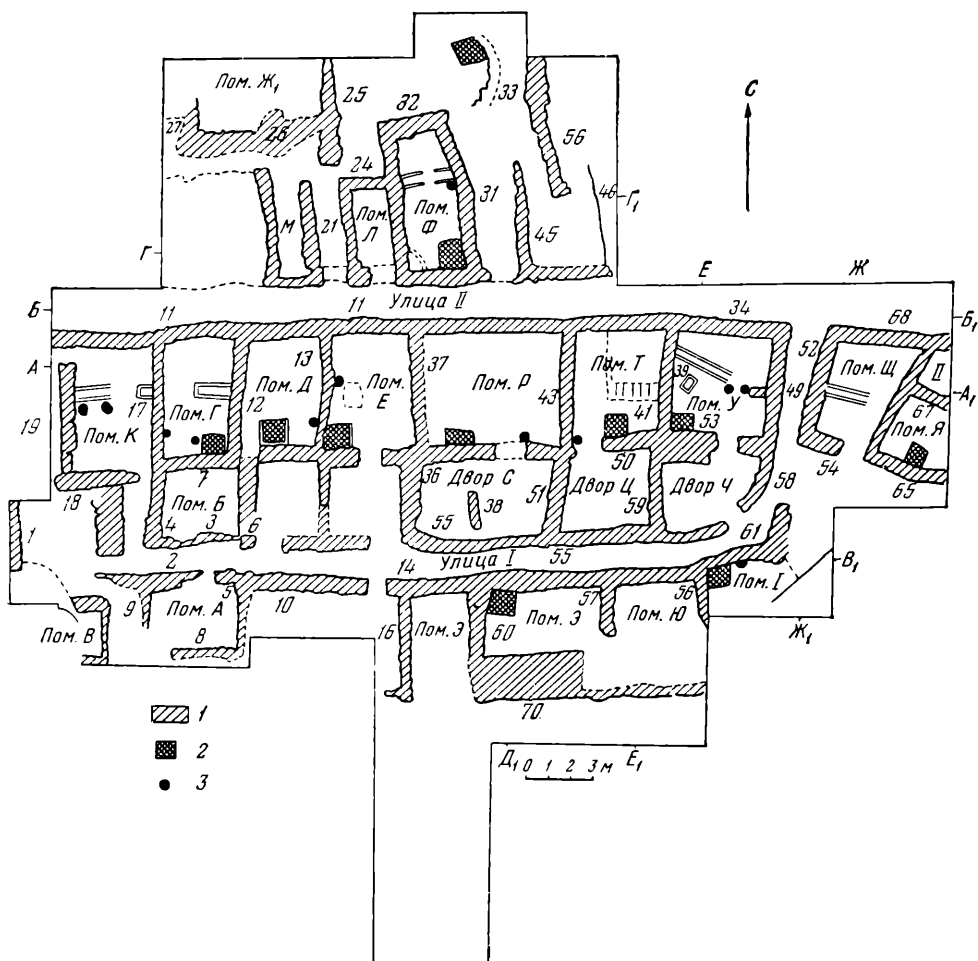

Рис. 28. Схема раскопа поселения у дер. Семеновки.
1 — стены; 2 — место печей; 3 — каменная ступа.

а в северной вымощены каменными плитами. При этом северная, замощенная часть отделена от южной каменными загородками из вертикально врытых в землю плит, чаще всего образующих нечто вроде каменных яслей, куда, может быть, клали сено или другой корм для скота. Тот факт, что замощенная часть предназначалась для стоянки скота, подтверждается находками на плитах пола в помещениях Е и Т подстилок из перепревшей травы или камки, а также специально просверленными отверстиями в верхних частях плит (помещения Е и Ф), к которым привязывали стоявший здесь скот. В помещении У, возможно, для привязывания скота были врыты в землю каменные столбики, также около каменных яслей. Впрочем, в тот период, когда поселение погребло, скот, по-видимому, находился на выпасах, так как во многих помещениях на замощенных участках пола стояли сосуды с запасами пищи (помещения Г и У).

С юга перед каждым помещением был вымощенный дворик. Не совсем ясно, был ли он также перед западным помещением К, так как этот участок сильно поврежден поздними ямами и в результате выборки камня. Вполне возможно, что сюда подходил узкий проулок, такого же типа, который мы видели у домов на участке севернее улицы II. Вымостка некоторых двориков

была повреждена при выборке камня, что иногда затрудняет выявление планировки. Так, не совсем ясен вопрос о характере сооружения перед помещением Д. Плохое состояние кладок не позволяет с уверенностью определить и местоположение дверного проема в южной стене; в трех других стенах он быть не мог. Судя по аналогии с соседними помещениями, здесь, по-видимому, также был небольшой мощеный дворик, через который можно было выйти на улицу.

Лучше сохранились дворы в восточной части квартала, раскапывавшиеся в 1958 г.³.

Помещение Р — самое большое из всех раскопанных до сих пор. Его северная стена (№ 34), сохранившаяся в высоту от 0,4 до 1,1 м, достигает 6,1 м в длину; восточная (№ 43), высотой от 0,7 до 1 м, была длиной 5,6 м. От западной стены (№ 57) осталось лишь основание, уходящее в глубину ниже вымостки пола и исполняющее одновременно роль подпорной стены и восточной стены соседнего помещения Е, где уровень пола был на 1,35 м ниже, чем в помещении Р. Южная стена (№ 36), длиной 5,8 м (вместе с дверным проемом), сохранилась в восточной части до 0,5 м в высоту, а в западной — лишь на один ряд кладки. К этой стене с запада от проема примыкала печь (1 × 1 м), а с востока — круглая в плане ступа высотой 0,5 м и глубиной до 0,35 м.

Северная часть помещения выстлана каменными плитами. Обнаружены 2 слоя вымостки. Нижний соответствовал первому строительному периоду. С ним связаны остатки водостока из стоящих на ребре каменных плит, проложенного к яме, также выложенной плоскими камнями. С вымосткой второго строительного периода связан верхний уровень глинобитного пола восточной части помещения.

На участке земляного пола около печи раскоп был углублен до материка. Слой между материком и полом представлял собой мусорную насыпь, состоящую из золы, створок мидий, костей и обломков керамики; среди последней — фрагменты лепных сосудов, ручка красноглиняной амфоры, по форме напоминающая родосскую с клеймом Νικηδοχου, обломки косской и боспорской амфор, а также синопской типа I в. до н. э. — I в. н. э. и светлоглиняных узкогорлых амфор. Насыпь, вероятно, сделана при выравнивании скалистой поверхности перед постройкой зданий в начале I в. н. э.; при этом использовали зольники поселения эпохи эллинизма, находившегося поблизости. По-видимому, именно к началу I в. н. э. следует отнести сооружения первого строительного периода — стены, яму, водосток.

При расчистке помещения Р найдены 4 монеты, среди которых — 2 денария Рискупорида III (210—226 гг.), двойной денарий Рискупорида V (243—251 гг.). Из вещей наиболее интересны бронзовая пряжка (рис. 29—1) и верхняя часть терракотовой статуэтки богини (рис. 30—2, а, б). Кроме того, встречены разбитые реберчатые амфоры и лепные сосуды.

В отличие от всех остальных домов центрального квартала, перед помещением Р, к востоку от мощеного дворика, было еще одно помещение, размером 3,4 × 2,1 м, отделявшееся от дворика плохо сохранившейся стеной (№ 38). Назначение его неясно. Южная стена дворика (площадь его — 3,4 × 3 м) сохранилась плохо и отчетливо выделяется только потому, что уровень улицы I на 0,25 м ниже вымостки двора; в свою очередь уровень пола помещения Р на 0,3 м выше поверхности дворика. Остается невыясненным, где был проход с улицы I во двор. В восточной части двора уцелела каменная лесенка из 4 ступеней, такого же типа, как обнаруженная в 1954 г. во дворе Б. Так же как и та, она обрывалась, не доходя 0,8 м до северной стены.

³ О раскопках помещений западной части см. И. Т. Кругликова. Работы Восточнокрымского отряда в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960.

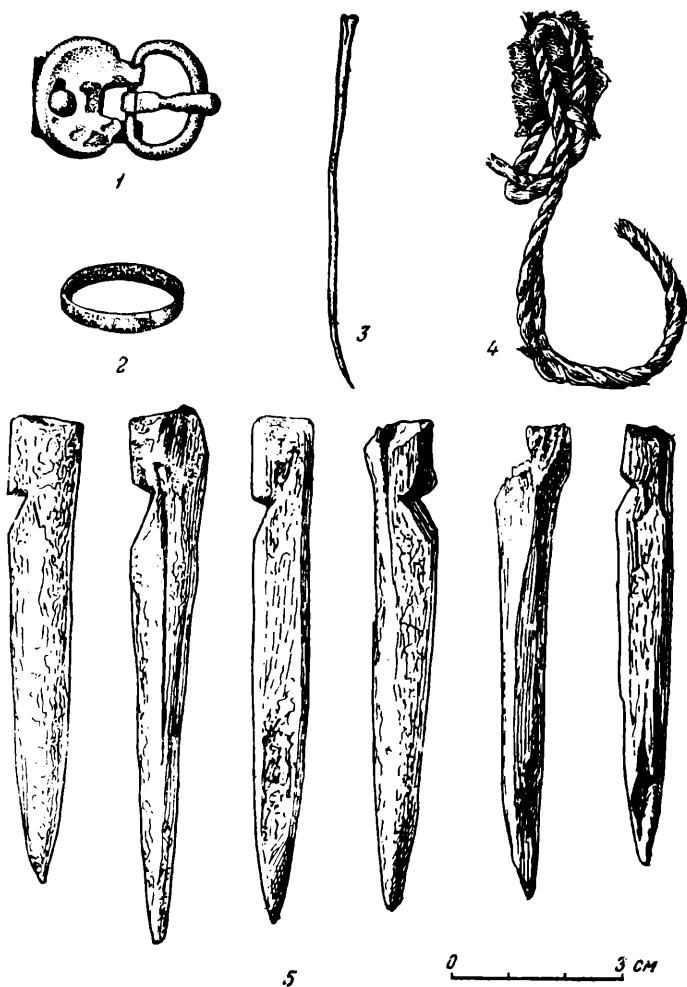

Рис. 29. Находки на поселении у дер. Семновки.

1 — бронзовая пряжка; 2 — железное кольцо; 3 — бронзовая игла; 4 — обуглившийся крученный шнур; 5 — костяные иглы для вязания сетей.

Помещение Т — размером около $4,6 \times 3,8$ м. Его северо-восточная часть вымощена плитами и отделена с запада поставленными на ребро плитами, а с юга — каменным сооружением в виде лежанки. Это сооружение из двух параллельных рядов каменных плит, перекрытых горизонтально лежавшими плитами, достигало 2,25 м в длину. Все его внутреннее пространство было заполнено чистой очажной золой. Можно предположить, что сюда специально выгребали горячую золу из очага для дополнительного обогрева. У южной стены, восточнее дверного проема, находилась глинобитная печь размером $1 \times 0,72$ м, а с запада — каменная, прямоугольная в плане, ступа. Пол в помещении был глинобитным, из желтой глины с примесью толченого известняка. Северная стена (№ 34) сохранилась до 1 м в высоту, восточная (№ 39) — от 0,9 до 1,1 м, западная (№ 43) — от 0,45 до 0,85 м, южная (№ 50) — от 0,5 до 0,65 м. Среди находок в помещении Т были медная монета — сестерций Савромата (около 117 г.), раздавленная красноглиняная реберчатая амфора с широким горлом, очень больших размеров, лепные сосуды, светильники, глиняная воронка, терракотовый ларчик (рис. 31—2), разбитый стеклянный сосуд и др.

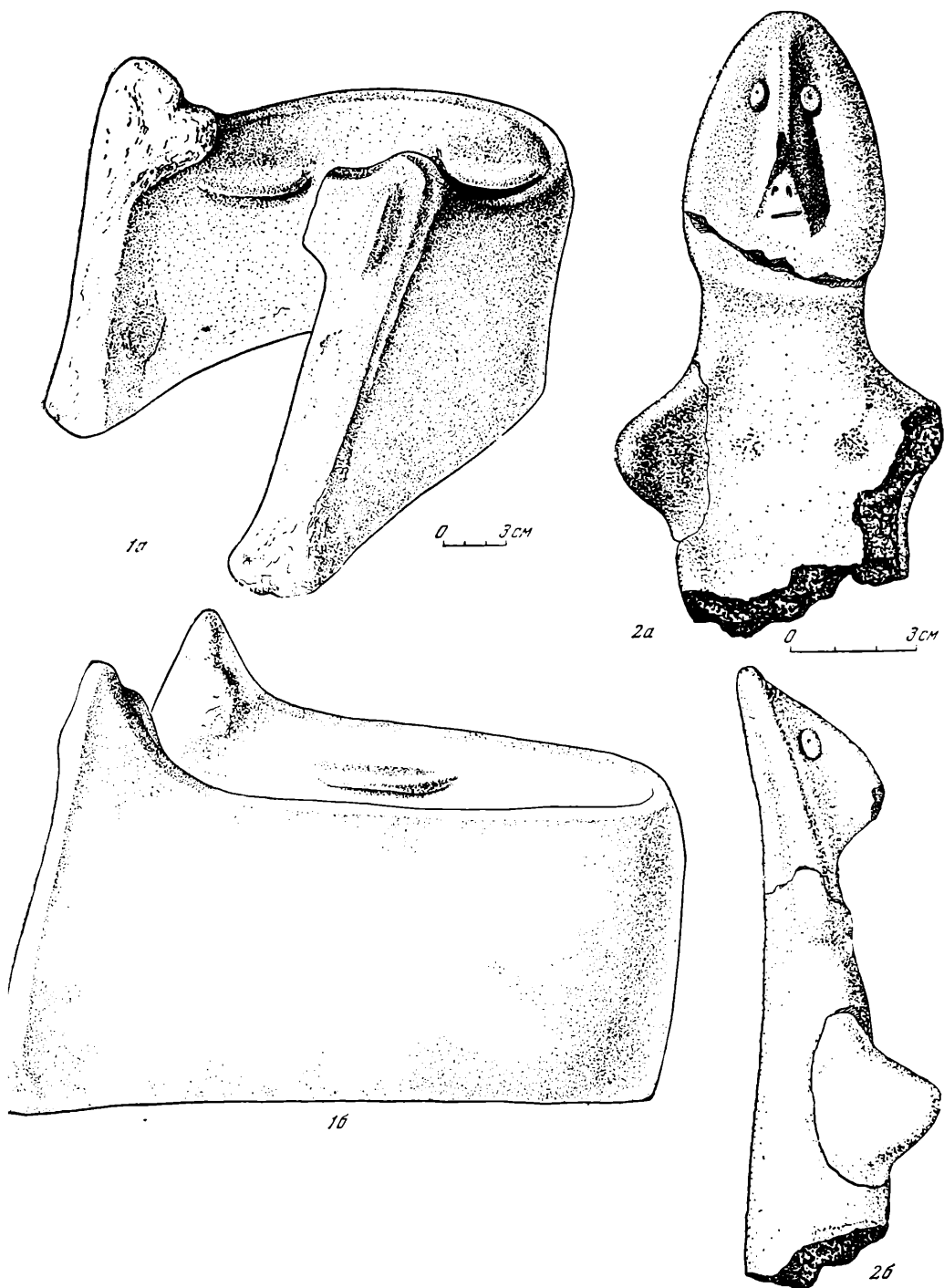

Рис. 30. Глиняный очаг из помещения Ф (1а, 1б) и глиняная статуэтка богини из помещения Р (2а, 2б).

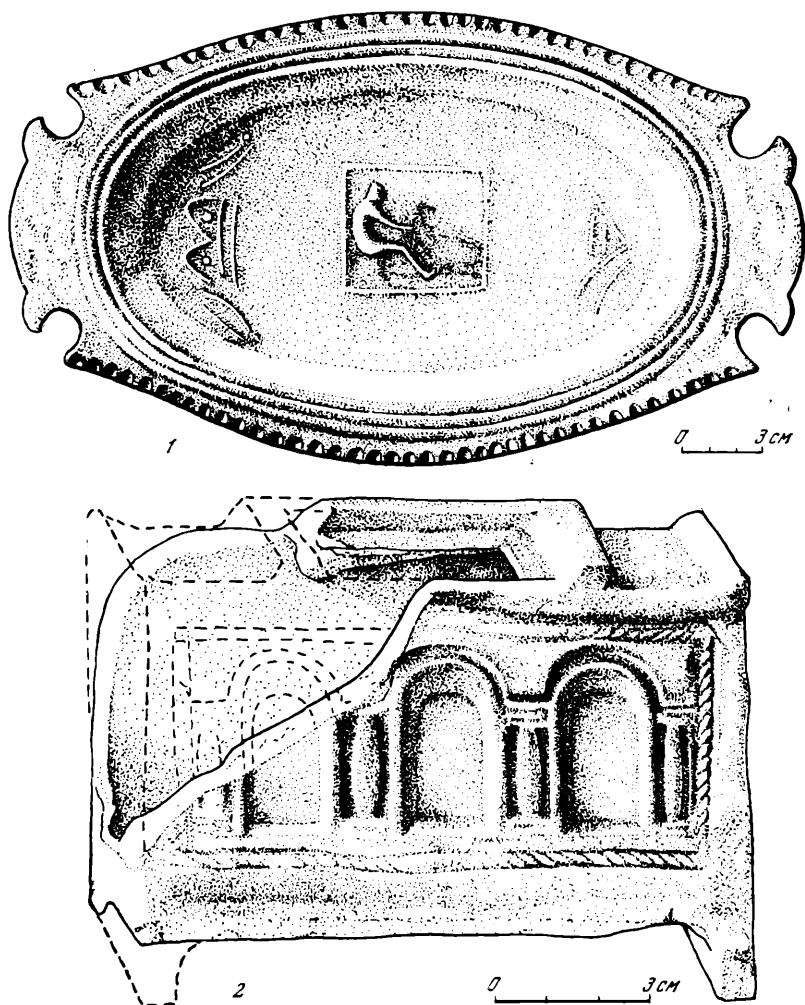

Рис. 31. Привозное краснолаковое блюдо (1) и терракотовый ларец (2).

С юга к помещению Т примыкал двор Ц размером $2,5 \times 3,8$ м. Его южная стена полностью разобрана, восточная — сохранилась на высоту 0,75 м, а северная — до 0,6—0,7 м; западная стена разобрана до уровня вымостки.

Помещение У — размером около $4,5 \times 4,1$ м. Его северная стена (№ 34) сохранилась на высоту 1,35 м, западная (№ 39) примыкает к ней впритык и сохранилась на высоту до 1,24 м, восточная (№ 49) сложена с ней впереплет и уцелела на высоту от 1,3 до 1,5 м. Южная стена (№ 53) сложена впереплет со стенами № 39 и 49; высота ее — до 0,73 м. В ней сделан дверной проем шириной 1 м. Западная часть этой стены — двойная по толщине, возможно, в результате пристройки при ремонте. Северная часть помещения, замощенная плитами, отделяется от южной каменными сооружениями. Одно из них — типа «яслей», длиной 2,35 м — сложено из параллельных, поставленных на ребро плит высотой около 0,55 м; второе, у восточной стены, напоминает столик длиной 0,7 м. Внутри, под его верхней плитой, была набита зола, так же как и под лежанкой в помещении Т. Около этих сооружений стояли 2 каменных столбика высотой 0,45 м, толщиной 0,25 м, а возле них — 2 каменные ступы.

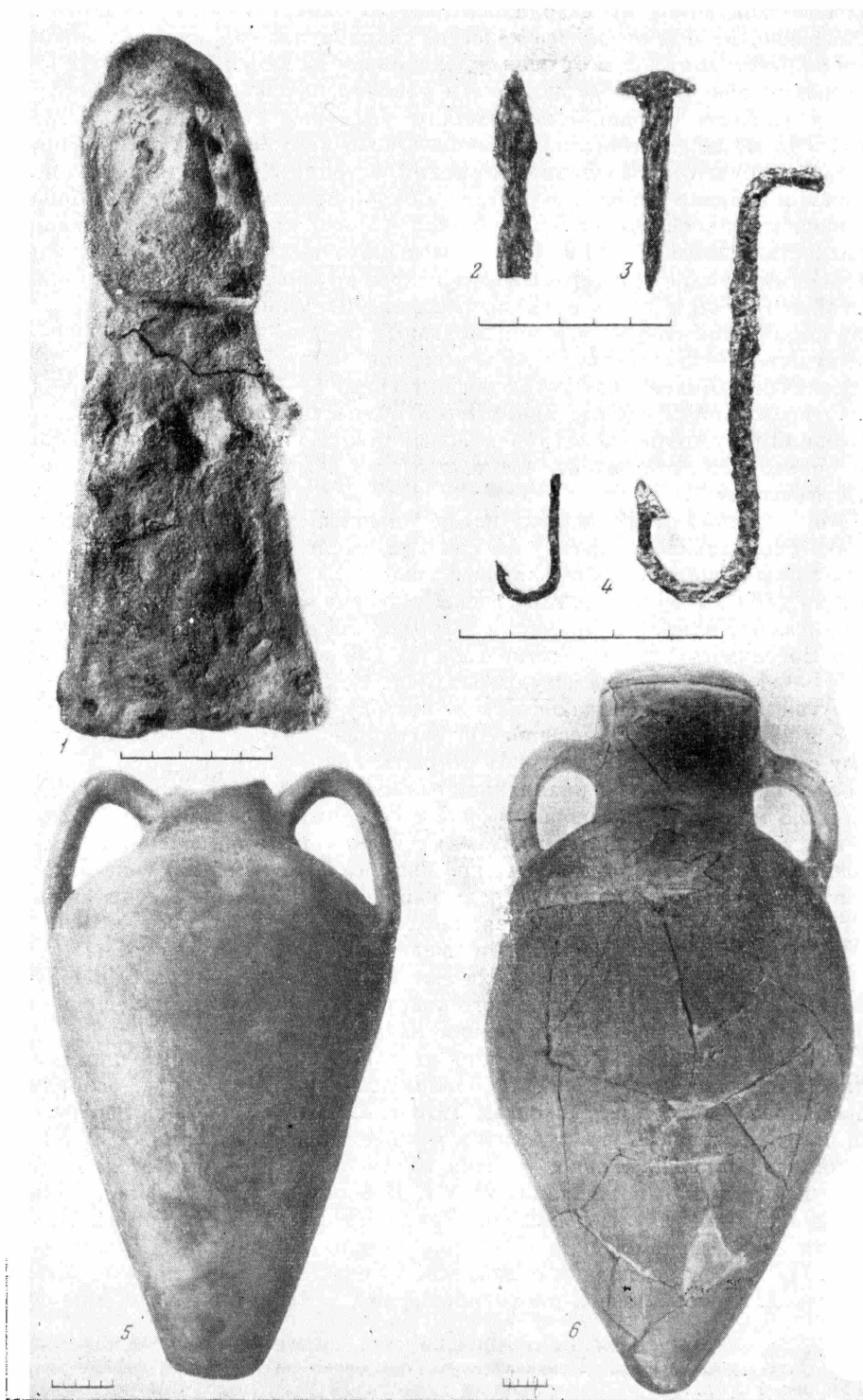

Рис. 32. Находки на поселении у дер. Семеновки.

1 — глиняная статуэтка богини (помещение У); 2 — железный наконечник стрелы; 3 — железный гвоздь; 4 — бронзовые рыболовные крючки; 5 — амфора (помещение У); 6 — амфора из коридора к западу от помещения Л.

В юго-западном углу находилась печь. У западной стены пол был на 0,42 м выше; на нем оказалось какое-то глинобитное сооружение, начинавшееся на расстоянии 0,8 м от печи и доходившее до каменных плит. На этом возвышении обнаружена зернотерка в рабочем положении. Поблизости от нее над уровнем глиняной поверхности выступал глинобитный столбик (0,4 × 0,42 м) непонятного назначения. Около него лежало более 20 пирамидальных грузил, параллельными рядами, острями друг к другу. На полу помещения найдено множество сосудов, причем преобладали лепные горшки, кувшины, миски, светильники различной формы, иногда с красношошеной поверхностью. Были и две краснолаковые мисочки, гончарный кувшинчик, боспорский светильник с рельефным щитком, крупный, плоскодонная амфора с узким горлом и двумя ручками (рис. 32—6). Обнаружены также амфоры из коричневой глины, обломки железных орудий и бронзового узкогорлого кувшина. На плитах пола в северной части лежала, лицом вниз, примитивная глиняная статуэтка богини (рис. 32—1), со всех сторон покрытая несколькими слоями известковой обмазки, причем каждый из слоев, по-видимому, окрашивался в красный цвет. Тип изображения полностью повторяет статуэтки, найденные в комнате Р на поселении у дер. Мысовки⁴.

Юго-восточная стена дворика перед помещением была округлой формы (№ 58) и сохранилась в высоту на 1 м. Она, так же как и восточная в помещении У, была наружной, отделяющей жилой квартал от переулка, который соединял улицы I и II. Округлые стены у дворов отмечены также на других памятниках III в. н. э., например, в Илурате⁵, и на поселении в бухте у Золотого Восточного⁶. На вымостке дворика найдены медная монета Котиса I (41—54 гг.) и лепные сосуды различных типов.

Другой квартал, начинающийся к востоку от переулка, раскапывался только в 1958 г. Одно помещение Ц расчищено полностью; примыкавшие к нему с востока помещения Я и II открыты лишь частично.

Помещение Ц — неправильной формы; его северная стена (№ 68) — длиной 3,8 м, тогда как южная, вместе с северным проемом, — лишь 2,6 м. Весь пол замощен каменными плитами; северная часть помещения отделена от южной каменным сооружением типа «яслей». Печи не было (она находилась в соседнем помещении Я). Среди найденных вещей интересны свинцовая гирия, плоская, прямоугольная, железное орудие в форме маленькой мотыжки, по-видимому, *rallum*⁷, и железный наконечник стрелы (рис. 32—2). Планировка этого дома пока еще не выяснена, но, безусловно, она была иной, чем в домах центрального квартала. В частности, помещение Ц было не жилым, а имело хозяйственное назначение.

Помещения, расположенные к югу от улицы I, сохранились плохо. Вероятно, они были пристроены к оборонительной стене города, основание которой обнаружено при раскопках 1958 г. Стена была полностью разобрана, в результате чего уничтожены и южные части помещений Э, Э, Ю, I; сохранились лишь небольшие участки полов около северных стен. Глинобитные печи были в помещениях Э и I. В обоих случаях они находились в северо-западном углу. В помещении I, кроме того, у северной стены стояла каменная ступа, в помещении Ю — сооружение из каменных плит типа «ларя». На полу в помещении Э найдено: 15 пирамидальных грузил, лежавших кучкой. Грузила очень плохо обожжены, а частично и совсем не обо-

⁴ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря, стр. 254, рис. 11, 6, 7.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 112, рис. 112.

⁶ И. Т. Кругликова. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря. СА, XXVIII, 1958, стр. 228.

⁷ И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия из Семеновки. СА, 1959, № 3.

жжены. Там же оказались уплощенное пряслице, лепные простые и краснолощенные сосуды, светильник с длинным рожком и др. В помещении I обнаружены статер Рискупорида V (VI), чеканенный в 267 г., пять необожженных пирамидальных грузил, бронзовый рыболовный крючок, обломки реберчатых амфор и лепных сосудов. Судя по находкам, южные помещения Э, Э, Ю, I не отличались по характеру от сооружений центрального квартала, но какова была планировка южных домов — неясно.

От оборонительной стены (№ 70) на раскопанном участке сохранилось только основание. Оно сложено из очень крупных необработанных глыб местного известняка, образующих 2 панциря, пространство между которыми заполнено бутом. Толщина стены — от 2,1 до 2,25 м. Она лежит на материковой земле и частично на скале. Подошва стены на 2,5 м ниже уровня пола южных помещений, а сохранившаяся поверхность ее на 1,75 м ниже уровня пола. Стена сооружена на склоне горы, и для нивелирования поверхности перед постройкой помещений к северу по склону холма был подсыпан мусорный грунт. Квартал жилых домов, расположенный к северу от улицы II, раскапывался еще в 1957 г. В следующем году была доследована площадь в западной части, где обнаружена стена, ограждающая небольшое помещение с зерновой ямой. Западнее участок оказался сильно поврежденным. В северо-восточной части раскопа раскрыто помещение Ф, примыкавшее с запада к расчищенному в 1957 г. помещению Л.

Помещение Ф — вытянутой, неправильной формы; его северная стена (№ 32) была длиной 1,8 м, южная (№ 40) — 2,6 м, западная (№ 23) — 5,85 м и восточная (№ 31) — 6,4 м. Вход был с востока. Позднее, когда уровень примыкавшего к этой стороне мощеного двора повысился, нижняя часть дверного проема была заложена камнями. В юго-восточном углу помещения находилась глинобитная печь, а юго-западный отделен каменной загородкой. Такие загородки в углах помещений зафиксированы и в Илурате⁸. В. Ф. Гайдукевич предполагает их культовое назначение. Северная часть помещения отделялась загородкой из двух рядов каменных плит, к которым привязывали скот, для чего в верхней части плит просверлены отверстия; они часто встречаются и на загородках в Илурате⁹. Около этой загородки стояла каменная ступа; здесь же была яма, заполненная листовым грунтом. В помещении найдены в большом количестве обуглившееся зерно — ячмень и пшеница, кости мелкого рогатого скота и домашней птицы, пирамидальные глиняные грузила, железный стержень, болт, много лепных сосудов, в том числе краснолощенных, и светильники. Рядом с печью расчищен интересный глиняный очаг в форме подковы, с выступами на внутренних стенках для поддерживания сосудов над огнем (рис. 30—1, а, б).

Планировка построек в северном квартале отличалась от планировки домов в центральном. К сожалению, за исключением помещений Л, Ф и прилегающих к ним дворов, сохранность строительных остатков в этой части раскопа плохая и планировку дома в целом восстановить пока не удастся. Бесспорно, что с улицы II были входы во дворик около помещения Ф, в помещение Л и в коридор с запада от него. Можно предположить, что дворик и помещение Ф принадлежали одному дому, а упомянутый выше коридор, помещение Ж и другое, узкое, отгороженное (к западу от стены № 20, с ямой) — относились к другому дому. В этом квартале дома, по-видимому, были многокомнатными. Что касается помещения Л, где в 1957 г. найдено огромное количество рыбьих костей, то, вероятно, его можно считать рыбной лавкой, с отдельным входом, как это известно для хлебных

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки, Илурата и Мирмекия. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 101.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. стр. 94, рис. 88.

лавок Помпеи¹⁰ либо кладовой, где хранилась рыба, высушенная или вяленая предназначенная для продажи. О занятии рыболовством обитателей раскопанных жилищ свидетельствуют частные находки орудий рыбной ловли — рыболовные крючки (рис. 32—4); полавки (для неводов) из пробкового дерева, с просверленными отверстиями; полавки из дерева; обуглившиеся крученые шнуры, из которых плели сети (рис. 29—4); костяные иглы для вязания сетей (рис. 25—5) и т. д.

Вскрытая в 1958 г. часть поселения подтверждает высказанные ранее предположения о гибели его в III в. до н. э. и существовании уже в первые века нашей эры, о занятии жителей, наряду с земледелием, также скотоводством и рыболовством, об их участии в общевоспорской торговле.

Интересный материал собран в небольшом раскопе (5×5 м), заложенном в 1958 г. у основания холма, на котором находилось поселение. Здесь обнаружен культурный слой эллинистического времени, к которому относилась и зерновая яма колоколовидной формы, глубиной 1,7 м. Этот слой был перекрыт слоями I в. н. э. и II—III вв. н. э. Находки ручек фасосских, родосских, синопских и других амфор свидетельствуют о том, что в низине, около удобной морской бухты, поселение существовало еще в IV—III вв. до н. э. К этому времени относится и некрополь из каменных ящиков, обнесенных каменными выкружками, обнаруженный экспедицией к северу у дороги в дер. Рыбное.

Раскопки 1958 г. продемонстрировали еще раз очень большое сходство поселения у дер. Семеновки с другими известными поселениями — у Ивановки (Илурат), у Мысовки и с обнаруженным в бухте у Золотого Восточного. Одинаков общий облик культуры; в быту преобладающую роль играли изделия, изготовленные на месте домашним способом. Так, наряду с привозной посудой (рис. 31—1), встречена в большом количестве лепная, самых различных форм и назначения. Кроме привозных терракот, были широко распространены очень примитивные статуэтки богини, довольно однотипные. Строительные приемы, детали внутреннего устройства помещений находят полные аналогии, что особенно заметно на примере лучших сохранившихся поселений Илурата и у Семеновки.

Близкое сходство в облике поселений заставляет предположить, что и социальное положение и этнический состав их жителей были одинаковыми. В. Ф. Гайдукевич считает, что Илурат был городом-крепостью, построенной боспорскими царями в I в. н. э. и заселенной жителями окрестных сельских поселений. Обитателям крепости были даны права на пользование землей, за что они должны были нести военную службу¹¹. Действительно, местоположение Илурата на подступах к главному боспорскому городу — Пантикапею и его окрестностям, близость Илурата к Акосову валу делают это предположение вполне правдоподобным. Но местоположение Семеновки иное. Она находится на крайнем севере, вне Акосова вала, и считать ее, как Илурат, частью общей системы обороны Боспора трудно. Мне кажется, что в тревожное, насыщенное военными опасностями время первых веков нашей эры жители Боспора принуждены были объединяться для постройки укрепленных поселений; в неукрепленных, типа многочисленных маленьких поселков IV—III вв. до н. э., обнаруженных по всему Керченскому полуострову, жить стало опасно. В I в. н. э., по-видимому, возводились не только крепости, подобно цитадели на горе Опук, или города-крепости типа Илурата, но и укрепленные поселения типа «городищ», как, например, у дер. Семеновки, в бухте у Золотого Восточного и другие.

¹⁰ Б. Борецкий. Из хозяйственной истории Помпеи в I в. н. э. ВДИ, 1956, № 3, стр. 106 и сл.; М. Е. Сергеевко. Помпеи. М.—Л., 1949, стр. 109 и сл.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. стр. 142.

Н. С. БЕЛОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В КИТЕЕ

В 1957 г. одним из отрядов Советско-Польской Боспорской археологической экспедиции проведены небольшие разведывательно-охранные раскопки Китея¹.

Как известно, боспорский город Китей, упоминающийся у древних авторов, был правильно отождествлен с городищем в 40 км к югу от Керчи на берегу Черного моря (западнее мыса Такиль) лишь в 1918 г. благодаря находке храмового стола с надписью, в которой упоминается «патрида кититов». Правда, первые описания и план городища были даны еще в начале прошлого столетия Дюбрюксом и Бларамбергом, но последние ошибочно приняли его за развалины Акры — другого боспорского поселения, находившегося по соседству с Китеем. Ошибка выяснилась, когда была найдена храмовая надпись.

Разведки и раскопки на городище Китей и прилегающем к нему некрополе, произведенные в 1927—1929 гг. экспедицией Керченского музея во главе с Ю. Ю. Марти, позволили установить, что этот земледельческий город существовал около тысячелетия — с V в. до н. э. по V в. н. э. и был в первые века нашей эры одним из военно-опорных пунктов Боспорского государства². Однако в 1927—1929 гг. была исследована лишь восточная линия укреплений городища. Сличение плана Китея, составленного Бларамбергом³, с планом, снятым экспедицией Ю. Ю. Марти⁴, и с современным состоянием городища показало, что береговая часть, подмываемая морем, систематически разрушается, происходят обвалы, влекущие за собой гибель прибрежной полосы городища. Это и обусловило выбор места для раскопок 1957 г.

Всего заложено 3 раскопа общей площадью 70 кв. м (рис. 33).

Раскоп I (30 кв. м) разбит у самого берега на западном валу городища, где над морем нависла часть кладки оборонительной стены, которая была вскрыта со стороны города на протяжении 6 м, а с наружной — на 3,5 м. Стена тянется в направлении юго-юго-запад — северо-северо-восток:

¹ Кроме автора, руководившего работами отряда, в них приняли участие В. И. Цехмистренко (Керченский музей), Б. А. Малтынская и Т. К. Воробьева.

² Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. ИТОИАЭ, вып. II, Симферополь, 1928, стр. 103 и сл.; е го же. Раскопки городища Китея в 1928 г. ИТОИАЭ, вып. III, Симферополь, 1929, стр. 116 и сл.

³ Ю. Ю. Марти. Городища..., стр. 118, рис. 16.

⁴ Там же, стр. 120, 121.

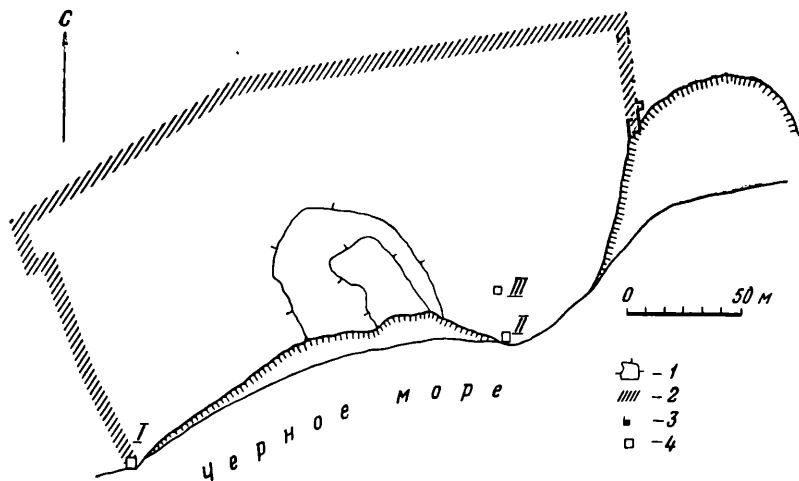

Рис. 33. Схематический план городища Китей с указанием мест раскопок.
 1 — насыпной холм; 2 — линия оборонительных стен; 3 — раскопы 1928 г.; 4 — раскопы 1957 г.

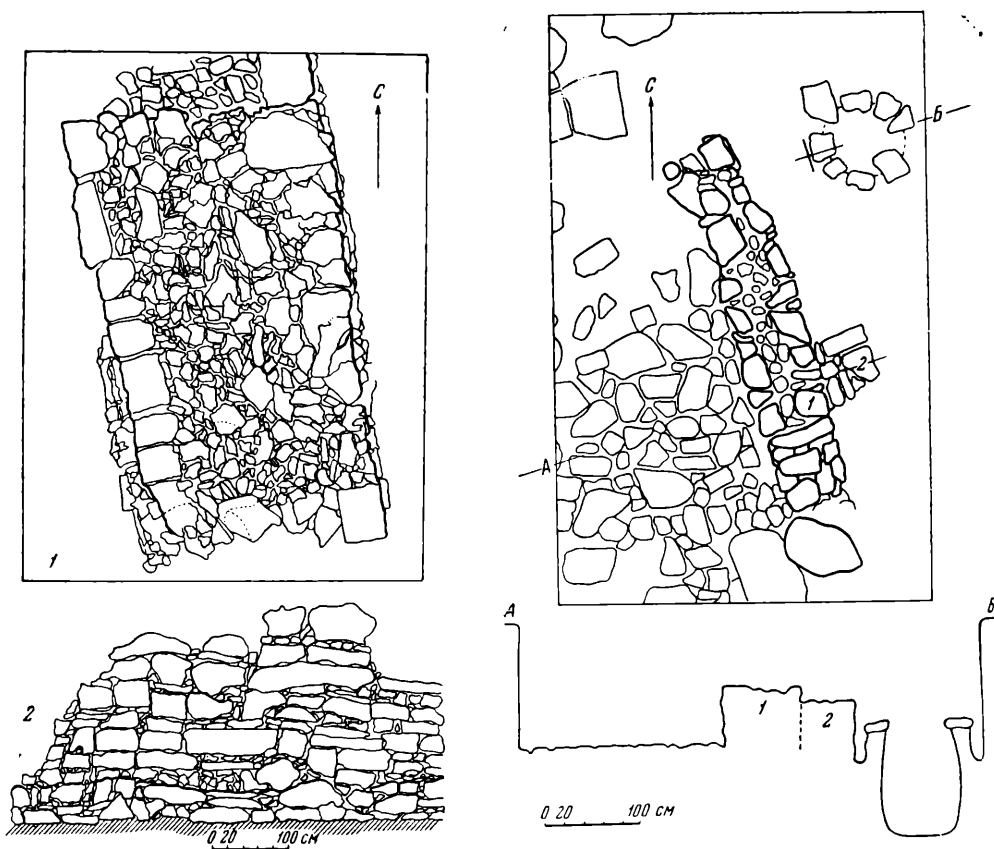

Рис. 34. Китей. Раскопы I и II.
 1 — план раскопа I, западная оборонительная стена; 2 — восточный фасад стены; 3, 4 — план и разрез раскопа II.

толщина ее — 3,4 м. Лицевая сторона стены сложена из облицовочных камней, внутренняя часть состоит из бута и глины. Облицовочные кладки стены сложены из совсем не обработанных или грубо отесанных камней различных размеров (от $0,25 \times 0,2 \times 0,15$ м до $1,2 \times 0,7 \times 0,5$ м). Промежутки между ними заполнены мелким битым камнем. Таким же камнем, несколько более крупным, забутовано и пространство между облицовочными кладками (рис. 34—1, 2).

Стена покоится на фундаменте или цоколе высотой 0,45—0,5 м, выступающем с востока на 0,15—0,2 м, с запада — на 0,25—0,3 м. Кладка его аналогична кладке стены, только камни несколько меньше размером. Подошва цоколя обнаружена на глубине 2,85 м. Общая высота стены (вместе с цоколем) достигает 2,8 м. Под подошвой стены прослеживается прослойка желтого суглинка толщиной 6—8 см (в некоторых местах она достигает 15 см), почти без вещественных остатков; ниже идут культурные отложения, граница которых выявлена на глубине 3,7 м. От материка — естественного выхода скалы на глубине 4,1 м — они отделялись прослойкой плотного желтого суглинка (без находок) толщиной около 0,4 м.

Нижний культурный слой — довольно плотный серо-желтый суглинок с небольшими примесями золы — начинается, таким образом, на глубине 3,7 м от дневной поверхности, т. е. на 0,8 м ниже подошвы стены. Этот слой толщиной до 1,5 м заканчивается на глубине около 2,2 м, сопровождая цоколь стены до верхнего его уровня. Датируется нижний слой обломками эллинистических амфор — синопских, родосских, фасосских, боспорских и из других центров, фрагментами чернолаковых и других сосудов. Так, под подошвой стены (точнее, под прослойкой желтого суглинка) обнаружен обломок ручки синопской амфоры с астиномным клеймом *Μικρὸν τοῦ/Πυθιοῦ* / *Κτήσωυ*; эмблема — виноградная гроздь.

При зачистке цоколя найдены два других обломка ручек: 1) синопской амфоры с близким первому по времени клеймом *ἀστὶνόμεον/Μαυτίθεου/τοῦ* *Πρωταγύρου*; эмблема — бескрылый сфинкс вправо⁵, и 2) родосской — с клеймом *[ἐπὶ Ἀ]ριστοῦ* *ἰδὲ Πανύμου* вокруг цветка граната. Остальной мате-

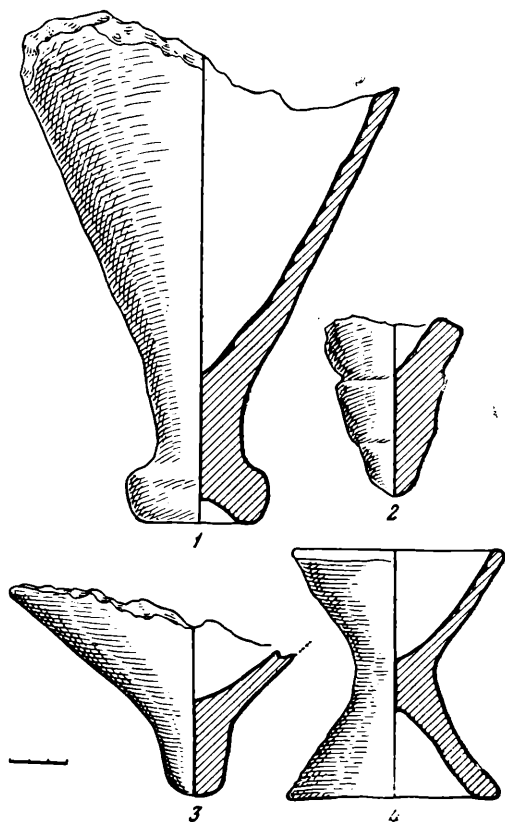

Рис. 35. Керамика из раскопок в Китее.

1 — ножка херсонесской амфоры; 2 — ножка амфоры с двухствольными ручками; 3 — ножка амфоры из ямы IV в. н. э.; 4 — лепной светильник.

⁵ Б. Н. Граков относит оба синопских клейма к VI группе — 120—70 г. до н. э. (Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 150, № 34 и стр. 149, № 29).

риал нижнего слоя — и привозной, и местный, боспорский (в частности, обломки доньшек чернолаковых и краснолаковых тарелок на кольцевидной ножке с двумя рядами насечек, фрагменты «рыбных блюд», синопских лутериев, синопской и боспорской черепицы и др.), — не противоречит датировке этого слоя II—I вв. до н. э. Есть и единичные находки более раннего времени, например ножка херсонесской амфоры III в. до н. э. (рис. 35—1).

На глубине около 2,2 м описанный слой сменяется другим — более серым по цвету и рыхлым суглинком с обилием золы, щебенки и камней. Толщина слоя — до 1,7 м. На глубине 0,5 м он переходит в почву. Нижние его горизонты, сопровождающие стену от верхнего уровня цоколя на высоту около 0,4 м, содержали в основном материал I в. н. э. Характерны находки обломков светлоглиняных амфор с желудевидными ножками и двустольными ручками (рис. 35—2), а также краснолаковых тарелок с отвесным бортиком, на низкой кольцевидной подставке. С внутренней стороны доньшка заметны концентрические врезанные круги. Тарелки такого типа найдены в Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке и других боспорских центрах⁶.

Вся остальная (верхняя) часть слоя насыщена фрагментами керамики, относящейся к более позднему времени. Здесь встречались обломки больших позднебоспорских амфор со светлой обмазкой, с круглыми или овальными в сечении ручками⁷, желобчатых амфор с реберчатыми ручками, типа найденной в Мирмекии в 1938 г.⁸ Попадались фрагменты и привозных узкогорлых амфор IV в. н. э. из крупнозернистой глины коричневого цвета с большим количеством черных включений; эти амфоры аналогичны обнаруженной в Тиритаке на полу помещения IV⁹. Следует отметить фрагменты чашек без покрытия, со скошенным бортиком, который украшен рядами насечек, нанесенных зубчатым штампом¹⁰. Лепная и изготовленная на гончарном круге посуда — лощеная и без лощения — представлена обломками горшков, мисок и кувшинов, широко распространенных в поздних слоях других боспорских городищ. Например, встречен обломок стенки серолощенного, сделанного на круге, сосуда с орнаментом из сеточки, нанесенной лощением, очень близкого кувшину из Тиритаки, датируемому IV в. н. э.¹¹

Почвенный слой (толщиной около 0,5 м) содержал смешанный материал. Однако для него были характерны обломки амфор V—VI вв. н. э. с густорифленой поверхностью, типа найденных при раскопках в Херсонесе¹².

Стратиграфия культурных напластований, выявленная при открытии западной оборонительной стены, очень близка тому, что было обнаружено Ю. Ю. Марти при исследовании восточной оборонительной стены¹³. Однако в восточной части укрепление города состояло из двух стен: внутренней, IV—III вв. до н. э., и внешней, построенной в более позднее

⁶ См. Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры. МИА, № 25, 1952, стр. 299, рис. 2, 1—4.

⁷ И. Б. Зеест. К вопросу о боспорских амфорах. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 162.

⁸ О. Э. Лангова. Позднеримская амфора из Мирмекии. СА, VII, 1941, стр. 121, рис. 150, 2.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 121, рис. 150, 2.

¹⁰ Ср. Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 319, рис. 13.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 116, рис. 142.

¹² Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопка 1940 г.) МИА, № 34, 1953, стр. 119, рис. 10, а.

¹³ Ю. Ю. Марти. Раскопки..., стр. 120.

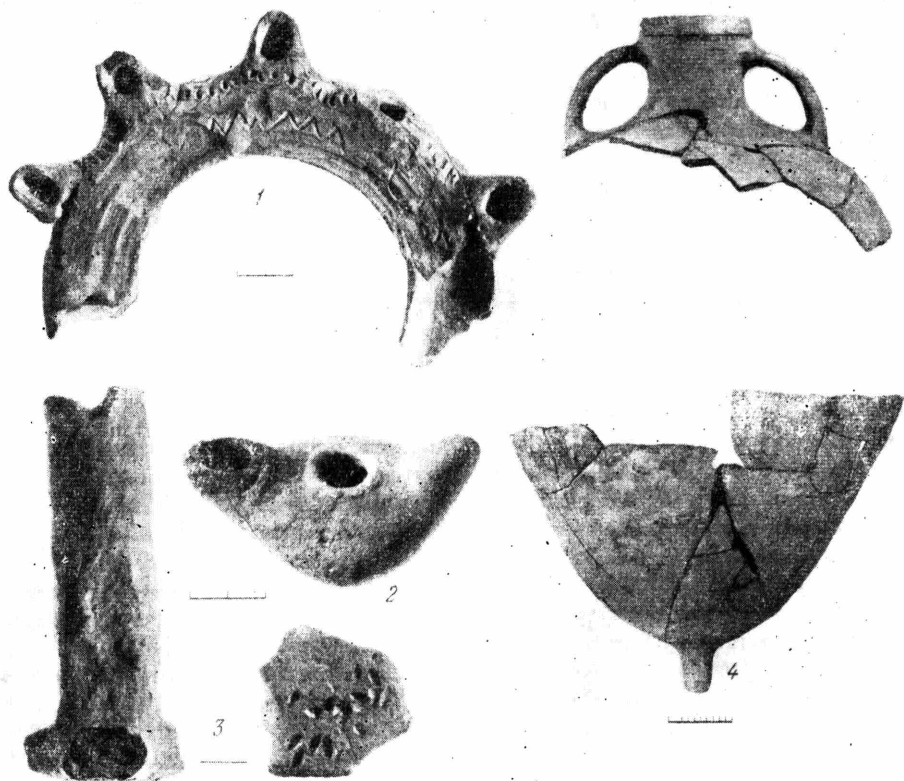

Рис. 36. Керамика из раскопок в Китее.

1 — лепной многорожковый светильник; 2 — лепной светильник из ямы IV в. н. э.; 3 — лепная подставка (вид сбоку и снизу); 4 — амфора из ямы IV в. н. э.

время¹⁴. Западная линия укреплений, — во всяком случае, на открытом участке, — состоит из одной стены, сооруженной, как можно судить по стратиграфическим данным, не ранее I в. н. э. Возможно, что западная стена возведена одновременно с внешней восточной. В I в. н. э., с наступлением экономического оживления в Боспорском государстве, начались усиленное строительство в его городах, восстановление и перестройка оборонительных стен, сооружение новых. Возникли города-крепости, например Илурад. Его внутренняя оборонительная стена, возведенная в I в. н. э.¹⁵, по типу кладки близка западной стене Китее.

Раскоп II (площадь 26 кв. м) разбит также у обрыва в восточной части городища (рис. 34—3, 4), к западу от круглого здания, обозначенного на плане Ю. Ю. Марти. Здесь, на глубине 0,7 м, вскрыта кладка 1 (южный край ее был виден в обрыве), направленная с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Длина сохранившейся ее части — 4,6 м, ширина — 0,8 м. Сложена она на глине, из необработанных или грубо отесанных камней, в южной части в 3 ряда, в северной — в 2 ряда с промежуточной забутовкой. Размеры лежащих по краям камней — от $25 \times 18 \times 12$ см до $40 \times 35 \times 20$ см. Наибольшая сохранившаяся высота 6 рядов — 0,8 м. На расстоянии 0,95 м от южного края кладки, с восточной ее стороны и перпендику-

¹⁴ Там же, стр. 123 и сл.

¹⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурад. СА, XIII, 1950, стр. 193.

лярно к ней вскрыта кладка 2, сложенная впереплет с первой; длина ее — всего 0,55 м, высота — 0,62 м. Заканчивается кладка 2 двумя рядами тесаных камней, размерами 0,45×0,3×0,25 м. Возможно, что здесь был дверной проем. Однако в борту раскопа, находящемся на расстоянии 0,7 м от этой кладки, продолжения ее не наблюдалось. Подошва обеих кладок находится на одной глубине — 1,5 м и покоится на культурном слое с едва заметной прослойкой глины. На глубине 1,3 м от дневной поверхности с западной стороны к кладке 1, почти на всем ее протяжении, примыкает вымостка, которая уходит под западный борт раскопа, а в средней части сильно выбрана. Состоит она из плит неправильной формы, разных размеров (в среднем 0,4×0,3×0,1 м), среди которых встречаются хорошо отесанные плитки, сложенные на тонкой подстилке из песка, прямо на культурном слое.

Материал, сильно перемешанный в верхних горизонтах, на глубине 0,75—0,8 м становится однородным. Он сопровождает и кладки, и вымостку. Это обломки амфор III—IV вв. н. э. отмеченных выше типов, а также узкогорлых светлоглиняных амфор, простых кувшинов с воронкообразным горлом, встречающихся в Илурате; кухонных сосудов, сделанных, как правило, на гончарном круге; лепных горшков и мисок с ручками, прямоугольными в сечении, и ребрами по бокам. Следует отметить массивную ручку лепного сосуда с налетом и грубо нанесенным орнаментом в виде елочки. Найдены также фрагменты стеклянных сосудов; среди них — венчик, аналогичный венчику трехручной чаши со сферическим дном (IV в. н. э.) из раскопок Тиритаки¹⁶. Краснолаковая посуда представлена обломками чашек и тарелок с едва заметно выраженными кольцевидными поддонами, чашек без покрытия или со слабым покрытием, со скошенным бортиком, украшенным насечками, и др. На вымостке обнаружены рыболовное каменное плоское грузило и костяные иглы для плетения сетей, тождественные илуратским.

При зачистке подошвы кладки 1 с восточной стороны, среди прочего материала, обнаружен фрагмент кольцевидного светильника с 5 рожками, вылепленного из светло-оранжевой глины; по верхней части кольца нанесен орнамент в виде зигзагообразной линии (рис. 36—1). У подошвы кладки 2 найдены другой лепной светильник, похожий на воронкообразную чашку на воронкообразной же ножке (рис. 35—4), и лепная поделка неизвестного назначения — уплощенный стержень с обломанным отверстием на одном конце (по-видимому, верхнем); второй конец завершается площадкой треножника с обломанными в древности рожками (?). На нижней плоскости треножника видны глубокие отпечатки зерен пшеницы (рис. 36—3). Там же были найдены два лепных колесика, аналогичных обнаруженным в яме помещения III при раскопках Мирмекия¹⁷.

При углублении западной части раскопа под вымосткой, на глубине около 1,7 м, залегал материал, датируемый, главным образом, I в. н. э.: обломки краснолаковых тарелочек с отвесным бортиком, амфор с желудевидной ножкой, реберчатых ручек красноглиняных кувшинов и др. На глубине около 2,2 м этот комплекс сменился более ранним — III—I вв. до н. э. с единичными находками, относящимися к более позднему времени, например краснолаковыми тарелочками на кольцевидной ножке, с врезанными концентрическими линиями на внутренней поверхности доньшка. Среди немногочисленных находок отметим здесь обломки амфор боспорских, фасосских, синопских, херсонесских, гераклейских (III в. до н. э.) и из других центров, боспорской и синопской черепицы, простых «рыбных

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки..., стр. 117, рис. 146.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 166, рис. 56.

блюд», лутериев и др. Один фрагмент флакончика с высоким узким горлом и характерно срезанным венчиком, украшенный коричневыми кольцевидными полосками¹⁸, был среди целой группы обломков чернолаковых киликов, чашек, канфаров и другой посуды, относящейся к III—II вв. до н. э. Материал этого периода количественно уменьшался по мере углубления до 3 м. На глубине 3,5 м залегала материковая скала.

Таким образом, обе кладки и вымостка должны быть отнесены к одному времени — приблизительно к концу III в.—IV в. н. э.

По-видимому, с этим жилым комплексом связана и яма в северо-восточной части раскопа. Под завалом камней на глубине 1,1 м обнаружена ее горловина, обложенная одним рядом необработанных камней, размером в среднем 0,3—0,2 м. Яма цилиндрической формы, со стенками, закругляющимися ко дну и слегка суживающимися у верхнего края, была вырыта в культурном слое. Наибольший диаметр ее — 0,8 м, глубина — 1,1 м. Почти всю яму занимала раздавленная землей массивная амфора с округленными раздутыми боками, широким горлом и реберчатыми ручками (рис. 36—4). Глина амфоры, видимо, боспорская — тусклого темно-розового цвета, с редкими включениями песка и слюды и крупных известковых частиц, образующих пустоты; однако наряду с крупными включениями известки, характерными для боспорской глины, было много и мелких.

Амфора была заполнена рыхлой землей, в которой найдено несколько предметов: лепной закрытый светильник с сосцевидным отростком вместо ручки (рис. 36—2), аналогичный обнаруженному в квартале XVIII в Херсонесе¹⁹; бронзовый и 5 железных гвоздей с четырехгранным стержнем (длина — 6—10 см); глиняное биконическое пряслице; ножка небольшой амфоры (рис. 35—3); фрагмент красноглиняного широкодонного сосуда и обломок краснолаковой тарелочки со слабо выраженной кольцевидной подставкой, украшенной рядом мелких насечек на доньшке и нацарапанной буквой на его оборотной стороне.

Находок, кроме нескольких мелких костей и угольков, в самой яме больше не было. Судя по находкам в амфоре, яма была одновременна кладкам 1 и 2 и вымостке. В пользу их синхронности свидетельствует еще одна важная деталь. На глубине 1,1—1,25 м в южной и юго-восточной частях раскопа замечены следы пожара. В грунте выявлены прослойка золы с углями, обожженные куски дерева, обгоревшие фрагменты керамики. Обожженными и покрытыми золой оказались также некоторые камни вымостки и нижние части кладок 1 и 2. Пожар коснулся и ямы; камни ее горловины и верхняя часть стенок тоже обгорели. Более того, в предполагаемом дверном проеме у кладки 2 найдены 2 горла с ручками от двух амфор, совершенно подобных обнаруженной в яме (у одной диаметр устья был еще больше — 21,2 см), причем оба обломка были обожжены. Пожар произошел, по-видимому, в конце жизни вскрытого комплекса, поэтому и амфоры того же типа, что и амфора, найденная в яме, должны быть отнесены к IV в. н. э.

Тот факт, что этот тип пока не встречался в слоях других боспорских городищ, доживших до III в. н. э., а также некоторые отмеченные особенности глины, может быть, говорят не только о поздней дате амфор, но и позволяют поставить вопрос об их местном, китейском происхождении. Точно определить назначение кладок, вымостки и ямы пока невозможно — раскрытая площадь слишком мала. Можно предположить, что вымостка — остаток двора, а кладки 1 и 2 составляли угол подвального

¹⁸ Аналогичный фрагмент ср.: Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 114, рис. 5 б.

¹⁹ Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.). МИА, № 34, 1953, стр. 192, рис. 41 (средний в нижнем ряду).

помещения со входом с юга и ямой, выкопанной, вероятно, специально для амфоры. Во всяком случае, находки обгорелых кусков дерева сосредоточивались внутри предполагаемого помещения.

Раскоп III (4×4 м) был заложен в 20 м от северо-западного угла раскопа II, в том месте, где на поверхности бугра выступал ряд крупных камней. Однако кладка обнаружена только на глубине 0,65 м. Она тянется на 4,7 м в направлении с юго-юго-запада на северо-северо-восток; ширина ее — 1,1 м. Кладка хорошей сохранности и сложена с лицевых сторон из крупных камней, а в средней части забутована. Верхняя часть кладки сопровождалась материалом III—IV вв. н. э. и изредка — более ранним. Здесь найдены несколько кусков штукатурки ярко-красного и оранжевого цвета, обломки оконного стекла и черепицы.

Разведочные работы на городище Китей в 1957 г., несмотря на их малый объем, позволили уточнить последовательность культурных напластований городища, время и характер его оборонительных сооружений, исследовать, хотя бы частично, жилые комплексы. Вместе с тем стала очевидной необходимость срочной организации более широких раскопок прибрежной полосы городища Китея, которая подмывается морем и обречена на гибель.

М. М. КУБЛАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В РАЙОНЕ КОП-ТАКИЛЯ

В 1956 г. Боспорская археологическая экспедиция, возглавляемая В. Ф. Гайдукевичем, вела археологическое изучение юго-восточной оконечности Керченского полуострова. Разведочный отряд экспедиции, руководимый автором данной заметки, обследовал район, граница которого проходит по линии: юго-восточная оконечность Тобечикского озера — Чорелек — Кызаул — Китей — Тобечикское озеро.

Во время разведок выявлено и обследовано 8 поселений (рис. 37). Собранный подъемный материал открывает некоторые возможности для их датировки. Наибольшее количество находок относится к эллинистической эпохе, однако на некоторых поселениях встречаются материалы и более ранние, представленные, главным образом, обломками венчиков пухлогорлых хиосских амфор VI—V вв. до н. э. (поселения № 1, 5, 6), и поздние, состоящие из фрагментов амфор VIII—IX вв. н. э. (поселение № 7).

Кремневые отщепы, кремневый отбойник, нуклеус, обломок каменного молота, встреченные вместе с античным материалом (поселения № 3, 5, 6 и 8), а также отдельные находки мелких фрагментов керамики доантичных форм позволяют предположить, что нижние слои некоторых поселений восходят к более раннему времени, чем VI в. до н. э.

Среди подъемного материала большинство находок составляют обломки амфор — местных и привозных. Кроме упоминавшихся выше хиосских амфор VI—V вв. до н. э., можно назвать гераклейские, фасосские, синопские — IV—II вв. до н. э. Встречаются фрагменты эллинистической привозной чернолаковой керамики, в частности «рыбных блюд». Собрано небольшое количество черепицы. Лепная керамика попадалась редко.

Обследованные поселения, за исключением одного (№ 7), находятся не на берегу моря, не укреплены и в ряде случаев расположены в местностях, прикрытых с трех сторон небольшими возвышенностями, образующими как бы естественный амфитеатр, обращенный к югу.

Судя по подъемному материалу, рассеянному на большой территории, поселения обширны. Наибольшее количество керамики встречается в местах развалов каменных зданий, отстоявших друг от друга на сравнительно большом расстоянии. На отдельных поселениях удалось выявить, что культурный слой между такими развалами очень тонок и беден находками, вероятно, в результате запашки. Все это побуждает высказать предположение, что на некоторых из этих поселений возделываемая земля,—

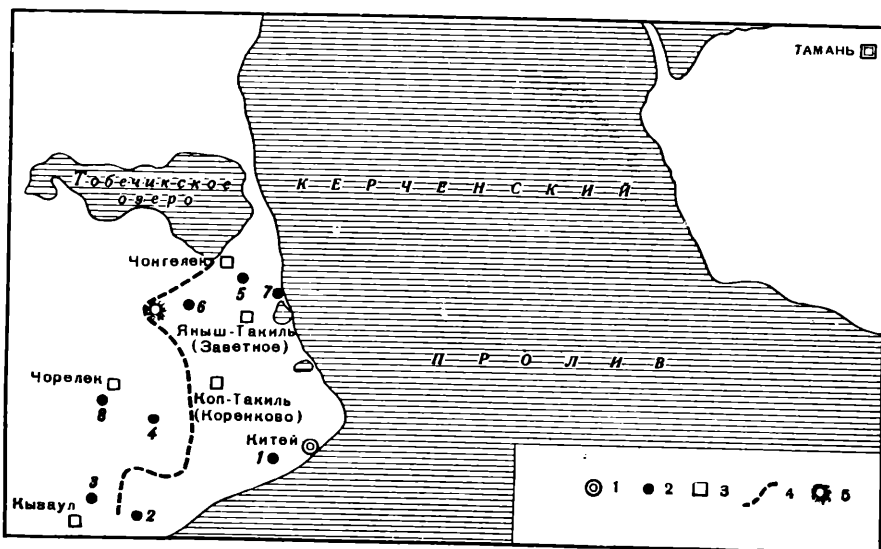

Рис. 37. Археологическая карта древних поселений в районе Коп-Такиля.
 1 — древний город Китей; 2 — древние поселения; 3 — современные населенные пункты; 4 — следы земляного вала; 5 — Красный курган.

может быть, виноградники, — примыкала к дому-усадебке. Известный интерес может представить район между Яныш-Такилем и Чонгелеком, где на невысоком плато с хорошими каштановыми почвами расположено очень большое поселение или, возможно, несколько примыкающих друг к другу. Весьма примечательно, что в настоящее время на одной части этой территории заложены виноградники.

Заслуживает внимания береговое поселение к северу от соленого озера у Яныш-Такиля (№ 7). Здесь, в береговом обрыве, обнаружен культурный слой, в толще которого видны торцы двух мощных стен. Они сложены из больших обработанных известняковых квадров. Ширина стен — около 2 м, расстояние между ними — 2,8 м. Обломок чернолакового «рыбного блюда», вкрапленный в видимую часть основания одной из стен, датирует их эпохой эллинизма. Примыкающее к поселению соленое озеро (отделенное сейчас от моря лишь узкой пересыпью) в древности могло быть морским заливом, и можно предположить, что само поселение было портовым, а замеченные в насыпи каменные стены, выходящие к самой воде, — остатками каких-то портовых или крепостных сооружений. В верхних горизонтах культурного слоя, по-видимому, находится средневековый некрополь.

При обследовании района Китея выявлены некоторые памятники мегалитического облика. Среди них наиболее интересен каменный полукруг (или разрушенный круг) из больших дикарных камней, в котором обнаружен грубо обработанный камень кубической формы, с глубокой, несомненно искусственно сделанной выемкой на одной из его плоскостей. Длина его — 1,1 м, ширина — 0,9 м, высота — 0,8 м, диаметр выемки — 0,4—0,45 м, глубина ее — 0,35 м. Положение этого каменного куба позволяет предположить, что он первоначально стоял на одном из врытых в землю камней кромлеха и, вероятно, имел культовое значение (жертвенник?).

По сведениям, сообщенным местными жителями и в некоторой степени подтверждающимся разведками, часть обследуемого района была ограждена ныне почти полностью уничтоженным земляным валом, который тя-

нулся от юго-восточной оконечности Тобечикского озера до Черного моря (на рис. 37 он обозначен пунктиром). Однако никаких данных для датировки и для выяснения его отношения к обследованным поселениям обнаружить не удалось.

*Краткое описание древних поселений
Района Коп-Такиля, обследованных в 1956 г.*

Поселение № 1. Расположено к юго-западу от Китея на некотором удалении от берега. Подъемный материал рассеян на большом пространстве. Попадаются следы строений — развалы камня, остатки черепицы. Культурный слой неглубок. Среди находок встречены обломки пухлогорлых хиосских амфор, венчик амфоры с энглифическим клеймом, синопская амфорная ручка с клеймом, дно красноглиняного бальзамария, рюмкообразное амфорное донышко. Материал датируется VI-V—III вв. до н. э.

Поселение № 2. Находится к востоку от Кызаула, на расстоянии $1\frac{1}{2}$ —2 км от береговой линии. Оно также неукрепленное и расположено на местности, с трех сторон огражденной невысокой грядой холмов и открытой на юг. Благодаря южному наклону эта территория удобна для земледелия и интенсивно эксплуатируется. Подъемный материал встречается на обширной площади радиусом 400—500 м, но культурный слой и здесь тонкий. Среди находок можно отметить фрагменты черепицы, обломок пирамидального глиняного грузила, фрагмент красноглиняного «рыбного блюда», донышки фасосских и гераклейских амфор. Материал датируется III—II вв. до н. э.

Поселение № 3. К северо-востоку от Кызаула на южной оконечности плавного склона (слева от лощины, через которую перекинут старый, ныне бездействующий железнодорожный мост) расположено большое открытое поселение. Вся местность напоминает амфитеатр, открытый к югу. На ныне распаханном поле много керамики, развалы камней. Контуры поселения не улавливаются. Подъемный материал рассеян на площади приблизительно в 20 га. Среди находок — обломок кремневого отбойника, вероятно, эпохи поздней бронзы, обломок чернолакового сосуда, ручки и днища синопских амфор, фрагмент красноглиняного лутерия. Подъемный материал, таким образом, включает находки разновременные — от доантичного периода до III—II вв. до н. э.

Поселение № 4. Обнаружено к юго-западу от Коп-Такиля (слева от дороги на Кызаул). Среди распаханного поля — открытого и ровного места — выделяется островок целины площадью примерно в 1— $1\frac{1}{2}$ га. Этот участок остался нераспаханным из-за выходящих на поверхность камней — остатков фундаментов древних строений; развалы камней встречаются поблизости и на вспаханном поле вместе с некоторым количеством подъемного материала. Среди находок — фасосская амфорная ручка с клеймом, обломки черепицы, донышки синопских амфор. Найденный материал датируется IV—II вв. до н. э.

Поселение № 5. Расположено к северу от Яныш-Такиля на невысоком плато с хорошими каштановыми почвами. Здесь на очень обширном пространстве, многократно пахавшемся, рассеяны островки культурных наслоений и развалы камней, представляющие собой остатки строений. Среди подъемного материала — кусочки кремневых отщепов эпохи бронзы, венчик плохо обожженного сосуда с насечкой по верхнему краю, глиняный обломок с орнаментом в виде вдавленных кружочков (который, по-видимому, относится к местной керамике доантичных форм), фрагменты пухлогорлых амфор VI—V вв. до н. э., обломки чернолаковых «рыбных блюд», массив-

ные днища фасосских амфор, донышки синопских амфор, обломки красноглиняных лутериев, черепицы и др. Найденный материал может датироваться временем от эпохи поздней бронзы до II в. до н. э.

Поселение № 6. Находится к востоку от так называемого Красного кургана — массивного выхода скальных пород, высоко возвышающихся над всем районом. Здесь на распаханном поле подобраны небольшие отщепы светлого кремня, кремневый нуклеус, фрагмент каменного молота, большое количество фрагментов амфорных стенок, ручек и венчиков. В целом материал должен быть отнесен ко времени от эпохи поздней бронзы до III—II вв. до н. э.

Поселение № 7. Обнаружено к северо-востоку от Яныш-Такиля. Другие рассмотренные выше поселения, по-видимому, не были особо связаны в своей хозяйственной деятельности с морем, на что указывает уже само их местоположение. Поселение № 7 расположено у самой воды, в непосредственной близости к древней бухте (ныне отрезанной от моря узкой песчаной пересыпью). В береговом обрыве, насыщенном довольно значительным культурным слоем, хорошо просматриваются торцы двух мощных стен, идущих параллельно друг другу. Видимое основание их находится на уровне воды. Дно чернолакового «рыбного блюда», извлеченное из кладки одной из стен (на уровне воды), дает первый ориентир для датировки. Над этими строительными остатками в части берегового обрыва обнаружено большое количество раздавленных круглодонных ребристых амфор с вытянутым туловом, датируемых VIII—IX вв. н. э. В некоторых из них найдены отдельные человеческие кости, видимо детские.

Поселение № 8. Расположено вблизи Чорелека. Среди подъемного материала можно отметить фасосские и синопские амфорные ручки, фрагменты чернолаковых сосудов, обломок светильника и др. Датировается этот материал IV—III вв. до н. э.

П. Д. ЛИБЕРОВ

РАЗВЕДКИ В ПОЙМЕ РЕКИ ОСКОЛ¹

В 1955 г., в связи со строительством Красно-Оскольского водохранилища, Северо-Донецкий отряд Донской экспедиции ИИМК обследовал археологические памятники в пойме р. Оскола по обоим берегам его, от с. Красный Оскол до с. Пристин.

Пойма Оскола в этих границах была мало исследована. В литературе известны только отдельные упоминания. Так, в период подготовки к XII Археологическому съезду было произведено предварительное обследование памятников Х. И. Поповым; он сообщил, что «на всем протяжении левого низменного берега реки Оскола тянется ряд курганов, прерываемых иногда городищами»². Эти данные, вероятно, и послужили основанием для составления археологической карты Д. И. Багалея. На карте Д. И. Багалея мы, действительно, видим много курганных групп по левой стороне р. Оскола и кое-где на высоком правом берегу; они отмечены и нашей экспедицией (села Комаровка и Радьковка). Там же указаны два городища: одно — на правом берегу, у с. Гороховатка, другое — на левом берегу, напротив с. Радьковка. В 1900—1901 гг., также в связи с подготовкой к XII Археологическому съезду, Е. Мельник проводила раскопки курганов на правой стороне р. Оскола у г. Купянска (4 кургана) и в окрестностях с. Воронцовка (8 курганов)³. В курганах, как правило, были погребения, относящиеся к катакомбной и, по-видимому, срубной культуре, и ни одного, датированного скифским временем.

В 20-х годах разведками на р. Осколе более основательно занимался Н. В. Сибилев (Изюмский краеведческий музей). Им открыто несколько групп поселений и собран подъемный материал в окрестностях Гороховатки, Радьковки и Красного Оскола⁴. Несколько позднее большую работу

¹ В работе экспедиции участвовали: младший научный сотрудник Т. В. Равдина, лаборанты И. Б. Николаева, Н. А. Красновская и А. П. Панченко. Активное участие в работе отряда приняли также директор Изюмского краеведческого музея А. В. Банников и доцент Харьковского университета Б. А. Шрамко, чем в значительной степени ускорили работу. Приношу им глубокую благодарность.

² Сообщение Х. И. Попова о древностях г. Купянска. См. Тр. Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902 (приложение к протоколу 11-го заседания).

³ Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 гг. Тр. XII, АС, т. I, 1905; е е же. Дневник раскопок. Там же.

⁴ Н. В. Сибилев. Археологические разведки в бассейне Дона в 1920—1924 гг. Доклад в Российской академии истории материальной культуры и в Московском археологическом научно-исследовательском институте в декабре 1924 г. Древности Изюмщины, Изюм, 1926.

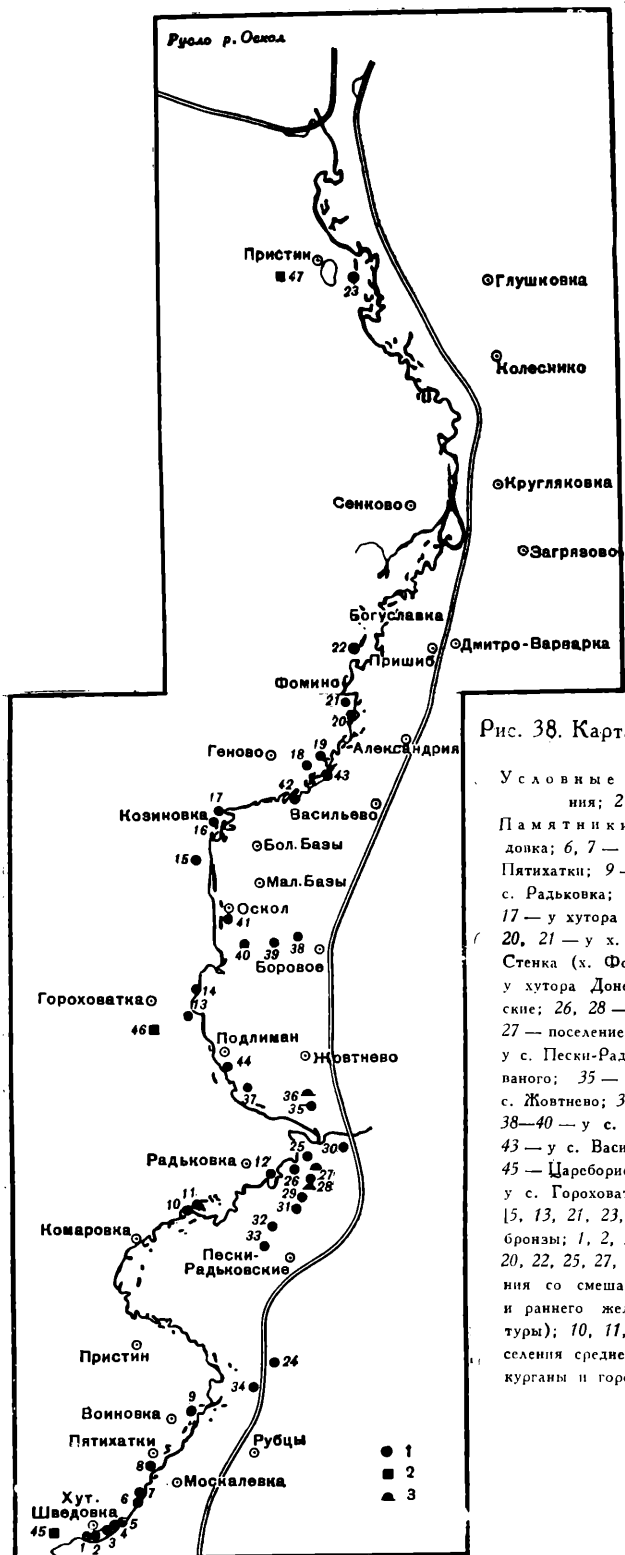

Рис. 38. Карта расположения памятников в пойме р. Оскола.

Условные обозначения: 1 — поселения; 2 — городища; 3 — курганы

Памятники: 1—5 — поселения у хутора Шведовка; 6, 7 — у хутора Москалевка; 8 — у хутора Пятихатки; 9 — у хутора Войновка; 10—12 — у с. Радьковка; 13, 14 — у с. Гороховатка; 15—17 — у хутора Козиновка; 18, 19 — у с. Геново; 20, 21 — у х. Фомино; 22 — у совхоза Лесная Стенка (х. Фомино); 23 — у с. Пристин; 24 — у хутора Донецкого; 25 — у с. Пески-Радьковские; 26, 28 — курганы у с. Пески-Радьковские; 27 — поселение у с. Пески-Радьковские; 29—33 — у с. Пески-Радьковские; 34 — у хутора Несподиваного; 35 — у с. Жовтнево; 36 — курганы у с. Жовтнево; 37 — поселение у дер. Павлюковка; 38—40 — у с. Боровое; 41 — у с. Оскол; 42, 43 — у с. Васильево; 44 — у хутора Сегуново; 45 — Царьборисовское городище; 46 — городище у с. Гороховатка; 47 — городище у с. Пристин

15, 13, 21, 23, 30, 32, 41, 43 — поселения эпохи бронзы; 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 25, 27, 29, 31, 33, 34, 37, 38, 39 — поселения со смешанным материалом — эпохи бронзы и раннего железа (и отчасти салтовской культуры); 10, 11, 12, 19, 24, 35, 40, 42, 44 — поселения средневековые; 26, 28, 36, 45, 46, 47 — курганы и городища.

по обследованию памятников р. Оскола и среднего течения Северного Донца проводил Д. Я. Телегин, интересы которого определялись, главным образом, памятниками каменного века⁵.

Обратимся к результатам наших исследований. До затопления поймы р. Оскола была богата лесами и имела широкую луговую террасу. Сама река еще в недавнем прошлом была более многоводна и изобиловала рыбой. Эти благоприятные условия привлекали сюда людей с глубокой древности.

В результате обследования поймы р. Оскола и ближайшей затопляемой и подтопляемой надлуговой террасы обнаружено 41 поселение эпохи бронзы и раннего железа; из них на правом берегу — 23 и на левом — 18 поселений (рис. 38). Курганные группы были встречены не только на высоких местах, но и на поселениях (левого берега). На высоком правом берегу осмотрены 3 городища.

Изучение собранных на поселениях материалов показало, что обследованные нами памятники связаны с самыми различными культурами, начиная с эпохи бронзы и до эпохи средневековья. Поселения можно разделить на 3 группы.

К 1-й группе относятся памятники только эпохи бронзы (8 поселений): на правом берегу — поселение № 5 у хутора Шведовка (с. Красный Оскол, Изюмского района), поселение № 13 у с. Гороховатка (Боровского района), поселение № 21 у х. Фомино (Купянского района), поселение № 23 у с. Пристин (Купянского района); на левом берегу — поселения № 30 и 32 у с. Пески-Радьковские, № 41 у с. Оскол (Боровского района) и № 43 у с. Васильево (Боровского района).

2-я группа включает 24 поселения эпохи бронзы (отчасти, вероятно, также скифского времени и средневековья). К ней относятся на правом берегу поселения: № 1, 2, 3 и 4 у хутора Шведовка, № 6 и 7 у хутора Москалевка, № 8 у хутора Пятихатки, № 9 у хутора Войновка (Красно-Оскольского сельсовета), № 14 у с. Гороховатка (Боровского района), № 15, 16 и 17 у хутора Козиновка (Калиновского сельсовета Боровского района), № 18 у хутора Геново (Беленского сельсовета Купянского района), № 20 у с. Фомино, № 22 у совхоза Лесная Стенка; на левом берегу — поселения № 25, 27, 29, 31 и 33 у с. Пески-Радьковские (Боровского района), № 34 у хутора Несподиваного (Боровского района), № 37 у дер. Павлюковка (Боровского района). В этой группе керамика скифского времени обнаружена лишь на одном поселении № 1 у хутора Шведовка и, может быть, на поселении № 22 у совхоза Лесная Стенка.

3-я группа, включающая 9 поселений, относится (насколько позволяет судить материал) только к эпохе средневековья, начиная с салтовской культуры до времени Цареборисовской крепости, т. е. начала XVII в. Такие поселения обнаружены на правом берегу: № 10, 11 и 12 у с. Радьковка (Боровского района), № 19 у хутора Геново (Беленского сельсовета Купянского района); на левом берегу — поселение № 24 у хутора Донецкого (Краснолиманский район Сталинской области), поселение № 35 у с. Жовтнево (Боровского района), поселение № 40 у с. Боровое (Боровского района), поселение № 42 у с. Васильево (Боровского района) и поселение № 44 у хутора Сегуново, близ с. Жовтнево (Боровского района).

Для датировки поселений использован только подъемный материал (керамика). Особенно четко выделяется керамика эпохи бронзы — по орнаменту, цвету поверхности и особенно по структуре теста. В основной массе черепок в изломе — черного цвета.

Попытаемся дать характеристику отдельных поселений. Поселение № 1

---

⁵ Коллекции Д. Я. Телегина и отчасти Н. В. Сибилева находятся в Институте археологии АН УССР (Киев).

(хутор Шведовка) расположено на правом пойменном берегу, отдаленном от высокой надпойменной террасы несколько более низкой, отчасти болотистой луговиной. Здесь, кроме сбора подъемного материала, проведена шурфовка с целью выяснить стратиграфию и толщину культурного слоя. На поселении обнаружена керамика катакомбной культуры, украшенная сплошным шнуровым орнаментом (рис. 39—2), и, по-видимому, керамика бондарихинского типа⁶ (с прямыми или наклонными наколами по поверхности стенок сосуда и с валиком под венчиком), относящаяся к поздней бронзе (рис. 39—1).

Встречена также скифская керамика (рис. 39—3, 4), темная, серая или с желтоватым оттенком; глиняное тесто содержит примесь шамота, чего на Осколе в эпоху бронзы мы почти никогда не наблюдаем. Венчик заостренный; с наружной стороны его нанесен защитный орнамент. Проколы под венчиком, особенно характерные для лесостепной керамики, здесь почти отсутствуют или представляются грубым заимствованием (как показали раскопки этого поселения в 1956 г.)⁷. Наконец, обычна для этого поселения и особенно для поселения № 2, находящегося рядом, керамика салтовская (рис. 39—5).

На поселении № 8 (хутор Пятихатки), расположенном на пашне, смыкающейся с лугом, обнаружена керамика катакомбной культуры, украшенная шнуровым орнаментом (рис. 39—6), и многоваликовая керамика с защипами (рис. 39—7, 8), а также срубная (рис. 39—11) и салтовская (рис. 39—9, 10, 12).

Особенно интересно поселение № 9 (хутор Войновка) на невысоком надпойменном берегу, подмываемом вешними водами. Оно содержало почти исключительно керамику позднего периода срубной культуры. Это обычно баночные сосуды, иногда очень крупных размеров, с орнаментом в виде городков-треугольников, нанесенных штампом под венчиком, штампом «гребеночкой в елочку», рядами зерновидных ямок и др. (рис. 39—13—15), и без орнамента (рис. 39—17—19). Встречается и керамика с горизонтальным шнуровым орнаментом (рис. 39—16), который хронологически тяготеет к более раннему времени. Раскопки поселения в 1956 г. дали доказательства принадлежности его к эпохе поздней бронзы в ее срубном варианте; керамика острореберная здесь обнаружена в очень небольшом количестве⁸. Интересно, что на левом берегу р. Оскола у с. Рубцы, напротив хутора Войновка, оказалось другое поселение с материалом, главным образом, раннего периода срубной культуры, с обычной острореберной керамикой и значительным количеством керамики катакомбной культуры⁹.

На поселении № 22 (совхоз Лесная Стенка, х. Фомино) наблюдается то же. Здесь есть керамика, по-видимому, катакомбной (рис. 40—1, 2), срубной (рис. 40—3—7) и салтовской культур (рис. 40, 8—10). Найден хорошо обработанный пращевой камень (рис. 40—23).

Из группы поселений у с. Пески-Радьковские укажем только два (№ 29 и 32), где собран наиболее характерный материал: обломки керамики катакомбной (рис. 40—11—14), срубной (с гребенчатым штампом и округлым валиком под венчиком) (рис. 40—15—17) и салтовской (рис. 40—18—20) культур. Все поселения у с. Пески-Радьковские расположены на низкой (или иногда высотой в несколько метров) надпойменной террасе, отделенной от реки широким лугом, затопляемым в весеннее время.

⁶ Раскопки А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской в 1954 г. на р. Северном Донце, в урочище Бондариха. Материал хранится в Институте археологии АН УССР.

⁷ П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновка и Шведовка на р. Осколе. КСИА, АН УССР, вып. 10, 1960.

⁸ П. Д. Либеров. Указ. соч.

⁹ Это поселение исследовала в 1956 г. сотрудник Института археологии АН УССР Г. Т. Титенко, которая любезно ознакомила меня с материалами (хранятся в Институте археологии АН УССР).

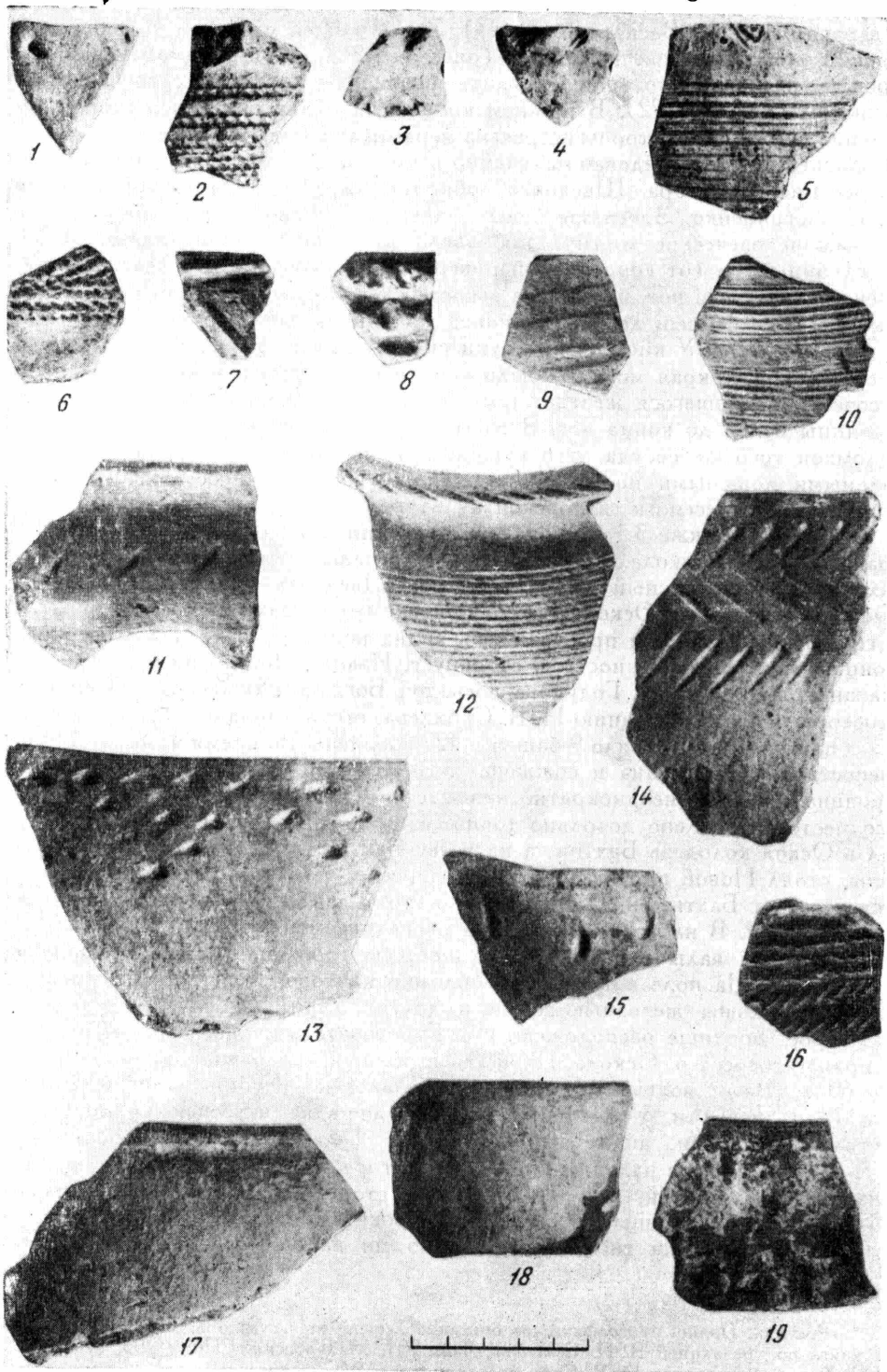

Рис. 39. Керамика с поселений в пойме р. Оскола.

1—5 — поселение № 1 у хутора Шведовка; 6—12 — поселение № 8 у хутора Пятихатки; 13—19 — поселение № 9 у хутора Войновка.

Наконец, упомянем еще одно поселение на левом берегу р. Оскола — в верхнем конце с. Васильево (№ 43). Здесь найден материал только эпохи бронзы — катакомбной культуры (рис. 40—21) и, по-видимому, поздней бронзы, насколько позволяют судить фрагменты керамики с гребенчатым штампом (рис. 40—22). В нижнем конце этого села оказалось второе поселение (№ 42), на котором встречена керамика только салтовского времени.

Экспедицией доследовано случайно вскрытое и наполовину разрушенное погребение у хутора Шведовка, обнаруженное в 1954 г. колхозником П. С. Логвиненко. Здесь мы нашли часть обломков сосуда, выброшенные из ямы человеческие кости и произвели зачистку на площади $2 \times 0,5$ м до глубины 1 м (от современной поверхности косогора). От скелета остались только кости ног, часть таза и костей левой руки. Судя по расположению их, погребенный лежал на спине, головой на запад; руки были вытянуты вдоль тела. У кисти левой руки оказался кусок красной охры. Около левого бедра, у края могилы, было темное пятно тлена, в котором найден кусочек окислившегося железа; темная подстилка в виде тлена лежала от середины бедер до конца ног. В засыпке могилы встречено еще несколько обломков того же сосуда. Это кувшин с одной ручкой и двумя горизонтальными лощеными полосками на тулове. По форме сосуда погребение может быть отнесено к салтовской культуре.

Осмотрены также 3 городища, расположенные на очень высоких местах правого берега Оскола. Одно из них под названием «Цареборисовское», находится у с. Красный Оскол и хутора Шведовка (№ 45) на высоком мысу, образуемом р. Осколом и его притоком — р. Бахтыной (см. рис. 38). С городища на далеком пространстве видна пойма р. Оскола и Северного Донца и вся возвышенность в сторону г. Изюма. Построено оно было по указанию царя Бориса Годунова воеводой Богданом Бельским и Семеном Алферовым¹⁰. По описанию Н. В. Сибилева, стены городища были длиной в 379 сажен; на них стояло 9 башен и 127 городень. Во время чумы в 1719 г. крепость была взорвана и сожжена¹¹. В «Книге Большому Чертежу» это городище-крепость неоднократно называется «Новым царевым городом»¹². Его место определено довольно точно: «А ниже Банища (озеро — П. Л.) пал в Оскол колодезь Бахтин; а на устье Бахтина колодезя с вышняя стороны, стоял Новой царев город»¹³. Интересно, что речка Бахтина называется и сейчас Бахтыной. По ее течению стоят два села — Верхний и Нижний Бахтын¹⁴. В настоящее время на распаханной площади сохранились еле заметные валы и рвы и только в обрыве горы еще можно наблюдать остатки рва. На поле встречаются обломки круговой керамики, кости животных; найдены железные замки и другие вещи.

Второе городище расположено у с. Гороховатка, также на высоком мысу правого берега р. Оскола. Площадь городища квадратная, со сторонами 50—60 м. Валы возвышаются незначительно, но глубина рва достигает 2 м (западного) и 3 м (южного). На площадке встречаются обломки круговой керамики, аналогичной керамике Цареборисовского городища.

Третье городище находится на высокой горе у с. Пристин. Гора ограничена глубокой балкой, которая с южной стороны спускается к центру с. Пристин. С городища открывается широкий обзор поймы и дальше — за ее пределами. На городище не было ни валов, ни рвов; стены его

¹⁰ «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией В. П. Семенова. Том VII, Малороссия. СПб., 1903, стр. 283.

¹¹ Дневники и записи Н. В. Сибилева хранятся в Музее краеведения г. Изюма.

¹² «Книга Большому Чертежу». Редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 61, 67, 68, 71,—73, 75, 76, 83.

¹³ Там же, стр. 73.

¹⁴ Д. И. Багалей. Археологическая карта. Тр. XII АС, т. I, 1905.

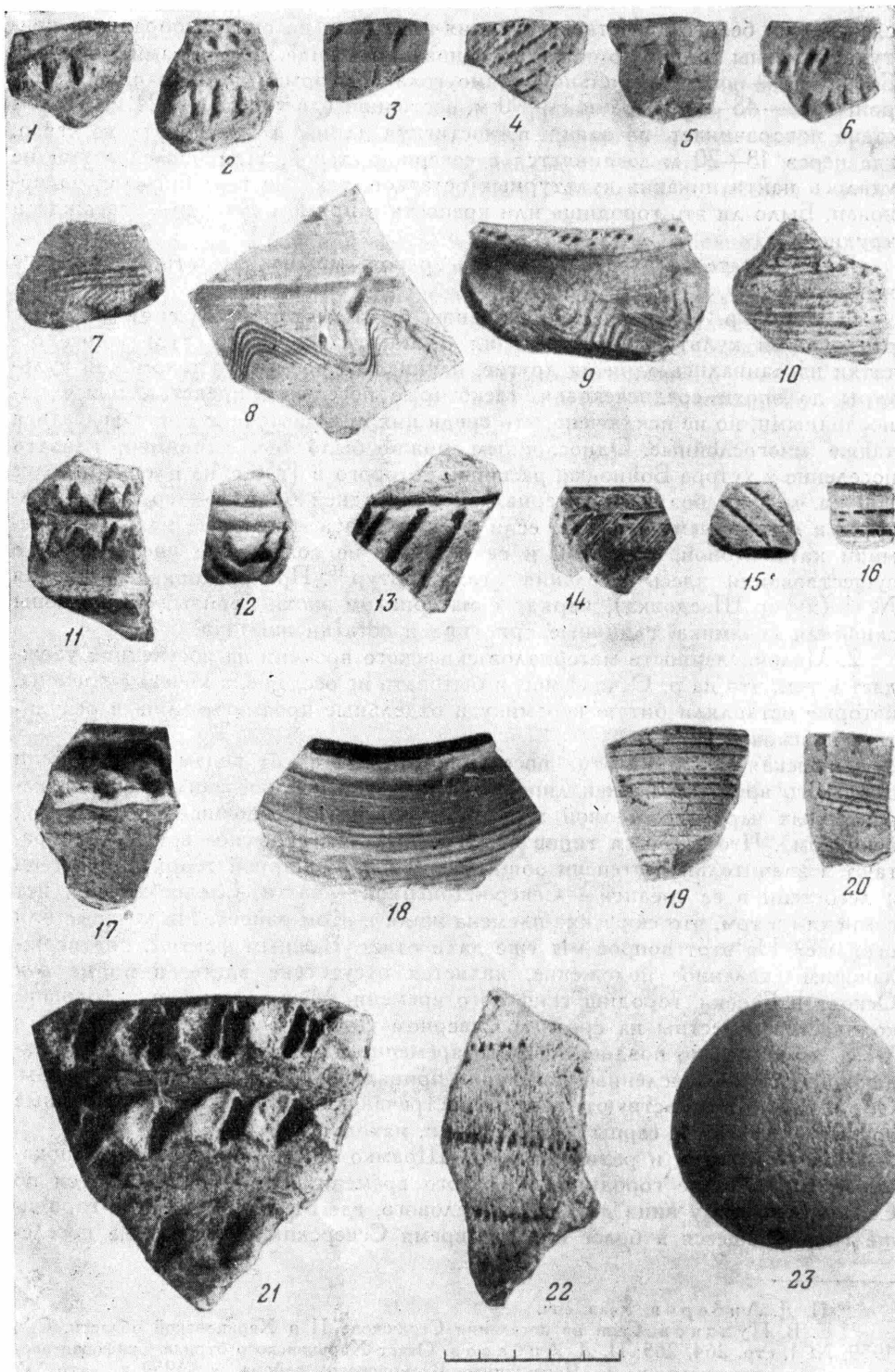

Рис. 40. Керамика с поселений в пойме р. Оскола.

1—10, 23 — поселения № 22 у х. Фомино; 11—20 — с поселения № 26 у с. Пески-Радьковские;
21, 22 — с поселения у с. Василяево.

сделаны из белого известкового камня-плитняка, но они разобраны, и контуры заметны только по остаткам основания в виде мелких камней и плит. Городище — почти правильной прямоугольной формы; длина западной стороны его — 48—50 м, южной — 90 м, восточной (до уступа) — 24 м. а затем стена поворачивает на запад и, достигнув длины 57 м, — опять на север, где через 18—20 м соединяется с северной стеной. При обследовании не удалось найти никаких культурных остатков, так как верхний слой задернован. Было ли это городище или крепость в прямом смысле — утверждать трудно.

В результате проведенных нами работ можно сделать следующие выводы.

1. Пойма р. Оскола в эпоху бронзы была местом расселения племен с различными культурами; поселения располагались часто, культурные остатки наслаивались одни на другие, начиная со времени катакомбной культуры до эпохи средневековья. Некоторые поселения представляются однослойными, но не исключено, что среди них при раскопках могут оказаться также многослойные. Однослойным можно было бы, например, назвать поселение у хутора Войновка, раскопки которого в 1956 г. на площади более 500 кв. м дали большой материал эпохи поздней бронзы — срубной культуры в ее позднем варианте, если не учитывать отдельные находки керамики катакомбной, скифской и салтовской, не создающие впечатления о существовании здесь поселения этих культур¹⁵. При раскопках поселения № 1 (хутор Шведовка), наряду с материалом эпохи бронзы, обнаружены скифская керамика, глиняные пряслица и остатки жилища.

2. Малочисленность материалов скифского времени на поселениях убеждает в том, что на р. Осколе могли бытовать не оседлые, а кочевые племена, которые оставляли битую керамику и отдельные предметы лишь в результате перекочевок.

Скифская керамика этих поселений отличается от керамики лесостепи скифского времени; на ней лишь чувствуется некоторое заимствование характерных черт лесостепной керамики (например, сквозные проколы под венчиком). Что касается типов посуды, то они в скифское время приобретают в значительной степени общие формы на обширной территории степи и лесостепи в ее средней — Северо-Донецкой — части. Следовательно, нет сомнений в том, что скифские племена жили в этом районе. Но кочевые или оседлые? На этот вопрос мы уже дали ответ. Важным фактом, подтверждающим указанное положение, является отсутствие здесь, в пойме рек Оскола и Береки, городищ скифского времени. Между тем они в большом количестве известны на среднем Северном Донце, в лесостепи, начиная с VI в. до н. э. и до позднескифского времени. Здесь городища и сопровождающие их многочисленные поселения принадлежат уже оседлым племенам. Об этом свидетельствуют нередко встречающиеся сельскохозяйственные орудия — железные серпы¹⁶, зернотерки, находки злаков¹⁷.

Наши разведки и разведки Б. А. Шрамко по Северному Донцу показывают, что такие городища скифского времени не распространяются по Северному Донцу вниз дальше с. Мелового, где отмечено большое городище (называвшееся в более позднее время Северским). Отдельные поселе-

¹⁵ П. Д. Либеров. Указ. соч.

¹⁶ Е. В. Пузаков. Серп из поселения Сердюково II в Харьковской области. СА, 1959, № 1, стр. 264, 265; П. Д. Либеров. Отчет Харьковского отряда Скифской экспедиции о раскопках у с. Черемушны, Валковского района в 1954 г., стр. 2. Архив Института археологии АН УССР; Б. А. Шрамко. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Острове́рхівки. АП УРСР, т. VI, Київ, 1956, стр. 56 и сл., табл. I, рис. 2.

¹⁷ Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1, стр. 178 и сл.

ния и находки, несомненно, могут встречаться и встречаются значительно ниже. В этом нет ничего удивительного, ибо передвижения племен могли осуществляться с обеих сторон. Более того, общность материальной культуры (если не считать керамики в ее локальных вариантах) и изобразительного искусства складывалась у степных и лесостепных племен в течение многих веков.

3. Наконец, на основании всего сказанного можно предположить, что культурная, — если не этно-культурная, — граница степных и лесостепных племен в скифское время могла находиться где-то к югу от с. Балаклеи до г. Изюма или несколько ниже. Эта довольно широкая межплеменная полоса должна была обеспечивать относительную безопасность оседлых племен от внезапных набегов. Линия границы степи и лесостепи по рекам Осколу и Береке была тем рубежом, на который заходили кочевники, но где не появлялись оседлые лесостепные племена.

П. Д. ЛИБЕРОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КУРГАНОВ У СЕЛА ЧЕРЕМУШНЫ

К северо-западу от с. Черемушны (Харьковской области) расположен курганный могильник, на котором в 1953 г. исследованы 3 кургана с погребениями скифского времени и эпохи бронзы¹. Ниже описываются результаты раскопок курганов на втором могильнике, расположенном к югу от с. Черемушны, на высоком левом берегу безымянной речки, впадающей в р. Мож. Здесь насчитывается до 150 курганов разных размеров; высота некоторых из них достигает 2—3 м. Почти все курганы распахиваются.

При разведках 1953 г. на насыпях курганов был собран подъемный материал, относящийся к скифскому времени, а в 1954 г. раскопано 9 насыпей и получен интересный материал, также скифский.

Насыпь № 1 оказалась зольником, содержавшим большое количество находок — лепную керамику, хозяйственные орудия, остатки сбури, наконечники стрел, украшения, кости животных и др. Этому памятнику будет посвящена отдельная статья, здесь же приводятся результаты раскопок остальных 8 курганов.

Курган № 2 (высота — 0,9 м, диаметр — до 16 м). В насыпи собрано много обломков лепной керамики; встречались мелкие камешки, кости животных и иногда угольки. На глубине 0,6 м обнаружены два впускных погребения. Первое из них — недалеко от центра кургана. Костяк очень плохой сохранности лежал вытянуто, немного склонившись на левый бок, головой на юго-юго-запад; левая нога слегка согнута в колене. У ног оказались 2 обломка лепной керамики.

К югу от этого скелета расчищены остатки второго погребения, ориентированного, видимо, также на юго-юго-запад, причем обломки черепа лежали у ног первого костяка. У черепа обнаружено несколько обломков лепной керамики.

На глубине 1,5 м (от вершины кургана) в желтом подстилающем слое выявлено большое могильное пятно длиной 2,65 м, шириной 0,85 м, вытянутое в направлении северо-северо-восток — юго-юго-запад; южные углы закруглены. Могила была глубиной 0,2 м; засыпка ее — сероватого цвета. В центральной части обнаружен слой золы, встречались угольки и отдельные, беспорядочно разбросанные человеческие кости: череп лежал в юго-западном углу, к северу и северо-востоку от него — лопатки и плечевая кость, в другом конце могилы — кости ног. На черепе и костях ног видны

¹ П. Д. Либеров. Курганы у с. Черемушны. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 98 и сл.

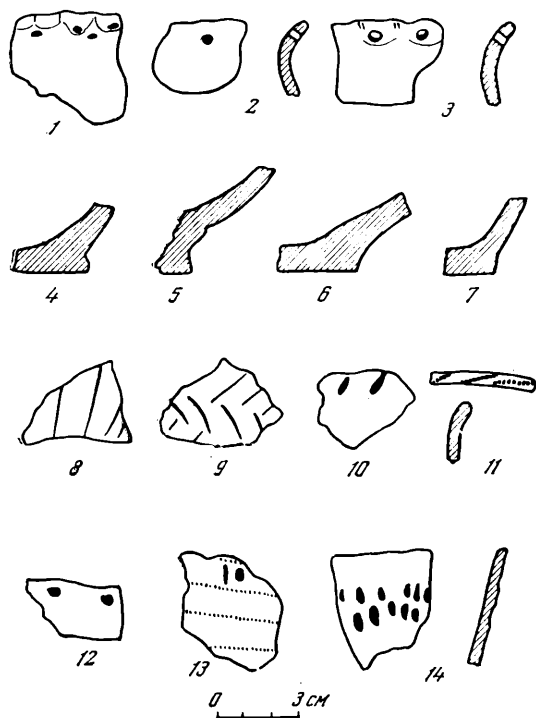

Рис. 41. Лепная керамика из курганов у с. Чермушны
1—7 — из кургана № 6; 8—14 — из кургана № 3.

следы красной краски. Скелет, видимо, был положен головой на юго-юго-запад. Сходство ориентировки захоронений в насыпи и центрального погребения позволяет сблизить их хронологически. Вместе с тем керамика, собранная в ходе раскопок, по цвету и тесту совершенно отлична от обычной керамики лесостепи скифского времени. Поверхность часто заглажена, в изломе черепок темный, чистый и без примеси.

Курган № 3 (высота — около 0,5 м). В насыпи встречено большое количество обломков керамики, костей животных, камней. Фрагменты керамики найдены не только в насыпи, но и в черноземном слое ниже древнего горизонта. На глубине 1,1 м, почти в центре раскопа, обнаружено могильное пятно (2,9×1,05 м), ориентированное в направлении северо-северо-восток — юго-юго-запад; глубина могилы — 0,35 м. В засыпке сероватого цвета найдены несколько обломков лепной керамики и угольки. Скелета в яме не оказалось.

Керамика из этого кургана также отличается от керамики скифского времени. На поверхности — следы штриховки; орнамент нанесен штампом в виде гребенки, елочки и наколов; цвет черепка желтый, розоватый, сероватый (рис. 41— 8—14). Она попала в насыпь, по-видимому, из черноземного культурного слоя при сооружении кургана, доказательством чему могут служить находки такой же керамики в погребенной почве под насыпью.

Курган № 4 (высота — около 0,2 м, диаметр — до 12 м). При раскопках в насыпи найдены бронзовая гвоздевидная подвеска раннескифского типа, черепки лепных сосудов, обломок глиняного конуса, пращевой камень, кость животного и камешки. Могильная яма обнаружена в восточной части раскопа, на глубине 0,8 м. Она ориентирована по линии северо-восток — юго-запад; размер ее — 2,65×1 м, глубина — 0,3 м; углы закруглены.

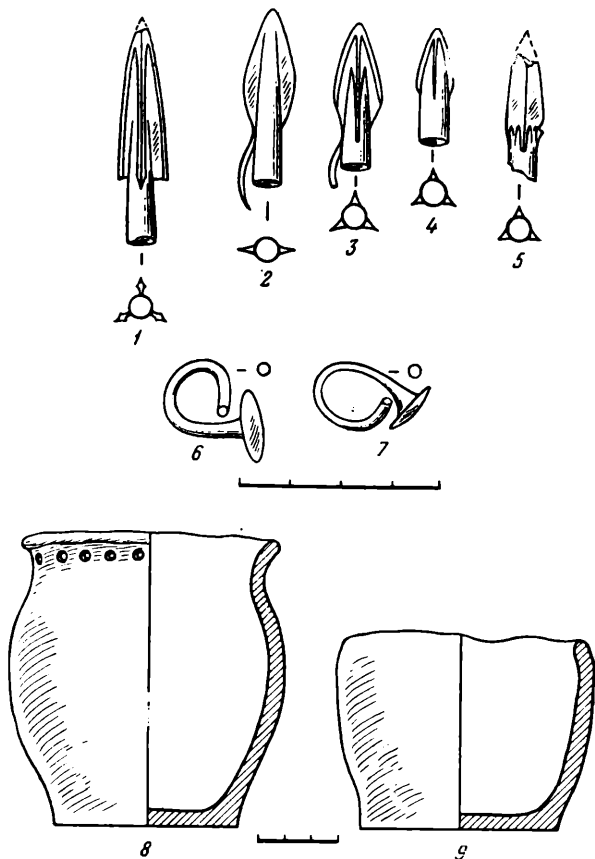

Рис. 42. Находки из курганов у с. Черемушны.

1 — бронзовый наконечник стрелы (курган № 7); 2—5 — бронзовые наконечники стрел (курган № 9); 6, 7 — височные привески из курганов № 4 и 5; 8, 9 — лепные сосуды из курганов № 4 и 7.

Засыпка могильной ямы сероватая, в ней встречались угольки. В верхней части засыпки, ближе к восточному краю ямы, находился лепной горшок средней величины со сквозными проколами под венчиком (рис. 42—8); рядом оказались небольшой кусок желтой серы и уголек. При зачистке дна могилы обнаружена бронзовая гвоздевидная привеска, аналогичная первой (рис. 42—6). На дне в беспорядке лежали отдельные человеческие кости; расположение их позволяет предположить юго-восточную ориентировку скелета.

Курган № 5 (высота — 0,15 м, диаметр — до 8 м). Во время раскопок насыпи найден один камень. Могильное пятно обнаружилось в западной половине на глубине 0,9 м. Могила прямоугольная, ориентирована с юго-юго-запада на северо-северо-восток; размер ее — 2,55 × 1,1 м, глубина — 0,3 м. Засыпка сероватая; в ней обнаружены угольки, истлевшие кусочки древесины, зола, остатки гнилого дерева. При зачистке дна могилы встречены угли, зола, красная краска и шляпка бронзовой гвоздевидной подвески; попадались также порошкообразные комки зелени. В южной части найдены вторая гвоздевидная бронзовая привеска (рис. 42—7), а в центре ямы — обломок человеческой кости.

Курган № 6 (высота — около 0,35 м, диаметр — до 14 м). В насыпи обнаружены фрагменты лепных сосудов, куски обожженной глины, обломки костей животных и мелкие камни. В коричневатом грунте на глубине 0,9 м выявилось могильное пятно прямоугольной формы (2,5 × 1 м), глубиной 0,4 м, ориентированное с севера на юг. Засыпка ямы сероватая. В центре могилы было темное и очень твердое пятно, возникшее, надо полагать, в результате заполнения грабительского хода. В юго-западном и юго-восточном углах отмечены остатки истлевшей древесины. Могила оказалась совершенно пустой. Находки в насыпи керамики скифского времени (рис. 41—1—7) и сходство ямы по ориентировке с другими скифскими могилами, обнаруженными здесь, позволяют относить это захоронение к скифскому времени.

Курган № 7 (высота — до 0,4 м, диаметр — 12 м). При раскопках в насыпи найдены обломки лепных сосудов, камешки, кости животных и древесные угольки; в западной части на глубине 0,6 м обнаружен небольшой лепной сосуд баночной формы (рис. 42—9). При зачистке дна раскопа, на глубине 0,9 м от вершины кургана, в северо-западном секторе встречен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 42—1). На этой глубине появилось темное могильное пятно. Могила размером 2,3 × 1 м, глубиной 0,3 м ориентирована с севера на юг. Засыпка сероватая; в ней попадались угольки, зола, вдоль стенок — остатки истлевшего дерева. На дне ямы сохранились только обломки черепа и других костей человека.

Курган № 8 (высота — до 0,6 м, диаметр — до 16 м). В насыпи встречены черепки лепных сосудов (в том числе венчиков со сквозными проколами), обломки глиняного конуса, камни. На глубине 1 м в коричневатом грунте обнаружено большое пятно могилы. Размеры ее — 2,65 × 0,95 м, глубина — 0,45 м; ориентировка — юго-юго-запад — северо-северо-восток. В сероватой засыпке отмечались угольки, а в северо-восточном углу — остатки истлевшего дерева; на дне ямы у северной стенки тоже оказались следы истлевшего дерева, но никаких вещей не найдено.

Курган № 9 (высота — около 0,15 м, диаметр — до 8 м). Находок в насыпи не было. На глубине 0,85 м в подстилающем коричневатом грунте обнаружено могильное пятно (2,9 × 0,7 м), ориентированное с северо-востока на юго-запад. На дне ямы близ северо-западной стенки лежали концами к северо-востоку 4 бронзовых наконечника стрел различных типов: двухлопастной формы с шипом; трёхлопастной с шипом; трёхлопастной, грубой работы, без шипа; трехгранной формы (рис. 42—2—5). В южной части ямы найден зуб человека.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего следует подчеркнуть почти полное ограбление погребений и нарушение первоначального положения костяков. Однако небольшой материал, сохранившийся в насыпях и могилах, а также ориентировка могил дают некоторые основания для предварительных выводов о времени возникновения могильника и его особенностях.

В курганах, как правило, находилось одно погребение, впущенное в очень неглубокие грунтовые ямы (исключение представляют только два впускных погребения в насыпи кургана № 2). Выразительная черта обряда — однообразие ориентировки могил и, по-видимому, костяков. Преобладающее большинство их ориентировано в направлении северо-северо-восток — юго-юго-запад (курганы № 2, 3, 4, 5 и 8) или иногда — с северо-востока на юго-запад (курган № 9). Небольшое отклонение наблюдалось только в курганах № 6 и 7, где могилы ориентированы точно по линии север — юг. Но такое отклонение, как нам кажется, может быть только лишь небольшим вариантом. Костяки, судя по положению отдельных сохранившихся костей, были обращены головой на юго-юго-запад и на юг (в зависимости от ориентировки могил). Это одна из основных особенностей погребального обряда. Она находит многочисленные аналогии в могильниках не только Северо-

Донецкого бассейна, но и за пределами его, в частности, на реках Ворскле и Суле — притоках Днепра.

Выше мы уже ссылались на могильник, расположенный к северо-западу от с. Черемушны, где в кургане скифского времени ориентировка могилы была с севера на юг². Аналогичная ориентировка известна в могильнике у с. Люботино, где из 8 курганов, исследованных С. А. Семеновым-Зусером и Б. А. Шрамко, в семи могилы ориентированы с севера на юг и одна — с северо-северо-востока на юго-юго-запад³. Значительная часть могил в могильнике у с. Мачухи, раскопанном М. Я. Рудинским, обращена также с севера на юг, а костяки в них — головой на юг⁴. Большинство захоронений, раскопанных В. А. Городцовым в могильниках у городища Бельского, тоже ориентировано с северо-востока на юго-запад⁵. Наконец, можно сослаться на могильники по берегам р. Сулы, известные по раскопкам С. А. Мазараки. Во многих десятках раскопанных там курганов скелеты ориентированы, главным образом, головой на юг или юго-запад и редко — в другом направлении⁶. Все эти факты заслуживают особого внимания при изучении вопросов этнической принадлежности могильников левобережья Днепра и бассейна среднего течения Северного Донца.

В ходе раскопок отмечено различие керамики в насыпях курганов и в почвенном слое под насыпью. В курганах № 2 и 3 эта керамика отличается от керамики скифского времени, найденной в курганах № 4, 6, 7 и 8. Керамика первых двух — с желтой, розоватой или сероватой поверхностью, иногда заштрихованной полосками, не встречающейся уже у керамики скифского времени. Она украшена орнаментом в виде штампа в елочку или гребенку и наколов. Штамп гребенкой иногда встречается и на венчике. Некоторые сосуды — баночной формы и иногда с немного отогнутым наружу венчиком. В этих курганах отсутствует керамика скифского времени, какую мы встречаем в других насыпях. Поэтому можно считать, что она попала в курганы — и тем более в древнюю почву под насыпью — благодаря тому, что здесь ранее, до образования могильника, было поселение эпохи поздней бронзы, которое по находкам отдельных обломков сосудов с наколами (рис. 41) сближается с поселением Бондариха, т. е. с самым поздним этапом бронзы⁷.

Керамика из насыпи курганов другой группы не вызывает сомнений в принадлежности ее скифскому времени. Это обычные, хорошо профилированные сосуды с отогнутым наружу венчиком и сквозными проколами под ним. Находки ее не только в насыпи, но и в древнем почвенном слое под курганами, наряду с обломками глиняных конусов и других вещей, служат несомненным свидетельством существования здесь еще до возникновения могильника поселения скифского времени, которое территориально не смыкалось с поселением эпохи бронзы. Оно было расположено выше по косогору.

Однако учитывая слабую насыщенность культурного слоя этих поселений, можно предположить, что наши раскопки захватили только самую их окраину. Надо полагать, что курганы № 2 и 3 относятся к скифскому времени, несмотря на отсутствие в них датирующих вещей и керамики. Об этом

² П. Д. Либеров. Указ. соч.

³ М. Ф. Бречка. Археологічне дослідження скифських пам'яток в околицях Люботина. Наук. зап. ХДП, т. I, Харків, 1939. Раскопки С. А. Семенова-Зусера; Б. А. Шрамко. Диссертация. Рукопись. Архив ИИМК.

⁴ М. Я. Рудинський. Мачухська експедиція..., АП УРСР, т. II, Київ, 1949.

⁵ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, 1911, стр. 93 и сл.

⁶ А. Бобринский. Курганы и случайные находки..., т. II, 1894, стр. 160—182; т. III, 1901, стр. 61—90 (раскопки С. А. Мазараки).

⁷ Раскопки А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской в 1954 г. в урочище Бондариха на Северном Донце. Материал хранится в Институте археологии АН УССР.

свидетельствует сходство ориентировки могил и впускных погребений в кургане № 2. Такие погребения обычны для раннескифского времени как признак сохранения традиций предшествующей эпохи.

Хронологические рамки могильника определяются материалом из курганов. Наиболее ранние вещи можно датировать концом VI в. до н. э. Такими, например, бронзовые наконечники стрел двухлопастной, трехлопастной формы с шипами и без шипов из кургана № 9 (рис. 42—2—5). К тому же времени могут быть отнесены бронзовые гвоздевидные привески из курганов № 4 и 5 (рис. 42, 6—7), часто встречаемые в ранних погребениях правобережья Среднего Днепра. Наиболее поздняя дата не определяется на основании находок. Однако судя по вещам чертомлыцкого типа — псалям и бронзовым наконечникам стрел, найденным в насыпи и погребениях кургана-зольника № 1, можно считать, что могильник существовал еще в IV—III вв. до н. э.

Н. Н. ПОГРЕБОВА

РАБОТЫ В ТИЛИГУЛО-БЕРЕЗАНСКОМ РАЙОНЕ В 1958 ГОДУ

Западно-Скифская экспедиция ИИМК в 1958 г. продолжала раскопки поселения предскифского времени близ с. Анатолевки на Тилигульском лимане (Анатолевка 4). В предыдущем году здесь раскрыто на раскопе I каменное наземное жилище, состоявшее из почти прямоугольной основной части размером $7,6 \times 8,2$ м и примыкавшего к ней в юго-западном углу квадратного тамбура размером $4,6 \times 4,6$ м со входом в юго-западной стене¹. Проведенное в 1958 г. расширение раскопа к югу и западу показало, что к описанному выше помещению № 1 примыкают непосредственно еще два — № 2 и 3 (рис. 43).

Помещение № 2 — почти совершенно такой же формы, что и первое, только размеры его несколько больше: основная часть — $8,8 \times 8,8$, тамбур — $4,4 \times 5,2$ м. Соответственно этому основная часть помещения № 2 квадратная, а тамбур — прямоугольный.

От стен помещения № 2 уцелел *in situ* только нижний ряд камней, но в целом сохранность кладки лучше, чем в предыдущем, и ее почти везде удалось выявить на полную ширину, т. е. около 1 м. Как в помещении № 1, местами по краям кладки положены крупные блоки, местами же — камни среднего размера. Обращает на себя внимание усиление крупными камнями наружной стены тамбура (по аналогии с «контрфорсом», подпирающим наружную стену тамбура помещения № 1²), в которой был устроен вход. В помещении № 2 кладка торцовой стены тамбура, где должен быть вход, сохранилась гораздо хуже, и вход здесь ясно не прослеживается; однако лежащие сейчас по диагонали кладки две крупные плиты дают основание предполагать, что они были в свое время поставлены на ребро, ограничивая вход так же, как и в тамбуре помещения № 1. Ширина входа в таком случае оказывается приблизительно такой же — около 1,2 м. С другой стороны тамбура, на границе между ним и основной частью, обнаружен почти квадратный камень (размером $0,22 \times 0,22 \times 0,18$ м) с небольшим углублением на верхней поверхности, которое, возможно, служило подпятником для укрепления стояка деревянной двери, отгораживавшей входной тамбур от основной части помещения.

¹ Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК, вып. 78, 1960.

² Там же, стр. 60.

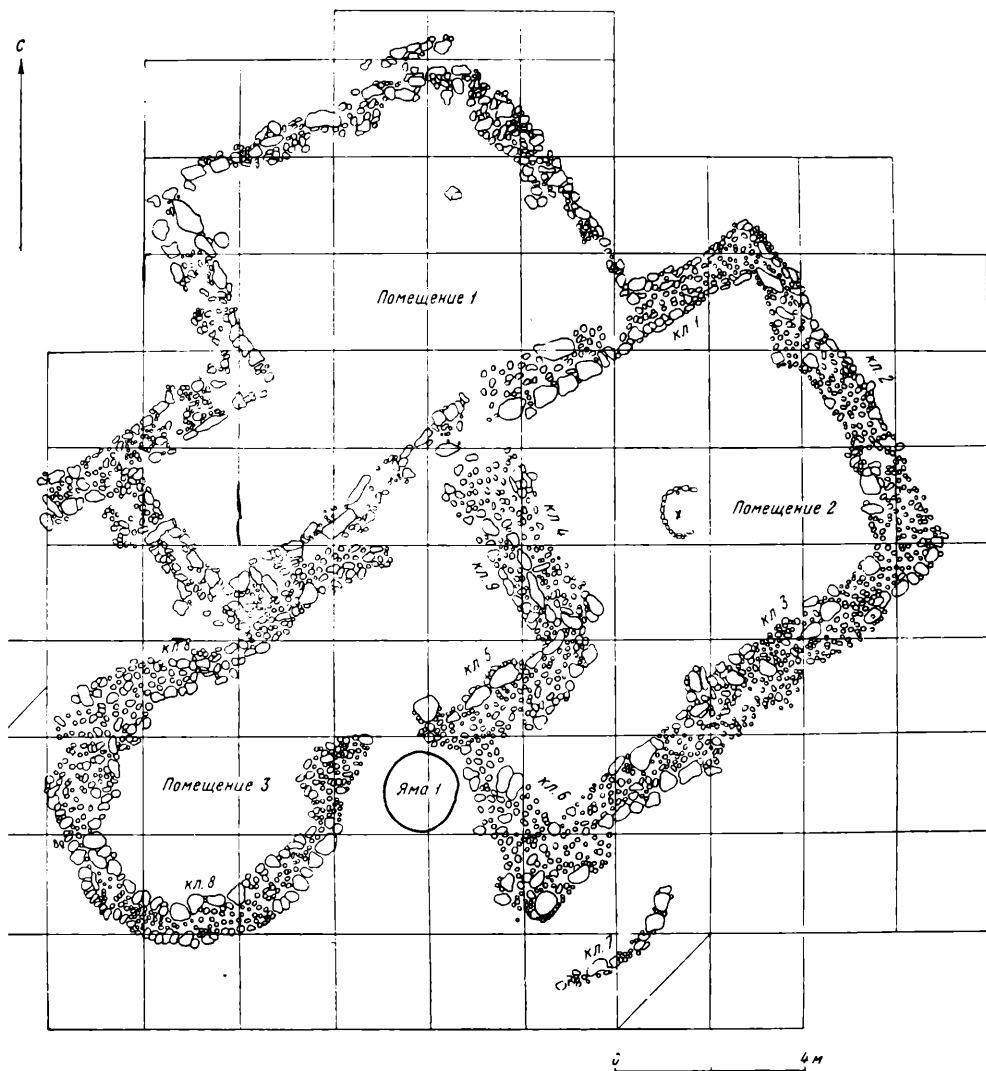

Рис. 43. Анатолийское поселение. План жилого комплекса на раскопе I (знаком X указано место находки фрагментов лепного горшка).

Примерно в центре помещения обнаружен очаг полукруглой формы (длина и ширина — около 1 м), открытый с востока. Он был окружен каменной обкладкой из небольших камней, один из которых оказался обломком гранитной зернотерки. Под очага был, по-видимому, глинобитный. Внутри очага обнаружены фрагменты лепного сосуда — часть горшка с отогнутым венчиком и округлыми плечиками, по которым прорезан зигзагообразный орнамент (рис. 44). Вокруг горшка прослежены угольки, немного золы, обгорелые фрагменты керамики.

Очаг находился на глубине 0,5 м от современной поверхности и на 10 — 15 см ниже подошвы кладки стен. Этой глубиной определяется уровень пола, который, по-видимому, был земляным и потому не прослежен.

Другое помещение (№ 3) вписано между помещениями № 1 и 2 (рис. 43) и имеет форму узкого прямоугольника (длиной 10 м), с юго-западной стороны заканчивающегося полукруглой апсидой, длина основания которой

Рис. 44. Анатолевское поселение. Лепной сосуд, найденный внутри очага в помещении № 2 (раскоп 1).

полнена она была(золистой землей с обломками костей животных и лепной керамики того же типа, что и керамика на полу и в развале здания: это свидетельствует об их одновременности. В таком случае яма должна была очень мешать проходу в оба помещения. Если же допустить, что она была вырыта хотя и в тот же хронологический период, но уже после гибели жилища, то непонятно, откуда брали ссыпавшуюся золу. Ответ на этот вопрос должно дать лишь дальнейшее исследование окрестностей жилища.

Обнаруженный перед юго-восточной стеной тамбура, на расстоянии 1,6 м от нее, небольшой участок дугообразно расположенной кладки шириной около 0,4 (рис. 43) может быть объяснен как остатки небольшой пристройки к помещению № 2.

Стратиграфия раскопа в целом оказалась такая же, как и при раскопках в предшествующем году. Развал здания лежал в сером мелкоструктурном черноземном слое на глубине 0,2—0,4 м ниже поверхности. В нижней части слой становился желтее от примеси суглинка. Культурный слой продолжался ниже уровня подошвы развала и кладок до глубины 0,6—0,65 м, где он переходил в плотный материковый суглинок.

Среди керамики, как и в 1957 г., преобладали обломки лепных баночных сосудов сабастиновского типа, с валиком под венчиком, которые обнаружены на всех уровнях культурного слоя. Валик чаще всего гладкий и невысокий, но встречается и высокий налепной, расчлененный пальцевыми вдавлениями или насечками, иногда расположенный под самым венчиком. Небольшое количество фрагментов относится к гладким баночным горшкам без валиков, с почти прямыми стенками, или к сосудам с отогнутым краем и расходящимися стенками. В то же время попадают фрагменты сосудов с отогнутым венчиком, ясно выраженной шейкой и выпуклым туловом, как и найденный на очаге № 1 (рис. 44). У всей этой керамики — заглаженная, изредка слабо залощенная поверхность. Довольно много найдено фрагментов сосудов с ручками, чаще всего — лощеных. Ручки нередко приподняты над краем, у некоторых в верхней части — цилиндрические выступы, что харак-

равна 3,2 м. Обе продольные стены сохранились очень плохо, в виде полосы бессистемного развала, но кладка полукруглой апсиды и противоположной ей торцевой части выявлена достаточно четко (рис. 43).

Ширина этих кладок меньше, чем в помещениях № 1 и 2 и достигает в среднем 0,5 м. Вход в помещение № 3, может быть, находился в его юго-восточном углу, около входа в тамбур № 2. Интересно, что как раз перед входами в оба помещения расположена яма (№ 1), заваленная кучей больших и средних камней. Диаметр устья ямы — 1,55—1,65 м, глубина — 0,7 м; стенки слегка суживаются книзу (диаметр дна — 1 м). Дно выстлано каменными плитками, а за-

терно для керамики сабаатиновского типа и одновременной ей культуры Ноа на территории Румынии. Другие ручки имеют форму петли. Впервые в слое развала обнаружены фрагменты чернолощенной керамики с резным орнаментом, а также обломки сосудов с ручками-упорами.

Из других находок, как и раньше, следует отметить большое число костей (животных) со следами обработки. Выделяется костяная проколка с просверленным ушком.

В целом материал, как и в 1957 г., подтверждает датировку здания сабаатиновским временем (XI—IX вв. до н. э.). Однако присутствие среди керамики таких форм, как сосуды с ручками-упорами, которые на территории Поднестровья и Карпато-Дунайского бассейна бытовали, главным образом, в VIII—VII вв. до н. э.³, лощеных сосудов с резным орнаментом, которые в основном будут развиваться тоже в послесабаатиновское время, а также появление сосудов с отогнутым венчиком и выпуклым туловом, близких керамике позднесабаатиновских поселений типа Бабино⁴ и поселения у Белозерского лимана⁵, заставляют отнести Анатолевское поселение к самому позднему этапу сабаатиновского времени⁶. Обращает на себя также внимание факт появления в Анатолевке керамики со значительной примесью шмота в глиняной массе, что, по наблюдениям О. А. Кривцовой-Граковой, связывается с самым поздним этапом культуры эпохи бронзы⁷; в керамике поселения Анатолевки эта примесь прослеживается в тесте таких сосудов, которые являются поздними для сабаатиновской керамики, как, например, сосуды с ручками-упорами или баночные — с высоко расположенным расчлененным валиком под самым венчиком.

По всем этим соображениям представляется более правильным уточнить датировку Анатолевского поселения второй половиной IX в. до н. э. Эта предварительная датировка должна быть прокорректирована в ходе дальнейших раскопок.

Следует также отметить, что впервые в 1958 г. в развале здания обнаружены фрагменты греческих амфор — родосских эллинистического времени. Среди лепной посуды с этим временем можно связать обломок венчика сосуда с насечками по краю, что характерно для скифской керамики; однако ни культурного слоя, ни строительных остатков этого периода на поселении пока не найдено.

Помимо раскопок, экспедиция провела разведочное обследование поселения, открытого краеведом Л. В. Кондрацким в верховьях Березанского лимана, к северо-западу от Шмидтовского отделения совхоза имени Петровского (поселение названо нами Шмидтовским). Поселение расположено на противоположном от совхоза пологом склоне балки, впадающей в Березанский лиман. На склоне и особенно вдоль дороги явственно проступают следы прямоугольных каменных зданий — плиты, поставленные на ребро. Здесь собран довольно обильный подъемный материал, в котором преобладают фрагменты греческих амфор VI—I вв. до н. э. (по определению И. Б. Зеест). Лепная же керамика представлена, главным образом, стенками сосудов,

³ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 17, 35.

⁴ В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у села Бабино. КСИА. АН УССР, вып. 5, Киев, 1955, стр. 20, 21.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение обронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 81.

⁶ В отношении датировки поселения у Белозерского лимана позднейшим этапом предскифской культуры я солидаризируюсь с точкой зрения А. И. Тереножкина, изложенной в его докторской диссертации «Предскифский период в лесостепном Правобережье». (Архив ИИМК, ф. 2, д. № 1440, стр. 417).

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 33, б, 8.

среди которых есть фрагменты сосудов с валиками. В коллекции Л. В. Кондрацкого хранится найденный на этом поселении бронзовый наконечник стрелы скифского типа с обрезной втулкой, по-видимому, V в. до н. э.

В заложенных на поселении двух траншеях раскрыты участки каменных кладок с крупными плитами по краям и мелкой забутовкой посередине. Регулярность кладок хорошо подобранными камнями резко отличается от примитивных кладок Анатолевского поселения. Датируются кладки фрагментами греческих архаических расписных сосудов. К сожалению, культурный слой большей частью смыт проносящимися по балке весной тальми водами, и большинство находок происходит с поверхности гумуса. Следовательно, дальнейшие раскопки этого интересного поселения вряд ли будут достаточно перспективными.

М. Г. МОШКОВА

САРМАТСКИЕ КУРГАНЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Обширная территория Оренбургской области, особенно ее восточные районы, остается до сих пор почти не изученной в археологическом отношении. Между тем эта территория, лежащая на стыке двух миров — европейского и азиатского, представляет огромный научный интерес.

В конце 20-х и начале 30-х годов были проведены разведки М. П. Грязновым¹ и Б. Н. Граковым² в бассейне Урала — от Красно-Уральского до г. Орска и от Орска до устья р. Бурли. К сожалению, исследования носили эпизодический характер и не были продолжены. Однако даже при небольших раскопках, произведенных М. П. Грязновым, Б. Н. Граковым и К. В. Сальниковым³, вскрывшим в 1936 г. одну из курганных групп, зафиксированных Б. Н. Граковым, собран выразительный археологический материал различных эпох, показавший всю важность изучения этой территории.

Летом 1958 г. в восточных районах Оренбургской области вел небольшие разведки и раскопки археологический отряд ИИМК и Оренбургского областного музея краеведения. Главное внимание было уделено бассейну р. Суундук (левый приток Урала), особенно в его верховьях. Попутно обследован участок Урала от с. Губерли до Орска и далее до устья р. Суундук.

Исследования носили рекогносцировочный характер; ставилась цель — зафиксировать древние курганы, в основном скифо-сарматской эпохи. За время работы обнаружено 28 пунктов, где находились курганные группы или отдельные курганы. Как правило, все они располагались в степи, в отдалении от воды, и, главным образом, по гребням сыртов. Почти все группы немногочисленны, состоят из 3—10 курганов, и только три из них насчитывают более 20 насыпей (Ново-Кумакская около Орска, Ново-Орская и в урочище Курганы в верховьях р. Суундук). Наиболее насыщены погребальными памятниками верховья р. Суундук (у самой границы с Челябинской областью), участок степи между р. Караганка (левый приток Суундука) и Уралом и район вокруг г. Орска.

Почти у всех курганов — земляные насыпи, сравнительно невысокие (от 0,35 до 1 м) и, как правило, сферической формы. Однако отдельные из них

¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. «Казахи». Антропологический сборник. Л., 1927, стр. 172—221.

² Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Отчет о работах. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 91—119.

³ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска. МИА, № 1, 1940, стр. 58—68.

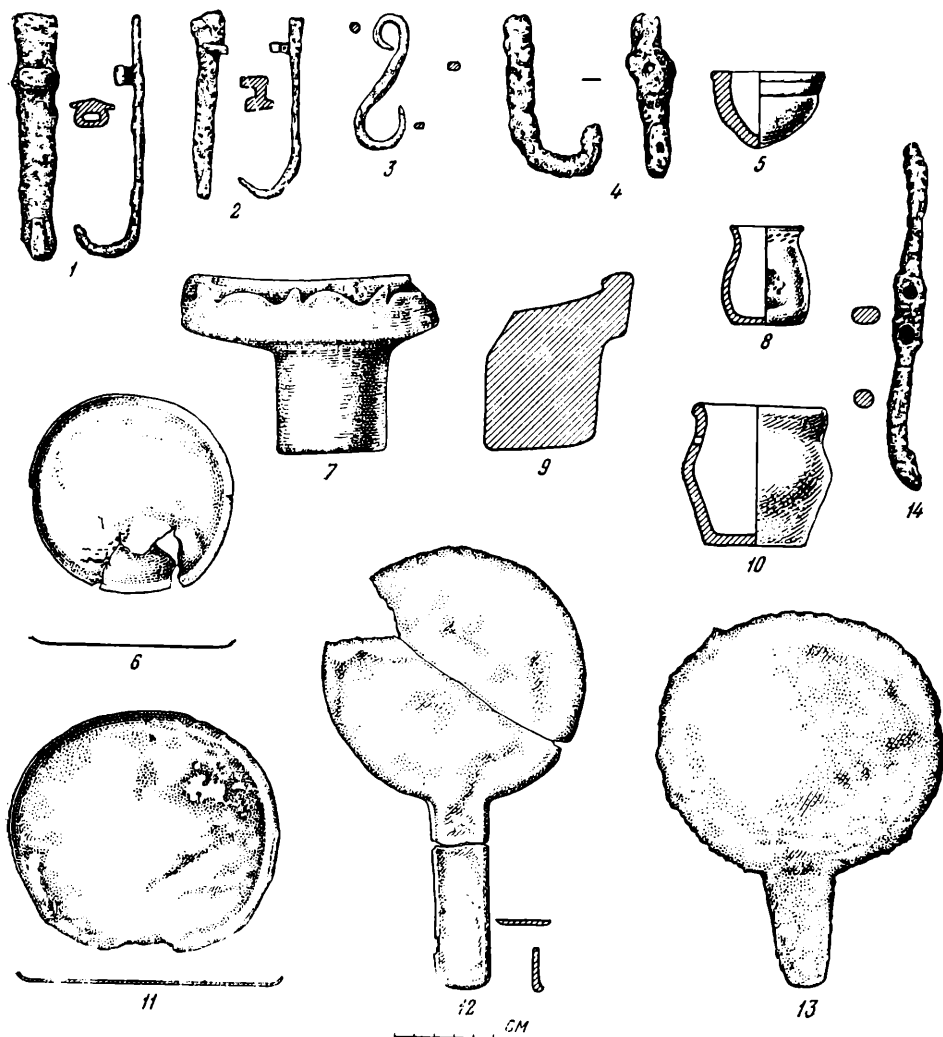

Рис. 46. Находки в курганах.

1—4 — колчанные крючки; 5 — каменная чашечка; 6, 11—13 — бронзовые зеркала; 7, 9 — обломки каменных жертвенников; 8, 10 — лепные горшки; 14 — железный псалый (1 — II Аландская группа, курган № 1, погребение № 1; 2, 11 — I Аландская группа, курган № 1, погребение № 1; 3, 7, 9, 12 — II Аландская группа, курган № 1, насыпь; 5, 8, 10, 13 — I Аландская группа, курган № 1, погребение № 2; 4 — Ново-Кумакская группа, курган № 3, погребение № 1; 6 — II Аландская группа, курган № 1, погребение № 2; 14 — Ново-Кумакская группа, курган № 2, погребение № 1).

достигали высоты 5—7 м. Иногда земляные насыпи были обложены камнем или, что встречено однажды, каменным кольцом у основания. В Ново-Кумакской группе, насчитывавшей 27 курганов, насыпи были двух типов: чисто земляные и земляные, обложенные сверху мелким плитняком. Как показали раскопки, первые содержали савроматские погребения, вторые — позднекочевнические. Почти во всех курганных могильниках мелкие курганы группировались вокруг одного-двух более высоких и только в одной группе 4 больших кургана (диаметр — 50—60 м, высота — 5,5—7,2 м) стояли цепочкой, сливаясь полами. Вокруг них разбросаны еле заметные плоские насыпи. У с. Аландского (две курганные группы) и у поселка Ново-Кумак

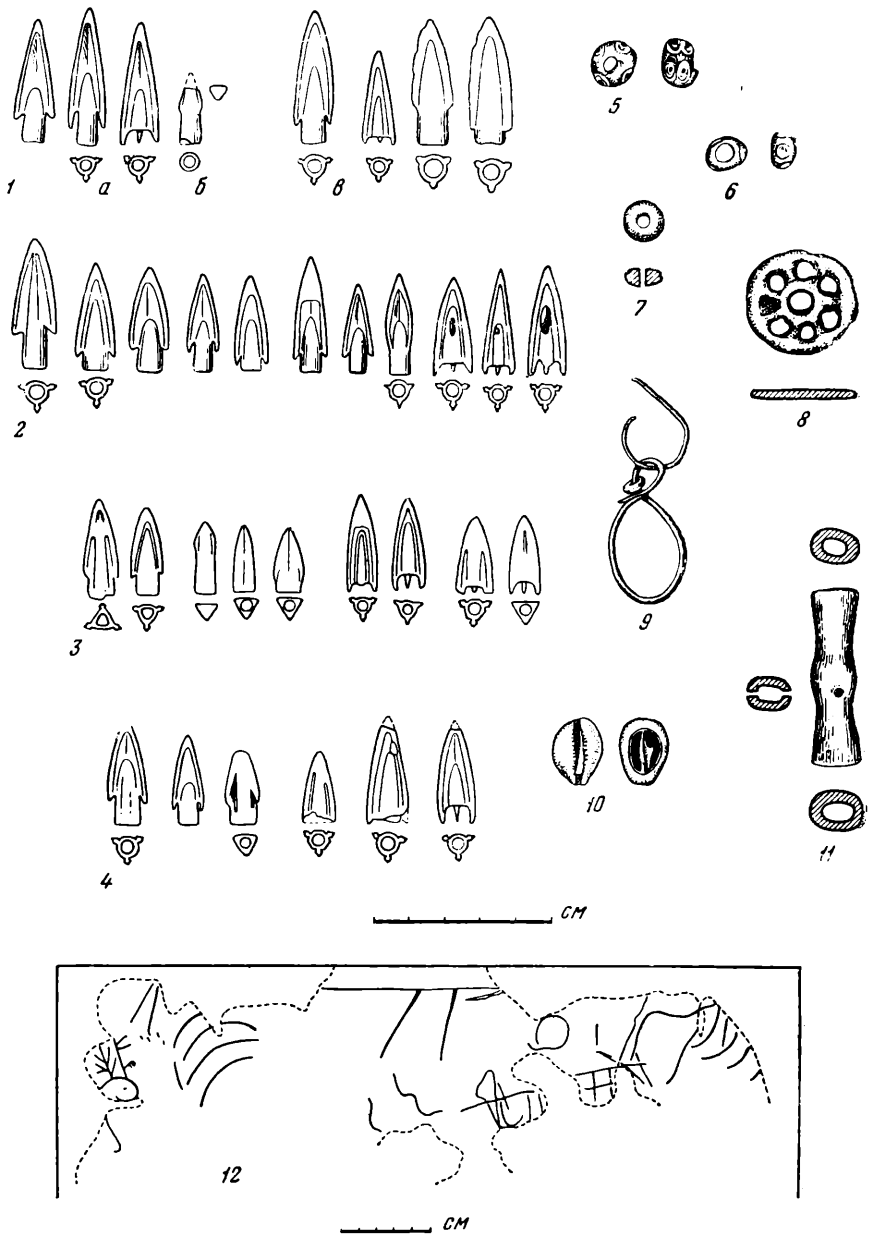

Рис. 47. Находки в курганах.

1 (а, б, в.) — 4 — бронзовые наконечники стрел; 5, 6 — глазчатые бусы; 7 — стеклянная бусина; 8 — бронзовое колесико; 9 — бронзовая серьга; 10 — раковина-подвеска; 11 — костяная поделка; 12 — рисунок на стенках сосуда (1, а — I Аландская группа, курган № 1, погребение № 1; 1, б, 5, 6, 8, 9 — I Аландская группа, курган № 1, погребение № 2; 1, в, 10, 11, 12 — II Аландская группа, курган № 1, погребение № 2; 2, 3 — Ново-Кумакская группа, курган № 2, погребение № 1; 4 — II Аландская группа, курган № 1, погребение № 1; 7 — I Аландская группа, насыпь).

отрядом проведены раскопки 5 курганов. В них обнаружено 5 раннесарматских погребений и 1 позднекочевническое.

Наиболее полно представлена группа савроматских погребений. Все они были основными могилами в курганах и только в одном случае (II Аландская группа) сочетались с впускным, относящимся к прохоровской культуре. Преобладающие формы могил — широкие прямоугольные ямы, ориентированные по линии восток — запад. Там, где сохранились костяки, они лежали головой на запад, и лишь в кургане из I Аландской группы отмечен очень интересный и довольно редкий погребальный обряд трупосожжения на горизонте. Курган был диаметром 10 м, насыпь — небольшая, плоская, высотой 0,55 м. Непосредственно под дерном начинался каменный завал, состоявший из больших плоских плит, лежавших плашмя, а также бесформенных мелких и более крупных камней (рис. 45). Некоторые плиты достигали размера 1 × 0,6 м. Никакой системы в их укладке уловить не удалось, лишь в юго-западном секторе зафиксировано несколько плит, стоявших вертикально на ребре; к ним вплотную примыкали наклонно лежавшие плиты. Центральная часть кургана оказалась более всего насыщенной камнями, образовавшими как бы панцирь, где плиты и камни часто лежали в два слоя. Среди камней, а особенно под ними, шел очень интенсивный углисто-золистый слой, содержащий в некоторых местах много перегоревшего дерева и угольков⁴. Нижняя поверхность большинства плит и камней обожжена и закопчена, а отдельные участки земли были красного цвета от прокаливания.

По всей поверхности кургана, начиная с глубины 0,15—0,2 м, попадались отдельные предметы. Здесь были 2 обломка от 2 каменных жертвенников-алтариков (на 3 или 4 ножках), столь характерных для савроматских погребений Приуралья⁵. По бортику того и другого жертвенника шел одинаковый рельефный орнамент (рис. 46—7), мотив которого с небольшими вариациями обычен для каменных жертвенников Приуралья⁶. Многочисленные обломки глиняной, грубо сделанной посуды с примесью крупной дресвы в тесте, синяя стеклянная прозрачная бусина (рис. 47—7), бронзовое плоское зеркало с такой же плоской, отлитой вместе с диском ручкой (рис. 46—12; ручка и диск были найдены в разных частях кургана), железный колчанный крючок восьмеркообразной формы (рис. 46—3), глиняный горшок, раздавленный землей (рис. 48—1), каменный оселок из серого песчаника и рядом зубы и кости лошади — все эти предметы находились в разных частях насыпи кургана среди камней и угля. Все они в большей или меньшей степени подвергались действию огня. Однако помимо отдельных предметов, под завалом камней на уровне древнего горизонта в золисто-угольном слое обнаружены 2 участка, где находки располагались компактными группами вместе с остатками сильно кальцинированных костей человека. Эти участки мы связываем с двумя погребениями, находившимися в 5 м одно от другого.

В состав первого погребения входили: 7 бронзовых трехлопастных наколочников стрел двух типов — с выступающей втулкой и с внутренней (рис. 47—1, а); плоское, чуть овальное зеркало, край которого немного оттянут и загнут внутрь (рис. 46—11); железный колчанный крючок (рис. 46—2); мелкие фрагменты керамики и железного ножа. Тут же оказались небольшие обломки сильно обуглившихся человеческих костей (трубчатые и кости черепа). Находившиеся поблизости (в 1 м к югу) большой

⁴ По определением Г. Н. Лисицкой, это были остатки сосны и березы.

⁵ МАВГР, т. 3, 1899, стр. 12, рис. 4; стр. 13, рис. 5; табл. 9, рис. 1, 2; Б. Н. Граков. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, 1929, стр. 173, рис. 6; Архив ИИМК, ф. 1, д. № 1686, стр. 49, 52, рис. 157, 181. (Раскопки К. Ф. Смирнова в Оренбургской области в 1957 г.).

⁶ МАВГР, т. 3, 1899, табл. 9, рис. 12; Оренбургский музей, инв. № 2106. (Раскопки Зарецкого в 1935 г. у Ак-Булака).

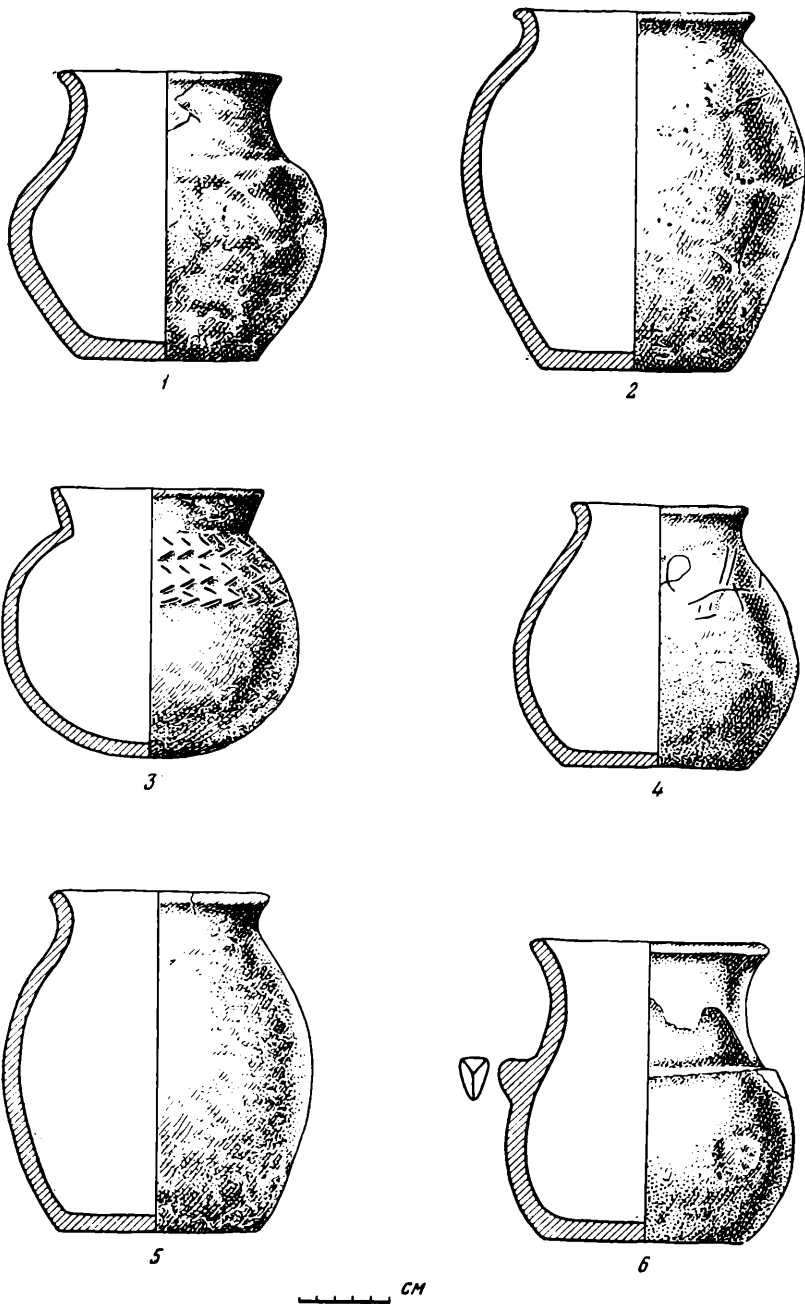

Рис. 48. Лепные сосуды из курганов.

1 — I Аландская группа, курган № 1, насыль; 2 — I Аландская группа, курган № 1, погребение № 2; 3 — II Аландская группа, курган № 1, погребение № 1; 4 — II Аландская группа, курган № 1, погребение № 2; 5 — Ново-Кумакская группа, курган № 2, погребение № 1; 6 — Ново-Кумакская группа, курган № 3, погребение № 1.

раздавленный горшок и обломки трубчатых костей человека, очевидно, также принадлежали этому погребению.

Со вторым погребением связаны: большой горшок (рис. 48—2); бронзовая серьга из тонкой проволоки, состоящая из 2 отдельных частей (рис. 47—9); маленький трехгранный бронзовый наконечник стрелы (рис. 47—1, б); 2 глазчатые бусины из синего стекла (рис. 47—5, б); плоское, тонкое, прекрасно полированное зеркало с небольшой ручкой (рис. 46—13); бронзовое колесико с 6 сквозными отверстиями, расположенными вокруг центрального осевого (рис. 47—8); каменная чашечка с коническим неустойчивым дном и широкой бороздкой по верхней части тулова (рис. 46—5); внутри нее заметны следы красной краски. Чуть поодаль находились: небольшой горшок с ногтевым орнаментом по горлу (рис. 46—8) и сосудик со сквозным отверстием в стенке (рис. 46—10); рядом с ними лежали очень мелкие обожженные остатки черепа человека.

В серой супеси, подстилавшей углисто-золенный слой, никаких находок и следов могильной ямы не было.

Итак, захоронение было совершено прямо на древнем горизонте, причем разобренные скопления погребального инвентаря и остатков обожженных костей человека заставляют считать, что в кургане погребено, по крайней мере, два человека и, судя по характеру инвентаря, вероятно, женщины. После совершения тризны над умершими либо было воздвигнуто какое-то деревянное сооружение, либо просто это место заложено огромным количеством дерева и подожжено, так как сохранились обугленные части больших бревен, веток и плах. Вероятнее первое предположение, так как вряд ли бревна и ветки клали прямо на трупы. В мощном костре сгорели: погребенные и сильно прокалились многие вещи, особенно керамика. Еще не остывший костер был завален плитами и камнями.

Случаи совершения обряда трупосожжения на древнем горизонте неоднократно зафиксированы в савроматских погребениях Приуралья (на Терекле под Орском⁷, у с. Сары⁸, в районе г. Челябинска⁹) и Поволжья (Молчановка¹⁰, Старая Иванцовка — бывший Альт-Веймар¹¹). Существование этого обряда у приуральских и поволжских савроматов следует рассматривать как результат наследия некоторых племенных групп андроновской культуры Южного Приуралья¹², которая, наряду со срубной, играла первенствующую роль в сложении сарматской культуры¹³. Заметим, что у савроматов были другие формы трупосожжения, в частности сожжение костяка в могиле¹⁴, причем существование такого обряда мы наблюдаем и на следующем этапе сарматской культуры (курган у поселка Красногорского¹⁵).

В качестве наиболее близких аналогий для Аландского кургана следует указать трупосожжения у с. Сары и в Молчановском могильнике. Интересно, что в кургане у с. Сары аналогичен не только обряд, но даже

⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 183, рис. 15.

⁸ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 8 (примечание).

⁹ Н. К. Минко. Отчет о раскопках курганов в Челябинской и Оренбургской губерниях в 1906 г. ЗОУЛЕ, т. XXVI, Екатеринбург, 1907, стр. 107—112.

¹⁰ Н. В. Сидицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИМК, вып. 55, 1954, стр. 85.

¹¹ P. Ra u. Указ. соч., стр. 72.

¹² К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 217—221.

¹³ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3.

¹⁴ В курганах под Челябинском, раскопанных Н. К. Минко (ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192, 193).

¹⁵ Н. Макаренко. Продолжение раскопки кургана около поселка Красногорского Оренбургского уезда. Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, т. XVI, Оренбург, 1906, стр. 78—80.

инвентарь — бронзовые наконечники стрел, 6 бронзовых зеркал, глиняные сосуды и отдельные черепки, стеклянные бусы и кости лошади. Все эти вещи, как и в рассматриваемом случае, лежали прямо на поверхности древнего горизонта. По погребальному обряду и набору инвентаря, особенно стрелам, П. Рау датирует курган у с. Сары V в. до н. э.¹⁶ Так же датируется набор стрел из Соболевской волости¹⁷, в котором мы видим прямые аналогии аландским бронзовым наконечникам. Столь же характерны для савроматских погребений Приуралья и Поволжья зеркала, найденные в Аландском кургане. Так, зеркала с ручками из могильника «Три брата»¹⁸ и из «Царских могильниц» у с. Пролейки¹⁹ очень близки одному из аландских (рис. 46—13), а найденное у хутора Шульц²⁰ — зеркалу с поднятым бортиком (рис. 46—11).

Раскопки кургана у с. Аландского помогают нам разобраться в не совсем ясном описании Челябинского кургана, опубликованном Н. К. Минко²¹. Погребальный обряд, отмеченный в этом кургане, оказывается абсолютно тождественным аландскому. Так же близок и состав инвентаря — лепные сосуды, бронзовые наконечники стрел, плоская глиняная тарелка, имевшая, очевидно, то же ритуальное назначение, что и каменные алтарники в Аландском. Любопытно, что абсолютно такая же тарелка, только каменная, с очень близким орнаментом была случайно найдена вместе с черепом человека в обрыве у г. Оренбурга²². Несмотря на иной вид керамики из Челябинского кургана²³, которая тяготеет скорее к керамике таких памятников, как городище Чудаки²⁴, весь погребальный обряд и состав инвентаря заставляют нас отнести этот курган к памятникам сарматской культуры.

Остальные савроматские погребения — одно во II Аландской группе и два в Ново-Кумакской — содержали характерный и обычный для этого времени инвентарь. Очень унифицированный погребальный обряд захоронений во II Аландской группе отличался настилом или сооружением из бревен и 3 слоев березовой коры, возведенным на уровне древнего горизонта уже после того, как могильная яма была засыпана. Бронзовые стрелы (рис. 47—1, в), зеркало с чуть поднятым краем (рис. 46—6), костяная поделка в виде небольшой полой трубочки с ребром посередине и двумя сквозными отверстиями (рис. 47—11), маленькая раковина-подвеска (рис. 47—10) не вызывают никакого сомнения в датировке погребения V в. до н. э.

Особого внимания заслуживает сосуд, сделанный из темной, грубой глины с большим количеством дресвы и слюды. На его желтовато-коричневой поверхности еще до обжига, по сырой глине, был нанесен орнамент в виде каких-то значков, не раз встречавшихся на савроматских сосудах (рис. 47—12; рис. 48—4): дугобразные линии, собранные всегда пучками; волнистый значок, передающий горы или лук; часть изображения, напоминающего животное с рогами, и другие неясные черточки и линии (курган ограблен и сосуд был разбит). В качестве наиболее близких аналогий можно

¹⁶ Р. Рау. Указ. соч., стр. 37.

¹⁷ Р. Рау. Указ. соч., стр. 35, табл. XXI, 1.

¹⁸ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933—1934 гг. СА, I, 1936, стр. 133, рис. 12.

¹⁹ Саратовский музей, инв. № 1726. (Раскопки И. В. Синицына, 1946 г.).

²⁰ Р. Рау. Указ. соч., стр. 66, рис. 8.

²¹ Н. К. Минко. Указ. соч., стр. 107—112.

²² Оренбургский музей, инв. № 2104.

²³ М. К. Минко. Указ. соч., стр. 107—112, рис. 3, 4.

²⁴ К. В. Сальников. Городище Чудаки Челябинской области (по раскопкам 1937 г.). СА IX, 1947, стр. 221—238; стр. 232, рис. 6; е го же. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. L, стр. 88—98.

назвать сосуды той же формы из кургана № 5 с Бердинской горы (раскопки И. Кастанье 1905 г.)²⁵ и из поселка Аблязовки под г. Троицком²⁶, относящиеся также к V в. до н. э.

Один из ограбленных курганов (№ 2) Ново-Кумакской группы сохранил, видимо, довольно богатое савроматское погребение в большой прямоугольной яме ориентированной по направлению восток — запад. Сохранились лишь 48 бронзовых наконечников стрел (рис. 47—2, 3), лепной горшок (рис. 48—5), фрагменты острия и рукоятки меча, а также удила с псалиями (рис. 48—14), которые совершенно идентичны псалиям из кургана № 2 Тара-Бутацкого могильника на Илеке, датирующегося V в. до н. э.²⁷ Стрелы и сосуд Ново-Кумакского погребения не противоречат этой дате.

Также V в. или, может быть, началом IV в. до н. э. следует датировать и последнее савроматское погребение в Ново-Кумакской группе (курган № 3). В состав его инвентаря входил железный колчанный крючок из массивного круглого стержня с отверстием в верхней части (рис. 46—4). Форма его не совсем обычна, и близких аналогий указать нельзя. Столь же необычна и форма сосуда из этого погребения (рис. 48—6): отогнутый венчик, довольно высокое горло, ребро в месте перехода горла в плечики и широкое массивное дно. С одной стороны на ребре — небольшой пирамидальный налп. Аналогия этому горшку очень интересна, так как выводит нас не только за пределы Приуралья и Заволжья, но и за рамки савроматского времени. В одном из погребений курганной группы в местности Бичкин-Булак близ г. Элисты, вместе с мечом с серповидным навершием, находился горшок, очень похожий на описанный нами²⁸. Несмотря на круглое дно, характерное для сосудов прохоровского времени, весь облик бичкин-булакского горшка позволяет нам говорить о несомненной генетической связи и преемственности одной формы от другой. Но именно эта аналогия и форма крючка склоняют нас к датировке погребения, скорее, началом IV в. до н. э., но не позднее, так как погребальный обряд типичен для савроматского времени.

К группе раннесарматских — прохоровских погребений принадлежит лишь одно, впускное, обнаруженное в кургане II Аландской группы. Сравнительно небольшая и неширокая (особенно в южной части) грунтовая яма ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Погребенный лежал вытянуто, головой на юго-юго-запад. Железный колчанный крючок почти не отличается от савроматских форм, но в наборе бронзовых стрел (рис. 47—4) преобладают наконечники с внутренней втулкой, столь характерные для Прохоровки²⁹ — классического образца раннесарматских памятников. Стрелы с выступающей втулкой также следует датировать не ранее первой половины IV в. до н. э.³⁰ Сосуд из погребения — шаровидный, круглодонный (рис. 48—3) — очень напоминает керамику из раскопок К. В. Сальникова у г. Орска, особенно из кургана у Новой Аккермановки³¹. Но орнамент найденного нами сосуда — в виде резной елочки —

²⁵ Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, т. XVI, Оренбург, 1906, стр. 203, 204.

²⁶ ГИМ, дар Н. А. Трескина, 1926 г., инв. № 58511.

²⁷ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1957 г. Архив ИИМК, ф. 1, д. № 1686, стр. 49, рис. 167 и 168.

²⁸ И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. 1. Археологический сборник. Саратов, 1956, стр. 53, рис. 29.

²⁹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918, табл. V, рис. 10.

³⁰ Р. Рау. Указ. соч., табл. XXII.

³¹ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска, стр. 131, табл. III, рис. 5.

не типично сарматский и, скорее, может быть связан с орнаментальными мотивами на керамике из городища Чудаки³².

До сих пор остается открытым вопрос о восточных границах распространения сарматской культуры, и проведенные работы в какой-то степени способствуют его выяснению. Если раньше наиболее восточные сарматские погребения были известны по Уралу не далее г. Орска³³, то сейчас граница их распространения отодвигается значительно северо-восточнее, до верховьев р. Суундук, Малой Караганки и левых притоков Суундука — Урус-Кискен и Джуса. Поскольку под наиболее типичными для этих районов небольшими земляными насыпями вскрыты сарматские погребения, можно считать, что большинство из зафиксированных нами групп принадлежит сарматам. Следует несколько отодвинуть и северную границу распространения сарматской культуры, намечавшуюся ранее в районе г. Троицка³⁴. Теперь, после вскрытия погребения с трупосожжением в I Аландской группе, с полной уверенностью можно относить к сарматам трупосожжение в кургане у г. Челябинска³⁵.

Полученный археологический материал из столь мало исследованных районов, а особенно погребальный обряд вскрытых могил, с первых же шагов подтверждает мнение, высказанное К. Ф. Смирновым, о генетической связи и преемственности сарматской культуры от андроновской, бывшей одним из компонентов в ее сложении³⁶. Поэтому весьма возможно, что дальнейшие исследования сарматских курганов в юго-западных районах Челябинской области и северо-восточных районах Оренбургской области приведут к открытию немалого количества трупосожжений, так как особенностью причелябинской группы андроновских памятников состоит в решительном преобладании трупосожжения над труположением³⁷.

С другой стороны, погребальный инвентарь, несмотря на очень большую общность с поволжским савроматским, лишней раз свидетельствует о существовании самаро-уральского локального варианта савроматской культуры. Особенно сильно это сказывается в керамике, которая отличается от поволжской не только по форме, но и по своему составу глины, содержащей, как правило, большое количество дресвы, а иногда и талька, что редко встречается в Поволжье. Богатство приуральских погребений бронзовыми и железными предметами следует, очевидно, отнести за счет близости металлургической базы. Однако нельзя не обратить внимания на колчаные крючки (рис. 46—1—4), которые можно дополнить совершенно аналогичной находкой из кургана с трупосожжением на Терекле³⁸ и крючками из кургана у с. Синеглазово³⁹. Поволжские крючки — несколько иной формы и встречаются в савроматских погребениях очень редко. Наконец, каменные жертвенники-алтарики продолжают перечень отличий поволжской и самаро-уральской групп.

В силу территориальной близости с южными районами ананьинской культуры среди савроматских находок самаро-уральской группы появляются формы и отдельные черты, которые следует отнести за счет влияния северных соседей. Примером служит бронзовая серьга из кургана I Аландской группы (рис. 47—9). Принцип строения ее из двух частей, из которых

³² К. В. Сальников. Археологические исследования..., стр. 88, 89, рис. 31, а; е го же. Городище Чудаки..., стр. 225, рис. 5.

³³ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов, стр. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Н. К. Минко. Указ. соч., стр. 107—112.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов, стр. 3—19.

³⁷ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1, 1940, стр. 67.

³⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 182, рис. 14, б.

³⁹ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192.

одна — восьмеркообразной формы, характерен для ананьинских древностей⁴⁰. То же следует сказать и об орнаменте наколами, встреченном на разбитом на мелкие части красноглиняном сосуде из кургана II Аландской группы. Подобный орнамент свойствен керамике ананьинских городищ, расположенных в бассейне р. Белой⁴¹.

Но отдельные различия в обеих савроматских группах не отрицают бесспорного родства их материальной культуры, основанного на этническом единстве населения, тем более что в дальнейшем локальные различия в инвентаре стираются. Но следует еще раз подчеркнуть, что именно в среде южноуральских сарматов произошло зарождение общесарматской прохоровской культуры III—II вв. до н. э.⁴²; это непрерывно подтверждается последними исследованиями в западных и восточных районах Оренбургской области. Только в Приуралье мы сталкиваемся с самыми ранними прохоровскими погребениями начала и середины IV в. до н. э. В Поволжье прохоровские погребения, как правило, относятся к концу IV в.—II в. до н. э.

Проведенные разведочные работы неопровержимо доказывают необходимость дальнейшего изучения этих районов, памятники которых помогут нам в разрешении многих еще не ясных вопросов истории сарматов.

---

⁴⁰ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 42, табл. VI, рис. 7.

⁴¹ Там же, стр. 71.

⁴² К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов, стр. 19.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАБОТЫ НИЖНЕ-ДОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В 1957—1958 гг.

В 1957 и 1958 гг. Нижне-Донская экспедиция ИИМК, Ростовского и Таганрогского краеведческих музеев продолжала работы по исследованию памятников древности Нижнего Подонья¹.

Основным объектом исследования, как и в предыдущие годы, оставалось городище Танаиса (Недвиговское). Здесь были расширены ранее заложенные раскоп II (в северо-восточном углу городища) и раскоп IV (в юго-западном углу) и начаты работы на новых раскопах в пределах так называемого «западного крыла» городища, к западу от основного четырехугольника². Кроме того, продолжалось исследование грунтового могильника Танаиса не только к востоку и северо-востоку от городища, но и к северу и северо-западу от него.

На раскопе II проведено исследование юго-западной части участка, вскрытого в 1955—1956 гг.³; раскоп был расширен на юг и на запад и общая площадь его доведена до 500 кв. м. При раскопках 1957 г. на этом участке под остатками более поздних помещений Ж и К впервые обнаружен культурный слой, принадлежащий позднеэллинистическому времени. Слой лежит непосредственно на материковой глине — белоглазке и состоит из золистого суглинка с мусорными прослойками. В нем найдены обломки эллинистических амфор — синопских и родосских, фрагменты чернолаковой посуды и другой материал, датируемый III—I вв. до н. э. Строительные остатки здесь, однако, не сохранились. Наиболее ранними сооружениями на этом участке были ямы хозяйственного назначения (№ 6 и 7), вырытые в материковой глине и содержавшие фрагменты керамики I в. до н. э. — I в. н. э. К тому же времени относится цилиндрическая цистерна, использовавшаяся, вероятно, для сбора дождевой воды. Глубина цистерны — 1,33 м, диаметр дна — около 1 м; стенки ее плотно выложены камнем.

¹ Состав экспедиции 1957 г.: начальник — Д. Б. Шелов, начальники раскопов — Т. М. Арсеньева, А. И. Болтунова, И. С. Каменецкий, А. К. Коровина, В. В. Кропоткин. Состав экспедиции 1958 г.: начальник — Д. Б. Шелов, заместитель начальника — И. С. Каменецкий, научные сотрудники — Т. М. Арсеньева, А. И. Болтунова, А. К. Коровина, В. С. Забелина, М. П. Абрамова, М. Г. Мошкова, Х. И. Крис, М. М. Герасимова.

² План городища с обозначением раскопов см. в наших статьях: «Раскопки Танаиса в 1955 г.», КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 74; «К истории Танаиса», ВДИ, 1959, № 1, стр. 118.

³ См. Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г.; его же. Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, вып. 81, 1959.

Гораздо обильнее и выразительнее вновь обнаруженные городские сооружения периода расцвета города во II—III вв. н. э. К западу от усадьбы, исследованной в 1955—1956 гг., открыты остатки еще одного жилого комплекса этого же времени. Раскопана часть двора, тщательно вымощенного каменными плитами (вымостка № 55). В центре двора находился глубокий и узкий колодец (№ 56); глубина его от уровня вымостки — 4,3 м, устье — в форме прямоугольника размером 0,43 × 0,45 м; вертикальные стенки выложены камнем (рис. 49). Горловина была закрыта большой плоской плитой. Находки в колодце и на вымостке дворика свидетельствуют о гибели этого комплекса в середине III в. н. э. — в то же время, когда погибла и соседняя усадьба, исследованная ранее.

Рис. 49. Танаис, 1957 г. Раскоп II. Вымостка дворика с колодцем.

С юга к дворнику примыкает и сообщается с ним проходом помещение И. Выяснить его размеры невозможно, так как западная часть его, так же как часть дворника и другие помещения этой усадьбы, располагавшиеся на запад от дворника, уничтожена глубокой траншеей, проходящей от центра городища к северо-восточному углу и образовавшейся в результате раскопок Леонтьева в 1853 г. Стены помещения были обмазаны глиной; глинобитным был и пол. Под помещением открыт большой подвал, заполненный камнем. В отличие от других подвалов на этом раскопе, он не погиб во время общей катастрофы города в середине III в. н. э., но, видимо незадолго до этого был завален камнем при какой-то перестройке помещения над ним.

Кроме описанных, ко II—III вв. н. э. принадлежит еще несколько строений — помещение Ж с каменным полом и глинобитным очагом, частично открытый подвал Л и др.

Впервые на раскопе открыты сооружения более или менее удовлетворительной сохранности, относящиеся к периоду возрождения города после разгрома в III в. н. э. Второй половиной IV в. н. э. может быть датировано большое помещение К, расположенное на месте, где во II—III вв. н. э. проходил переулок. Пол здесь был выложен каменными плитами, но вымостка сохранилась очень плохо. К помещению К примыкал также мощный дворик.

Следует отметить, что определение строительных остатков IV в. н. э. очень затруднено не только их фрагментарностью, но и почти полным отсутствием материалов, которые могли бы твердо их датировать. Находки предметов, заведомо относящихся к IV в. н. э., на городище вообще редки, и даже там, где архитектурные объекты совершенно определенно принадлежат IV в. н. э., основную массу находок в культурном слое состав-

для амфорные и иные керамические фрагменты, суммарно датированные III—IV вв. н. э. Поэтому поздняя датировка некоторых сооружений базируется не на анализе всего сопровождающего материала, а, главным образом, на единичных поздних находках и выяснении взаимосвязи отдельных строительных остатков.

IV раскоп в юго-западном углу городища был основным участком исследований в 1957 г. Раскопки здесь начаты в 1956 г., но тогда из-за незначительности вскрытой площади трудно было до конца понять выявленные остатки построек и особенно — оборонительных сооружений⁴. Раскоп был значительно расширен — площадь его достигла 576 кв. м (рис. 50), благодаря чему удалось установить главные моменты истории этого участка города.

Выяснилось, что основной панцирь оборонительной стены (№ 5) был создан во II в. до н. э. Эта стена, около 2,4 м толщиной, сохранилась в высоту до 3 м. Она построена из крупных, слегка подтесанных камней, причем основание ее лежит на материковой скале. Одновременно было сооружено и примыкающее с востока помещение А, для которого оборонительная стена (№ 5) служила западной стеной, а две другие строились впереплет с ней. Но поскольку это помещение, как и другие постройки за оборонительной стеной, существовало очень долго и при раскопках здесь обнаружен гораздо более поздний материал, к нему придется вернуться ниже.

В I в. н. э. стена № 5 была разрушена и оборонительных функций не несла. Об этом свидетельствует тот факт, что почти вплотную к ней с наружной стороны была воздвигнута жилая усадьба. Во время работ 1957 г. этот комплекс в западной части раскопа IV вскрыт полностью.

Усадьба состояла из 4 помещений, располагавшихся вокруг мощеного двора (рис. 51). Два из них (Б и В) были, несомненно, жилыми. Каменные стены их изнутри покрыты глиняной обмазкой, полы — глинобитные; в обеих комнатах открыты глиняные очаги, а в комнате Б — еще и хозяйственная яма. В обоих помещениях встречено много керамики; в подавляющем большинстве — это фрагменты светлоглиняных амфор с двухствольными ручками, узкогорлых — с профилированными ручками (ранних типов), косских и родосских амфор, лепной посуды, краснолаковой керамики, каменные и глиняные грузила. Из отдельных находок следует упомянуть обнаруженную в помещении В глиняную печать (пинтадер), фрагментированный лепной сосуд необычной формы на двух прорезных подставках и оленьи рога со следами опилки. Все находки хорошо датируют помещения и весь комплекс усадьбы I в. н. э. Эта датировка подтверждается и тем, что под стенами усадьбы обнаружено несколько более ранних хозяйственных ям, вырытых в материковой глине и вырубленных в скале, которые датируются находками II—I вв. до н. э.

Два западных помещения усадьбы сохранились гораздо хуже, так как значительная часть их разрушена при строительстве рва перед оборонительной стеной во II в. н. э. Одно из них (Ж) было вымощено плитами и, может быть, служило местом содержания скота; второе (Е), очевидно, имело хозяйственное назначение — под ним находился подвал (глубиной 1,85 м), частично вырытый в глине, частично вырубленный в материковой скале. В тех местах, где стенки его проходили в глинистом грунте, они были укреплены каменными кладками. В одной из стен находилась маленькая ниша.

В связи с восстановлением оборонительной стены во II в. н. э. усадьба была уничтожена. Стены восточной части комплекса разобраны до высоты 1 м, а нижние части их засыпаны. О преднамеренной разборке стен, а не о разрушении можно судить по тому, что при раскопках усадьбы встретилось сравнительно небольшое количество камня, в то время как помещения,

⁴ Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1956 г.

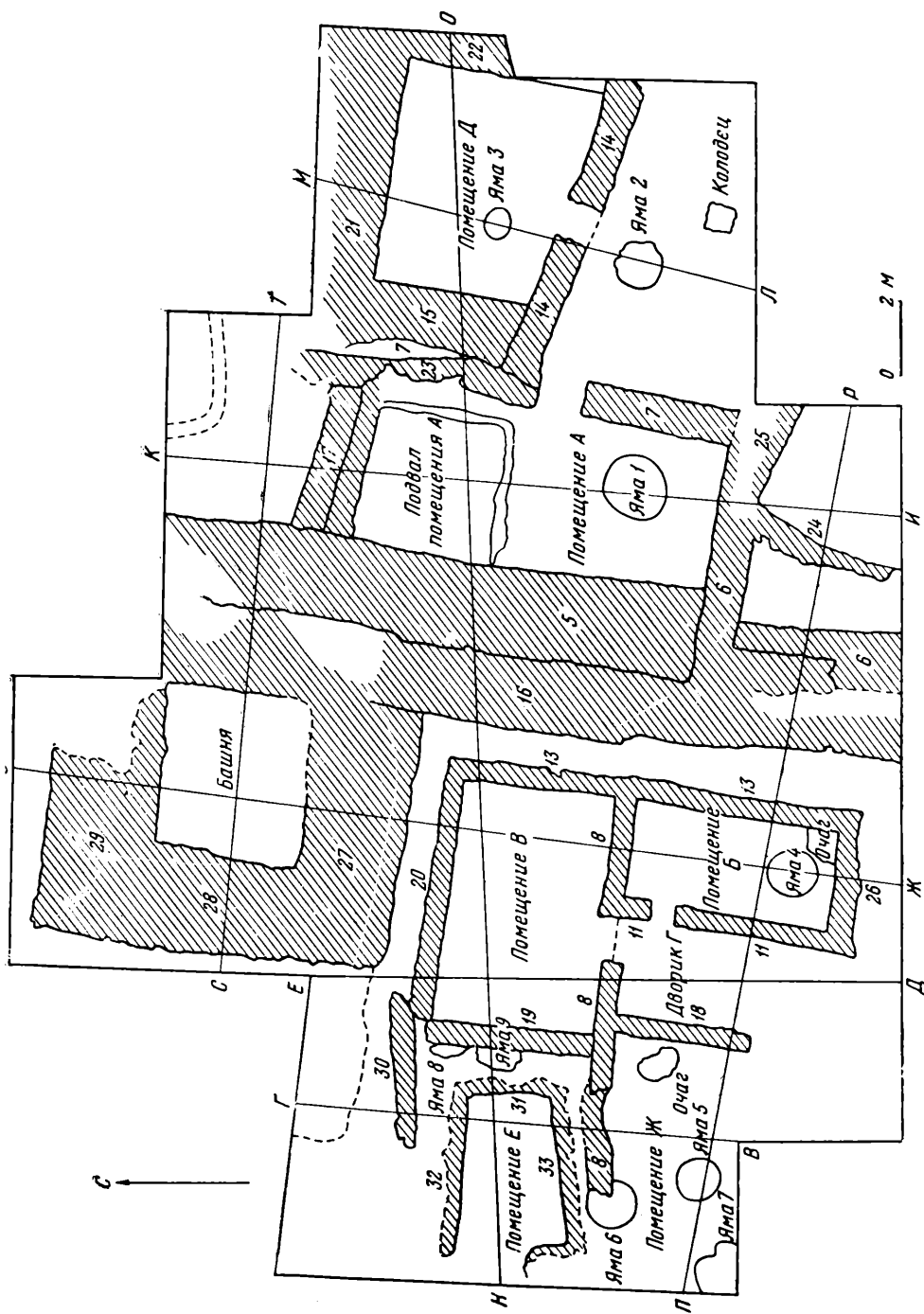

Рис. 50. Танаис, 1956—1957 гг. Схема генерального плана раскопа IV.

Рис. 51. Танаис, 1956—1957 гг. Раскоп IV.
1 — общий вид раскопа (на переднем плане — усадьба I в. н. э.); 2 — вымостка двора усадьбы I в. н. э.

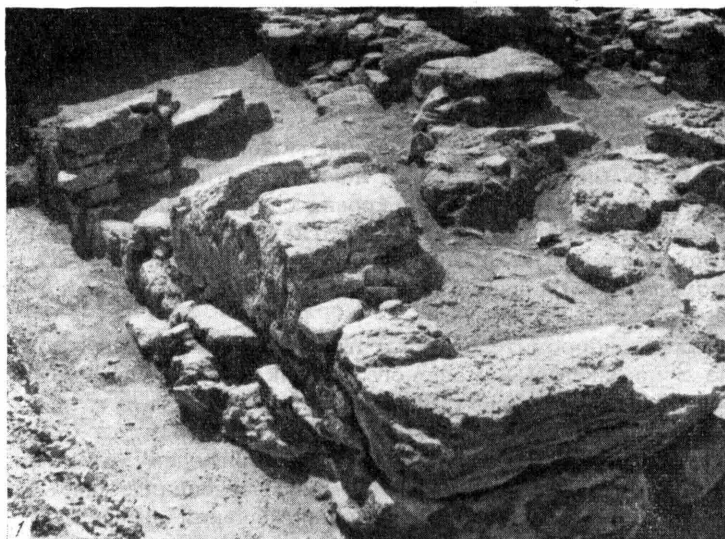

Рис. 52. Танаис, 1957 г. Раскоп IV.

1 — фундамент башни; 2 — подвал Д.

погибшие в результате пожаров и обвалов стен, хорошо известные нам по раскопкам в Танаисе, всегда бывают почти целиком завалены камнем. В западной части усадьбы стены наземных помещений и подвала срезаны наискось для создания ската рва. Это позволяет установить, что если не все сооружение рва, то, по крайней мере, придание его восточному склону теперешнего вида относится ко времени после I в. н. э.; вероятно, это было сделано одновременно с восстановлением оборонительной стены.

Следами восстановительных работ являются огромные каменные глыбы верхнего ряда стены, сохранившиеся до настоящего времени. Они резко отличаются от более скромных по размеру, но плотнее уложенных камней первоначальной кладки. Одновременно с надстройкой стены № 5 ей был придан дополнительный наружный панцирь (№ 16), и, таким образом,

общая толщина оборонительной стены доведена до 4,5 м. Подошва панциря (№ 16) лежит значительно выше подошвы основной стены (№ 5), на уровне остатков разобранной усадьбы I в. н. э. На том же уровне находится и основание большой крепостной башни, построенной одновременно с созданием дополнительного панциря (№ 16). От башни сохранился только фундамент из огромных, массивных каменных глыб, слегка подтесанных по фасу (рис. 52—1). Но и по этим остаткам можно судить о мощности сооружения. Башня была четырёхугольной, пристроена снаружи впритык к стене № 16 и выдавалась почти на 7 м вперед по отношению к фасу оборонительной стены. Ширина башни по фронту была более 9 м. Внутри находилось небольшое помещение площадью около 16 кв. м; толщина стен составляла 2,7—3 м.

К востоку от оборонительной стены открыт интересный комплекс, состоящий из 2 помещений и мощеного дворика. Этот дворик с колодцем и часть одного из помещений (А) были обнаружены в 1956 г. В 1957 г. помещение А докопано полностью. Оно оказалось довольно большим (10,2 × 4,3 м) с глинобитным полом, лежавшим на материковой скале. В южной части еще в 1956 г. была открыта высеченная в скале хозяйственная яма. Почти всю северную половину помещения А занимает глубокий подвал; длина его — 3,65 м, ширина — 2,60 м, глубина от уровня пола — 2,5 м. Для сооружения подвала была использована трещина материковой скалы. Борты трещины, искусственно подтесанные, образуют западную и восточную стены; две другие сложены из мелкого нерегулярного камня. В северной стене сделана небольшая ниша, в которой обнаружены две фрагментированные светлоглиняные амфоры III в. н. э. и часть большого лепного сосуда. Весь материал, найденный в самом помещении и в подвале, свидетельствует о том, что они бытовали к моменту разгрома города в середине III в. н. э. и погибли во время его разрушения. Но так как стены помещения А составляют одно целое с оборонительной стеной № 5, построенной во II в. до н. э., следует думать, что это помещение возникло еще тогда и просуществовало несколько столетий.

В восточной стене помещения А был дверной проем, связывавший его с мощеным двором, открытым в 1956 г. На этот же двор выходила с севера дверь другого помещения (Д), откопанного в 1957 г. Оно в очень плохом состоянии, и стены его почти совсем разрушены. Часть помещения осталась еще не расчищенной. Общая площадь его составляла не менее 50 кв. м. Под помещением Д находится подвал хозяйственного назначения, открытый нами полностью (рис. 52—2). В плане он неправильной четырехугольной формы; длина — 6 м, ширина — 4,2—5,25 м, глубина — 2,4 м. Пол образует подтесанная скала, на которой покоятся стены, сложенные из камня. Сохранился вход в виде трех каменных ступеней.

Подвал был заполнен завалом камней и мусорным грунтом. При расчистке в нем найдено несколько целых и огромное число разбитых амфор. Подсчет фрагментов показал, что в подвале хранилось около 375 светлоглиняных узкогорлых и 40 красноглиняных больших амфор III в. н. э. На большинстве из этих амфор есть знаки красной краской — имена, цифры, монограммы. Следует отметить находку свинцовой гири с инкрустированным медью сарматским тамгообразным знаком и боспорских монет первой половины III в. н. э. Эти материалы свидетельствуют о гибели подвала Д во время общего разгрома города в 40-х годах III в. н. э.

В скале, образующей пол подвала Д, была неглубокая расселина, заполненная мусорным грунтом с обломками амфор I в. до н. э. — I в. н. э., т. е. относящимся ко времени, гораздо более раннему, чем весь остальной материал. Это позволяет предположить, что подвал Д, так же как и помещение А, был сооружен задолго до того, когда все эти помещения погибли в огне пожара в III в. н. э. В каменном полу подвала расчищены две выдолбленные

ямы. Одна из них служила резервуаром для стока влаги, скоплавшейся в подвале; назначение другой не выяснено.

Постройки, относящиеся к последнему периоду существования Танаиса, ко второй половине IV в. н. э., представлены на раскопе IV отдельными, плохо сохранившимися кладками. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что две из этих кладок служили подпорными стенками для каменных завалов, образовавшихся вследствие разрушения зданий в III в. н. э. Видимо, у жителей Танаиса IV в. н. э. не было сил для восстановления всех зданий, погибших в III в. н. э.; в некоторых случаях развалины их просто ограждали подпорными стенами, чтобы они не обрушились на расположенные рядом обитаемые постройки.

В 1957 г. на территории раскопа IV открыто второе погребение. Оно сопровождалось сероглиняным лощеным сосудом с ручкой, типичным для салтово-маяцкой культуры. Таким образом, не подлежит сомнению, что захоронение совершено в раннесредневековое время, когда Танаис уже не существовал. Это подтверждает предположение, что и первое погребение, обнаруженное в 1956 г. на том же участке, аналогичное по обряду, но не имевшее никакого инвентаря, относится к раннесредневековому времени.

В 1957 г. и особенно в 1958 г. экспедиция уделяла много внимания участку городища, расположенному к западу от основного четырехугольника, обрисованного рвами. Для того чтобы выяснить конструкцию вала, находящегося к западу от четырехугольника и принимавшегося прежними исследователями за внешнюю оборонительную линию Танаиса, вал был перерезан траншеей длиной 28 м и шириной 4 м (раскоп VII).

Разрез вала подтвердил наше предположение о том, что он насыпан в сравнительно недавнее время, — вероятно, в XVIII в., — и никакого отношения к Танаису не имеет. Непосредственно под подошвой вала лежит мощный слой мусорной свалки, причем находки относятся преимущественно к I—III вв. н. э.; еще ниже — слой позднеэллинистического времени. Почти на всей территории раскопа в этом слое встречены остатки каменных стен и вымосток, но ввиду очень ограниченной площади раскопа разобраться в их назначении и взаимоотношениях пока трудно. Вне всякого сомнения, что в последние века до нашей эры на этом месте существовал городской район с каменными постройками, а примерно с I в. до н. э. он был заброшен, и здесь стали сваливать мусор, вывозимый из города. Таким образом, хотя оказалось, что вал, якобы ограничивавший западное крыло города, к Танаису отношения не имел, само «западное крыло» все же существовало, по крайней мере, в позднеэллинистическую эпоху.

Для того, чтобы выяснить характер застройки этого района, был заложен раскоп VI к западу от рва основного четырехугольника. В 1957 и 1958 гг. здесь вскрыта площадь 575 кв. м и обнаружены части жилых усадеб, располагавшихся по сторонам узкого извилистого переулочка. Каждый из комплексов состоял из нескольких помещений с глинобитными полами и мощеного двора (рис. 53). Основная часть сооружений относится ко II в.—I в. до н. э. Но кое-где под хорошо сохранившимися стенами и вымостками этого времени уцелели остатки фундаментов зданий и хозяйственные ямы, функционировавшие еще в III в. до н. э. Несомненно, уже в это время Танаис был поселением городского типа. Квартал, изучавшийся нами на раскопе VI, прекратил свое существование в I в. до н. э. Развалины некоторых из помещений носят следы гибели в огне — во время пожара. Более поздние строительные остатки на раскопе отсутствуют, если не считать небольшой постройки типа погреба, существование которой относится ко II—III вв. н. э.

Вообще же этот район в первые века нашей эры был необитаем — здесь уже находились обширные загородные свалки.

Рис. 53. Танаис, 1957—1958 гг. Раскоп VI. Жилой квартал II—I вв. до н. э.

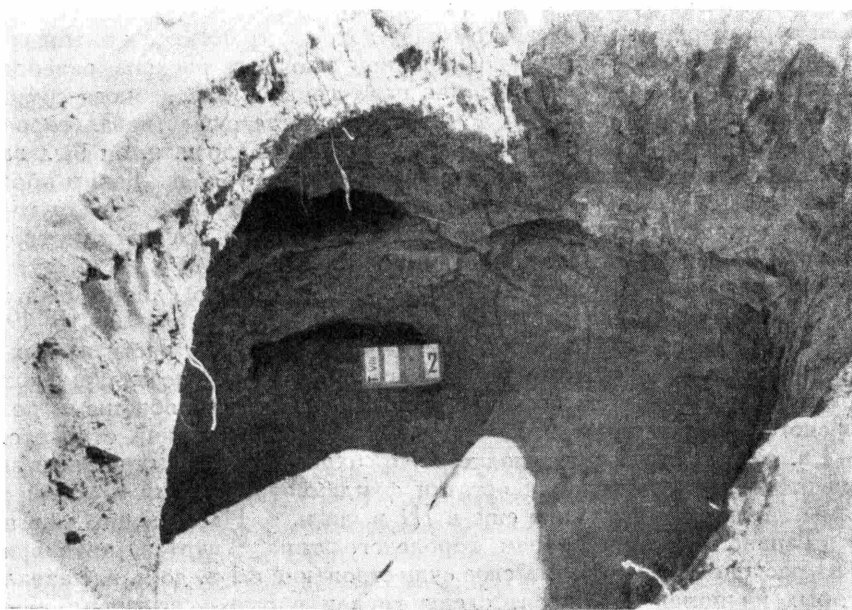

Рис. 54. Танаис, 1958 г. Раскоп VIII. Подбойная могила № 2 (105).

Параллельно с раскопками городища в 1957 и 1958 гг. продолжалось исследование грунтового могильника Танаиса. В 1957 г. вскрыты еще 24 могилы в районе к северо-востоку от городища (раскоп V). Еще одна могила обнаружена здесь в 1958 г. Все погребения совершены в простых земляных ямах. Те из них, которые могут быть датированы, относятся к последнему столетию до нашей эры и первым векам нашей эры.

Дальнейшее изучение грунтового некрополя было перенесено в район к северу и северо-западу от городища. К северу от городища, за северным ровом, был заложен небольшой раскоп VIII общей площадью 80 кв. м. Обнаружены 4 погребения, все ограбленные. Впервые здесь открыт новый тип могильных сооружений — подбойные могилы, вырытые в материковой глине (рис. 54). В раскопе X, площадью 92 кв. м, разбитом к северо-западу от городища, найдено еще 14 погребений; одно из них было совершено в подбое, остальные — в простых грунтовых могилах. Над некоторыми могилами оказались циркульные оградки из необработанных камней, подобные встречавшимся уже ранее на раскопах III и V. Все погребения, время которых может быть определено, датируются близко к рубежу нашей эры.

Разведочные работы велись Нижне-Донской экспедицией в 1957 и 1958 гг., главным образом, в центральной части дельты Дона, в треугольнике между населенными пунктами — хутором Лагутник (Киреев), хутором Дугин, с. Рогожкино. На этой территории, известной у жителей под названием «Бугры», обследовано несколько поселений, обнаруженных по отдельным находкам керамики, кремневых отщепов и орудий, а также других вещей в выдувах песчаных дюн, покрывающих всю местность.

На некоторых из поселений собран подъемный материал, относящийся к античному времени (Бугры IV, V, VI). Это, главным образом, обломки лепных сосудов (подобных тем, что характерны для Елизаветовского городища), фрагменты гераклеийских, фасосских и других эллинистических амфор, глиняные пряслица, пастовые бусы. Материал может быть датирован IV—III в. до н. э. На других поселениях (Бугры, I, II, VII, VIII) наряду с аналогичными находками, датируемыми античным временем, встречаются и относящиеся к эпохе бронзы кремневые наконечники стрел и отщепы, обломки керамики с налепными валиками, орнаментом в виде углублений, прочерченных линий и пр. Подобная керамика известна в нижних слоях Кобякова и Нижне-Гниловского городищ. На поселении Бугры III встречена только керамика эпохи бронзы.

На поселении Бугры II в 1958 г. были заложены два небольших разведочных раскопа общей площадью около 130 кв. м. Обнаружены остатки основания полуземлянки эпохи бронзы и четыре более поздних погребения, из которых три врзались в это жилище. Погребения должны быть датированы, судя по сохранившемуся инвентарю, V—IV вв. до н. э. и, вероятно, относятся к некрополю расположенного рядом городища у хутора Лагутник (Киреев).

Городище в хуторе Лагутник также было подвергнуто осмотру и в наиболее возвышенной части его заложен небольшой шурф с целью выяснить характер напластований; при этом выявлен культурный слой мощностью до 3 м, но очень слабо насыщенный находками. Верхний его пласт относится к античному времени, нижний — к эпохе бронзы. Обследованы остатки открытого С. Н. Братченко поселения бронзового века около поселка Сафьяново на правом коренном берегу Мертвого Дона. При осмотре старых траншей в обрзе одной из них прослежены очертания полуземлянки.

В 1957 г. экспедиция произвела фотсъемку нижнедонских городищ скифо-сарматского времени.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ И В. И. КУЗИЩИН

ПОДВОДНЫЕ РАЗВЕДКИ В 1958 Г.

В августе 1958 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР проводились подводные археологические разведки в Керченском проливе и у северного побережья Черного моря. Работы велись отрядом археологов-подводников, состоящим из преподавателей и студентов исторического факультета Московского университета и Московского энергетического института.

Обследовалось морское дно на глубине от 2—3 до 25 м около мыса Такиль, Кызаулского маяка, мыса Железный Рог, банки Марии Магдалины, Анапы (к западу от города), Гурзуфа (возле камней Адолар) и в Евпаторийской бухте (около детского санатория). Основной же задачей были разведка дна Таманского залива, около городища Фанагории, и составление плана затопленных частей древнего города (рис. 55).

Работа выполнялась следующим образом. Вдоль берега была разбита базовая линия длиной 700 м, разделенная на 4 отрезка (200, 200, 200 и 100 м). На концах отрезков стояли фиксаторы, засекавшие посредством бусолей местонахождение шлюпки, становившейся на якорь обычно на расстоянии от 100 до 300 м от них. После этого с шлюпки спускались под воду легкие водолазы (один или, чаще, двое), обследовавшие участки радиусом от 20 до 40 м. Результаты их наблюдений отмечались в дневнике, после чего шлюпка передвигалась на новое место. Всего, таким образом, осмотрено 80 пунктов. Обследование дна велось только визуально, без применения каких-либо грунтососов, поэтому собранные нами данные могут служить лишь для предварительных заключений, а отнюдь не для окончательных выводов.

На дне залива возле городища обнаружено значительное количество отдельных камней и скоплений их, а также много обломков керамики, относящихся, главным образом, к первым векам нашей эры и раннесредневековых. Встречались фрагменты черепицы (соленов и калиптеров), античных остродонных амфор, а также средневековых амфор. Поднято восемь верхних частей амфор, в том числе две закупоренные пробками¹. При зачистке морского дна под тонким слоем ила попадалось большое количество различных камней и обломков керамики, свидетельствующих о несомненном залегании

¹ Попутно отметим, что среди подводных находок, собранных в последнее время у берегов Прованса, были верхние части амфор с пробками из известкового раствора (см. F. Vejoit. *Nouvelles épreuves de Provence*. «Gallia», XVI, 1958, стр. 26 и сл., рис. 32 и 33).

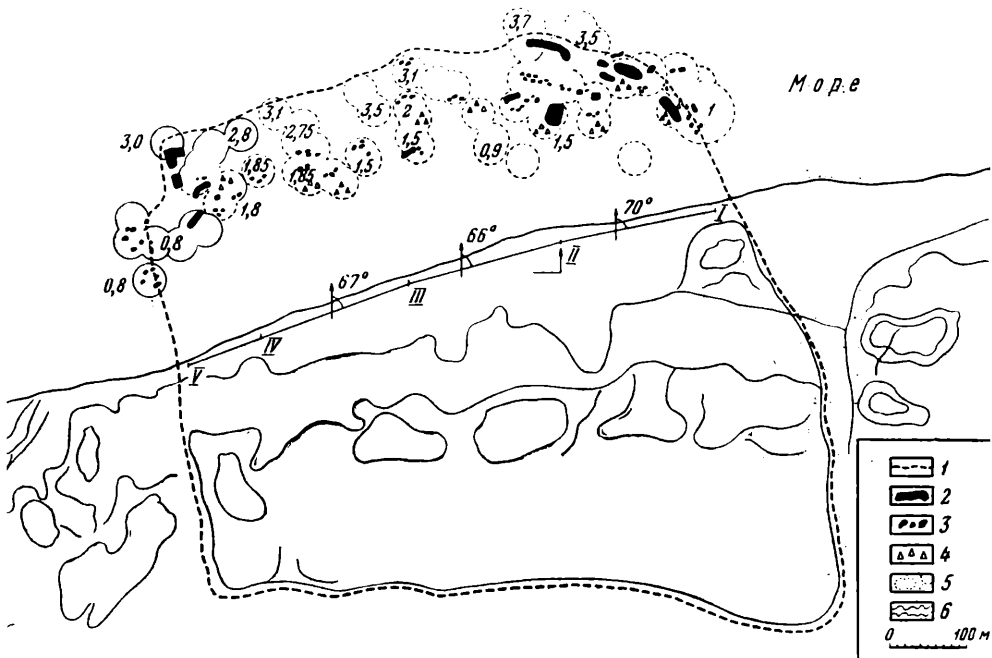

Рис. 55. Схематический план Фанагории

1 — граница города; 2 — гряды камней; 3 — группы камней; 4 — керамика; 5 — участки погружений и глубины; 6 — очертание холмов.

культурного слоя. Скопления камней и черепков позволили примерно наметить общую площадь, занимаемую древним городом; примечательно, что большая часть скоплений камней наблюдалась на его границах, возможно, представляя собой развалы забутовки оборонительных стен.

В северо-восточной части затопленного города обнаружена целая гряда, тянувшаяся с юго-востока на северо-запад² и в основном состоявшая из рваных камней средней величины, среди которых встречались грубо отесанные квадраты и обломки керамики.

Другой большой завал камней открыт в северо-западной части подводной Фанагории. Широкая гряда тянулась с юга на север и затем резко поворачивала к востоку. Рваные, частично окатанные камни, мелкие и средней величины, лежали навалом один возле другого. По направлению к берегу гряда камней постепенно становилась все реже, переходя в небольшие отдельные группы. К юго-востоку от этой гряды обнаружены две хорошо отесанные известняковые плиты.

По данным разведок 1958 г. можно полагать, что северная граница Фанагории проходила в среднем на расстоянии 220 м от берега. Местами это расстояние достигает 240 м. Глубина затопленных частей города была не более 2,3 м, причем нарастание глубин большей частью шло постепенно, без резких колебаний.

² Эти строительные остатки изучались еще в 1858 г. и были названы молом (см. К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 88). Однако уже после работ 1939 г. стало ясно, что развалины относятся к наземной застройке, вероятнее всего, — к оборонительной стене, затопленной морем (см. В. Д. Блаватский. О подводной археологии. СА, 1958, № 3, стр. 86 и сл.).

Иная картина наблюдалась за пределами площади, занятой каменными грядами и скоплениями керамики. Дно там сразу резко понижалось, обычно на 1—1,5 м, а местами — на 1,65 м. Возможно, что разница в глубине залива связана с залеганием культурных напластований затопленной части древнего города. Кроме того, отмечена разница и в плотности грунта. За пределами затопленной части городища рука легко погружалась в илистый грунт; между тем на площади занятой культурными напластованиями, требовались значительные усилия, чтобы вдавить лом.

Площадь находящейся под водой части Фанагории, вероятно, достигает 15 га. Границы наземной части города установлены в результате раскопок 1936—1940 гг.³ и получили подтверждение при последующих работах⁴. Размеры этой части Фанагории — около 37 га.

Таким образом, общая площадь города была не менее 50 га, и можно полагать, что Фанагория была второй по величине среди античных городов Северного Причерноморья. Уступая по размерам Пантикапею, она превосходила остальные города Боспорского государства. Это делает более понятным свидетельство Страбона⁵, который, подчеркнув большое торговое значение Фанагории, назвал ее метрополией азиатского Боспора. Конечно, термин «метрополия» (*μητρόπολις*) следует понимать не в прямом смысле, т. е. «основательницы других городов», а видеть в нем указание на очень крупное значение и, вероятно, большие размеры Фанагории.

---

³ В. Д. Блаватский. О строительном деле Фанагории. Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета, кн. 9. М., 1950. стр. 32—35.

⁴ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 10—12.

⁵ Strab., XI, 2, 10.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

М. И. МАКСИМОВА

СЕРЕБРЯНАЯ ПРЯЖКА ИЗ АРТЮХОВСКОГО
КУРГАНА

Среди вещей из Артюховского кургана, еще не изданных, есть обнаруженная в преддверии склепа № 2 серебряная пряжка от пояса. Она привлекает к себе внимание не совсем обычной формой и украшением в виде человеческой фигуры¹ (рис. 56—1). Массивная, литая пряжка состоит из двух колец, соединенных друг с другом наподобие уложенной горизонтально цифры восемь. Между кольцами — продолговатая пластина с рельефной фигурой женщины, а от левого кольца выдается вбок длинный шип, которому придана форма головы лебедя; благодаря этому, кольца пряжки воспринимаются как извивы длинной, раздвоенной лебединой шеи.

Насколько нам известно, среди скифских поясных пряжек нет прямых аналогий описанному предмету². Но если мы обратимся к областям, населенным в эпоху эллинизма сарматами, то поиски наши увенчаются успехом. В погребениях прохоровского типа, в Нижнем Поволжье, бронзовые пряжки в форме «восьмерки» встречаются настолько часто, что в науке их причисляют к памятникам, типичным для культуры обитавших в этом районе сарматских племен³. По форме эти изделия ничем, кроме деталей, не отличаются от пряжки из Артюховского кургана, только шипы у них более короткие и не оформлены в виде птичьей головы; отсутствует также фигурный рельеф между кольцами, хотя у некоторых экземпляров

¹ Инвентарь Эрмитажа — № Арт. 98. Кратко описана в ОАК за 1880 г. (стр. 13, № 9) как «небольшая бронзовая пряжка без украшений». До очистки пряжка была покрыта густой патиной, чем и объясняется ошибка Стефани, принявшего серебро за бронзу и не заметившего фигурного украшения. Длина предмета — 0,071 м, высота — 0,038 м; поверхность металла частично разложилась, почернела и покрылась ямками и бугорками, отчего формы рельефа в деталях неясны.

² Бронзовая пряжка из собрания Ханенко («Древности Приднепровья», т. IV, табл. X, № 263) и золотая пряжка из с. Цветка (ОАК за 1896 г., стр. 88, рис. 351) только отдаленно напоминают форму публикуемой.

³ См., например, И. В. Сидцын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 89, рис. 34—6; В. П. Шолов. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 124, рис. 51—4,5; П. Рау — Известия Центрального музея Автономной республики немцев Поволжья, вып. 2, 1927, стр. 44, рис. 51, 4, 5, и стр. 10. См. особенно недавно вышедшее в свет специальное исследование о пряжках этого типа: М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, № 78, М., 1960.

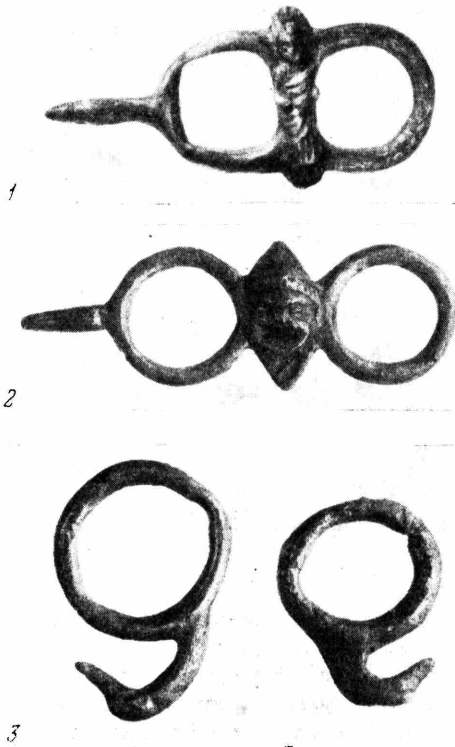

Рис. 56. Серебряная пряжка из Артюховского кургана (1), бронзовая пряжка и кольца с крючком из мавзолея Неаполя Скифского (2, 3).

го⁶. Между кольцами их также помещается ромбовидная пластинка с рельефной комической маской. Шипы у всех 3 экземпляров сделаны в виде птичьей головы, в двух случаях сильно стилизованной; у одной из них (В-2469) сохранился на правом кольце бронзовый зажим для прикрепления ремня.

Погребальный комплекс деревянного ящика XXIV в мавзолее Неаполя датируется П. Н. Шульцем временем не ранее I в. до н. э.; каменная гробница того же мавзолея, в которой найдены упомянутые крючки, — концом II в. до н. э. С этими датами хорошо согласуется предлагаемая нами датировка погребений Артюховского кургана⁷ серединой или третьей четвертью II в. до н. э. Погребения в Нижнем Поволжье, в которых столь часто встречаются «пряжки в виде восьмерки», П. Рау и М. Ростовцев относят к позднему эллинизму, так же как и М. Эберт, который указывает II—I вв. до н. э.⁸

приделана пластинка, прикрывающая стык обоих колец. Массовый характер находок подобных пряжек в сарматских погребениях Нижнего Поволжья показывает, что родину их следует искать в этих областях, откуда они и распространились на запад.

Проникновение пряжек сарматской формы на Боспор и далее на запад засвидетельствовано не только находкой в Артюховском кургане. В мавзолее Неаполя Скифского, в деревянном ящике XXIV⁴, встречена, на поясе погребенного там воина, бронзовая пряжка того же типа; она украшена изображением греческой комической маски на ромбовидной пластинке, прикрывающей стык колец (рис. 56—2). Шипу, правда, не придана форма головы птицы; но в том же мавзолее, в каменной гробнице знатного скифа, найдены 4 приспособления для подвешивания оружия к наборному поясу⁵, состоящие из кольца с крючком, оформленным в виде птичьей головы, которые ближайшим образом напоминают трактовку колец и шипа на артюховской пряжке (рис. 56—3). В собрании Государственного Эрмитажа хранятся еще 3 бронзовые пряжки — близкие аналогии пряжке из Неаполя Скифского

⁴ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XV, 8; стр. 35.

⁵ П. Н. Шульц. Указ. соч., табл. IV, 1, 2 и табл. XIV, 2, 3; стр. 75 и 77.

⁶ 1. Инв. № П-2830 (длина предмета — 0,066 м). Передана в Государственный Эрмитаж из Этнографического музея. 2. Инв. № В-2469 (длина — 0,097 м). Куплена у Кирьякова как найденная в Керчи. 3. Инв. № В-2014 (длина — 0,082 м). Из собрания Боткина.

⁷ На эту тему нами был прочитан доклад в Государственном Эрмитаже в декабре 1957 г.

⁸ П. Рау. Указ. соч., стр. 10; М. Rostowzew. Указ. соч., стр. 597 и сл.; М. Ebert. Указ. соч., стр. 106.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении хронологические данные подтверждают высказанное выше предположение о заимствовании населением Северного Причерноморья пряжек в форме восьмерки у сарматов, а это в свою очередь хорошо согласуется с другими наблюдениями над постепенным проникновением сарматской культуры на запад в период позднего эллинизма⁹.

Интересно, что местные мастера Боспора, а может быть, и Неаполя Скифского, изготовлявшие пряжки сарматского типа, привнесли в них и некоторые видоизменения, в которых сказалось влияние собственной и хорошо им знакомой греческой культуры. Кроме превращения шипа пряжки в птичью голову, об этом особенно ясно свидетельствуют украшения изделий греческой комической маской, которой, может быть, в данном случае придавалось значение апотропея.

Пряжка из Артюховского кургана украшена изображением, по-видимому, связанным с культом местной великой богини. Представлена стоящая лицом к зрителю женская фигура, облаченная в греческую одежду — китон и гиматий; обе руки согнуты в локте и кисти лежат на поясе; в правой руке, повернутой ладонью кверху, — какой-то предмет сферической формы. Голова плохо сохранилась. На лице различимы лишь следы глазных впадин и носа; над теменем выдается какой-то неясный предмет, может быть, остаток головного убора. Выше головы — полукруглый выступ пластины в виде анфемиа, трактованный как пальметка. Под ногами женщины — второй такой же выступ, поверхность которого плохо сохранилась: на ней можно различить лишь впадины и бугорки, видимо, случайные. Постановка фигуры и ее греческая одежда вызывают в памяти произведения греческой пластики, но отдельные черты изображения — неподвижная поза, неправильные пропорции, схематическая передача складок, отсутствие попыток выявить скрытые под одеждой живые формы тела — выдают руку местного мастера. Вместе с тем строго фронтальная, иератическая поза фигуры наводит на мысль о связи этого образа с областью культа, на что, возможно, указывает и предмет в правой руке женщины, который, вероятнее всего, следует трактовать как сосуд типа куль-обского сосуда — обычный аксессуар скифских культовых сцен¹⁰.

По аналогии с известными изображениями великой местной богини на ритонах из Карагодеуашха и Мерджан и других памятниках мы вправе толковать эту фигуру как изображение того же божества. Таким образом, пряжка из Артюховского кургана, из гробницы представителя местной знати Тамани, по материалу наиболее парадная из всех известных нам поясных пряжек сарматского типа, интересна еще и тем, что в ней ясно отразилось слияние различных культурных элементов — сарматской формы изделия, местных культовых представлений и эллинских художественных приемов.

⁹ См. М. Rostowzew. Указ. соч., стр. 604 и сл.

¹⁰ См. ИАК, вып. 49, 1913, табл. II, 1, 3—5; табл. X и XI.

М. А. НАЛИВКИНА

КОСТЯНАЯ ФИГУРКА ИЗ ОЛЬВИИ

Ольвийской экспедицией Института археологии АН УССР и ЛОИИМК во время раскопок Ольвии в 1946 г. на участке А найдена фрагментированная человеческая фигурка из кости¹ (рис. 57—1, а, б).

Фигурка вырезана из трубчатой кости (метаподия) крупного домашнего животного (коровы или лошади)². Все детали изображения исполнены по выпиленной кости резцом. Обломаны голова и часть шеи слева спереди, отсутствует часть подставки. Мелкие повреждения и отдельные царапинки заметны на спине фигурки и других местах. Наиболее свежий отлом — у шеи. Высота фигурки — 5,5 см; ширина в плечах — 1,8 см; ширина подставки внизу — 1,2 см; сохранившаяся высота подставки — 0,8 см.

На фигурке изображен, по-видимому, безрукавный хитон — длинный, с тяжелыми вертикальными, параллельно спадающими вниз складками, плотно прилегающий к телу. Несколько ниже колен дан напуск хитона. Нижняя часть хитона доходит до щиколоток; спереди на нем три более частые вертикальные складки, которые спускаются к пространству между ступнями ног. У шеи — круглый вырез, ниже него отдельными прерывающимися линиями показаны горизонтальные складки. Поверх хитона на плечи фигурки наброшен плащ-накидка, покрывающий руки до локтей и спускающийся спереди ниже напуска хитона, а сзади позволяющий видеть лишь небольшую часть его складок. В изгибах рук у локтей накидка образует глубокие горизонтальные складки, что, наряду со складками хитона у шеи, нарушает всю вертикальную композицию изображения. Сзади на плаще-накидке небрежно нанесены косые линии, расходящиеся от средней линии спины, а ниже шеи справа сохранились остатки прически (рис. 57—1, б). Вдоль спины идет углубление, — по-видимому, естественное углубление кости.

В правой руке, согнутой в локте и плотно прижатой к туловищу, — венчик. Левая рука фигурки, также согнутая в локте, поднята вверх и держит какой-то предмет (птицу, цветок, сосуд?), трудно различимый. Обе груди четко обрисовываются под одеждой. Видимые из-под одежды ступни ног изображены на подставке отдельными плоскими выступами, причем правая уже левой.

¹ Шифр 0/46 1521. Хранится временно в Государственном Эрмитаже. (Фото М. Г. Агаронян). Фигурка встречена среди обломков керамики V—IV вв. до н. э. в глинисто-зольном слое, к северу от стены № 107, на глубине 3,18 м.

² По определению С. А. Семенова.

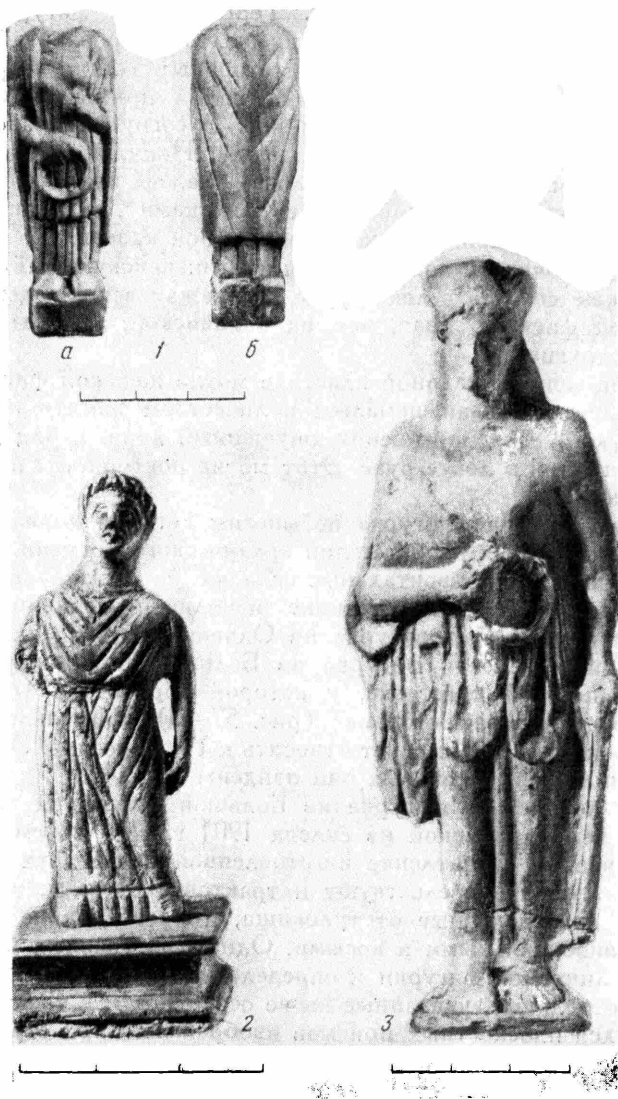

Рис. 57. Костяная фигурка из Ольвии и аналогии ей.

1, а, б — костяная фигурка из Ольвии; 2 — терракотовая статуэтка из Пантикапея (Государственный Эрмитаж); 3 — костяная фигурка из Большой Близницы (Государственный Эрмитаж).

Что же представляет собой эта фигурка, каково ее назначение, в какое время и где она сделана?

Изготовление человеческих изображений из кости можно проследить с раннего античного времени, но ничего похожего на публикуемую фигурку нам найти не удалось. По-видимому, для костяных изделий этот иконографический образ нов. В других видах античных художественных изделий, например в глине, подобные изображения встречаются. Прежде всего я имею в виду терракотовую статуэтку из раскопок Пантикапея в 1854 г.³

³ Государственный Эрмитаж (II. 1854. 16).

На основании комплекса находок эта терракота датируется концом VI в. — началом V в. до н. э. (рис. 57—2). Терракотовая фигурка, найденная в некрополе Пантикапея, изготовлена из желтовато-розоватой, очень плотной глины и отделана лишь с лицевой стороны; задняя сторона плоская. Длинный хитон закрывает ноги, спадая вниз прямыми вертикальными складками. Четко обозначены пальцы ног. В согнутой правой руке — венчик; левая опущена вниз и держит одежду. Накидка спадает до уровня колен живописными складками. На голове — калаф, из-под которого видны волосы, трактованные стилизованными завитками⁴. На лицевой стороне фигурки — следы красной, оранжевой и голубой красок.

Терракота, в точности повторяющая пантикапейскую, найдена в Коринфе⁵; у нее также согнута в локте рука, держащая венчик; одежда, как и на пантикапейской фигурке, иная, чем на ольвийской; приемы изображения в целом тоже другие.

В греческой монументальной пластике мотив женской фигуры с венком в руке засвидетельствован немалым количеством памятников. Вспомним акропольских кор, держащих венки, опущенный вниз, и ряд других фигур с венком в согнутой в локте руке. Этот мотив повторяется и в мелкой глиняной пластике.

Ольвийская костяная фигурка по многим деталям должна быть выделена из круга подобных изображений архаического времени. Такими деталями можно считать горизонтальные складки на хитоне спереди и косые линии сзади на плаще. По технике исполнения ольвийской фигурке (1946 г.) близка костяная фигурка из Ольвии же, найденная в 1901 г.⁶, а также костяная женская фигурка из Большой Близницы — в длинном хитоне, на невысокой подставке, у которой обработана (притом весьма небрежно) лишь лицевая сторона⁷ (рис. 57—3). Изготовление обеих костяных фигурок по стилю следует относить к IV в. до н. э. Это согласуется и с датой комплексов, в которых они найдены.

По трактовке одежды фигурка из Большой Близницы ближе ольвийской 1946 г., чем ольвийской из склепа 1901 г. Публикуемая ольвийская фигурка производит впечатление изготовленной ранее двух привлекаемых аналогий. Об этом свидетельствуют и трактовка одежды, и неподвижная поза, и руки, не отделенные от туловища, и преобладание вертикальных линий над горизонтальными и косыми. Одним из главных признаков при датировке публикуемой фигурки и определении места ее изготовления следует считать отдельные, указанные выше особенности в трактовке одежды. Резчик держался плоскостных приемов изображения при строго фронтальной постановке фигурки и прямых тяжелых вертикальных складках одежды, характерных для искусства ранней и зрелой архаики (в позднеархаическое время складки одежды несколько иные). Здесь, однако, введены новые приемы горизонтального изображения некоторых складок одежды, а также диагонально расходящиеся складки плаща сзади. Общие особенности изображения заставляют отнести фигурку еще к VI в. до н. э., а неко-

⁴ Не исключена возможность, что остатки волос на ольвийской костяной фигурке предполагают прическу, подобную прическе на фигурке из Пантикапея.

⁵ АЖА, XLIII, 1939, № 4, стр. 598, фиг. 9. Обе фигуры — пантикапейская и коринфская — столь близки по стилю, что производят впечатление выполненных не только в одной, — по-видимому, коринфской, — мастерской, но и в одной форме. Близкая (но без венка) терракота коринфского происхождения из находок в Беотии опубликована: M. Breitenstein. Catalogue of terracottas. Copenhagen, 1941, t. XX, N 182.

⁶ ИАК, вып. 33, 1909, стр. 196, рис. 4.

⁷ Государственный Эрмитаж (Б. Б. 187) — Тамань, Большая Близница, каменный склеп № 4. Раскопки А. Е. Люценко 1868 г.; ОАК за 1969 г.; атлас, табл. III, 7. Следует отметить, что отверстие в подставке — круглое, а шпенец — прямоугольный. Фигурка и подставка найдены вместе, но не исключена возможность, что они не связаны между собой.

торые детали выводят ее из архаики и позволяют говорить об архаических приемах.

Те же приемы изображения деталей, которые отличают фигурку от других ранних подобных изделий, мне кажется, могут помочь определить место ее изготовления. Схематичность и некоторая небрежность выполнения деталей, при тщательной полировке поверхности кости, побуждают относить фигурку к изделиям ольвийских костерезных мастерских, по-видимому, с раннего времени выпускавших художественные вещи не только в скифском стиле⁸, но и в греческом. Мы хорошо знаем, что в Ольвии известны заготовки для костяных художественных изделий⁹. Не исключена возможность, что публикуемая фигурка была изготовлена и в более позднее время, в IV в. или даже в начале III в. до н. э., в одной из ольвийских костерезных мастерских.

Каково назначение фигурки? Является ли она, как кажется на первый взгляд, частью какого-либо бытового предмета (верхняя часть булавки, шпильки, ручка зеркала, рукоятка ножа) или это была культовая фигурка?

Костяная фигурка из раскопок Ольвии в 1946 г., вероятнее всего, выполняла роль культового изображения.

---

⁸ С. И. Капошина. Памятники звериного стиля из Ольвии. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 42 и сл.

⁹ М. А. Наливкина. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», т. I. Киев, 1940, стр. 187—203.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
Зограф, АМ — А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗООУЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Монеты античные Северного Причерноморья.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
Тр. АС — Труды Археологического съезда
ХДПИ — Харьковский государственный педагогический институт
AJA — American Journal of Archaeology
ATL — B. D. Meritt, H. T. Wade ischery, M. F. Mac Gregor. The Athenian Tribute Lists. Cambridge, I—IV, 1939—1950.
SIG — Corpus Inscriptionum Graecorum
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JHS — Journal of Hellenic Studies
Idl — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
ER — Pauly — Wisowa — Kroll. Real-Encyclopä die der classischen Altertumswissenschaft
SC — Scythica et Caucasica

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Н. Я. Мерперт.</i> Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой	3
<i>П. О. Карышковский.</i> Ольвия и Родос по нумизматическим данным	9
<i>М. И. Максимова.</i> Панафинейская амфора из Зеленского кургана	15

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. А. Онайко.</i> Албанская экспедиция 1958 года	21
<i>Н. И. Сокольский.</i> Раскопки Пантикапея	32
<i>Н. П. Сорокина.</i> Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 годах	46
<i>И. Б. Зеест.</i> Архаические слои Гермонассы	53
<i>В. М. Скуднова.</i> Раскопки Нимфея в 1958 году	59
<i>Н. И. Сокольский.</i> Работы в Кечах в 1958 году	66
<i>И. Т. Кругликова.</i> Поселение у деревни Семеновки	73
<i>Н. С. Белова.</i> Археологические разведки в Китее	83
<i>М. М. Кубланов.</i> Археологические разведки в районе Коп-Такиля	91
<i>П. Д. Либеров.</i> Разведки в пойме реки Оскол	95
<i>П. Д. Либеров.</i> Новые материалы из курганов у села Черемушны	104
<i>[Н. Н. Погребова].</i> Работы в Тилитуго-Березанском районе в 1958 году	110
<i>М. Г. Мошкова.</i> Сарматские курганы в Оренбургской области	115
<i>Д. Б. Шелов.</i> Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг.	126
<i>В. Д. Блаватский и В. И. Кузищин.</i> Подводные разведки в 1958 году	136

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>М. И. Максимова.</i> Серебряная пряжка из Артюховского кургана	139
<i>М. А. Наливкина.</i> Костяная фигурка из Ольвии	142
Список сокращений	146

**Краткие сообщения о докладах и полевых
исследованиях Института археологии**

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № 103-87В. Слово в набор 17/IV 1961 г.
Подписано к печати 31/VII 1961 г. Формат 70 × 103 ¹/₁₆
Печ. л. 9,25. Усл. печ. л. 12,67. Уч.-издат. л. 11,6. Тираж
1400 экз. Т-07477. Изд. № 5492. Тип. зак. № 1864.

Цена 70 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства.
Москва Г-99, Шубинский пер., 10